

ПРОЧИТАНО КОНЕЦКИМ

«Книга беседует. Книга наставляет.
Книга рассказывает. Книга должна быть дорога».

В. Розанов. «Опавшие листья»

Довольно часто, перечитывая книги из личной библиотеки Конецкого, я ловлю себя на мысли, что разговариваю с Виктором Викторовичем — так красноречивы пометки, оставленные им на полях и обложках книг, зарисовки, сделанные его рукой, забытые на страницах книг фотографии, газетные и журнальные вырезки, письма...

Виктор Викторович был внимательным и дотошным читателем: на многих книгах личной библиотеки пометки, отражающие его писательский поиск, стремление учиться у классиков, несогласие с ними, сомнения «всегда одинокого за письменным столом» литератора.

Личная библиотека Виктора Конецкого представляет интерес не количеством книг — она небольшая по объему — всего 1300 томов (большая ее часть — книги с автографами — была передана самим писателем в середине 1980-х годов в фонд частных собраний музея Ф. М. Достоевского), он охотно книги дарил и передавал.

По большому счету, возможности формировать библиотеку у Виктора Викторовича никогда не было — на берегу работы у него было не меньше, чем в море.

Для чтения же время находилось всегда. В море он брал с собой любимых классиков, книги, подаренные товарищами по литературе или купленные в «писательском» отделе Книжной лавки писателей. По возвращению с моря Виктора Викторовича ждали «толстые» журналы — он выписывал все издания.

Личная библиотека Конецкого не дает возможности судить о широте и разносторонности круга чтения писателя.

О круге чтения Виктора Викторовича лучше всего, думаю, судить по его собственным книгам. Он часто цитировал любимых писателей, рассуждал о книгах, которые для него как читателя были важны и дороги, формировали его мировоззрение и художественный вкус. Он щедро и умно делился с читателями своей радостью от прочтения хорошей книги.

Я, библиотекарь по профессии, часто ругала мужа за «варварское отношение к книгам». Замечания на полях прочитанных книг — чернилами, фломастерами, карандашами, загибание страниц, записи на форзацах и обложках книг — как так можно! — сетовала я.

Теперь я благодарна Виктору Викторовичу. Он стал писателем потому, что у него были недостатки, которые нужны для того, чтобы им стать.

А у меня появилась возможность пройти часть читательского пути, пройденного им. Такая возможность у меня была, конечно, давно, но сегодня перечитывание книг собранных и сохраненных Виктором Викторовичем, дает иное ощущение и иную радость.

Просмотр книг личной библиотеки писателя позволяет проиллюстрировать некоторые этапы его жизни: сохранились книги датирующие важные события юности Виктора Конецкого, начала писательского пути, то время, когда, в основном, книги и приобретались — в зрелые годы Виктор Викторович, в основном, перечитывал любимых классиков, читал книги отобранные мною или подаренные друзьями. Книги с автографами из библиотеки писателя рассказывают о круге его личного общения, о его читателях.

Мой рассказ — об отдельных книгах из библиотеки Виктора Конецкого — не претендует на полноту охвата темы, я расскажу лишь о тех книгах, которые мы вместе с Виктором Викторовичем держали в руках, о прочитанных и самых дорогих из них, иллюстрирующих биографию писателя.

Заранее прошу простить стилистические погрешности и прочие недоработки письма и изложения — я не писатель. Меня ведет за собой Память — фрагментарная и ассоциативная.

Перед вами — рабочий материал будущей книги, — быть может, мой рассказ подвигнет кого-нибудь из Вас, читатель, к более полному и точному осмыслению темы «Прочитано Конецким».

Татьяна Акулова-Конецкая

ОГЛАВЛЕНИЕ

Родом — с Адмиралтейского канала.....	4
Однокашники и первые командиры	12
На Северном флоте.....	34
Пушкин. Лермонтов. Чехов	89
Русские писатели о писателях и литературном труде	134
Достоевский	155
Стендаль. Экзюпери. Хемингуэй.....	178
Дорогие имена.....	222
«Свобода повествования — вот о чем я всегда мечтал»	279
Книга длиною в жизнь	285

РОДОМ — С АДМИРАЛТЕЙСКОГО КАНАЛА

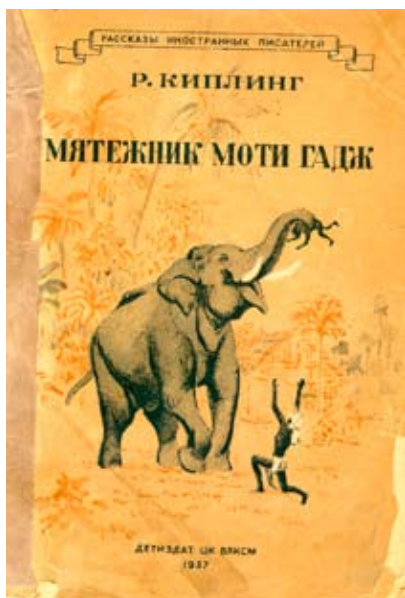
«Самое загадочное для меня существо — человек не читающий» — так говорил Виктор Конецкий.

Сам он читать научился рано, лет в пять. Первые книги ему прочитала тетушка Матильда Дмитриевна Конецкая, она же обучила и письму.

Сохранилась лишь одна детская книга Виктора Конецкого — Киплинг «Мятежник Моти Гадж». Эта книга была подарена ему в 1937 году двоюродным братом Игорем Грибелем, сыном его крестной матери — тетушки Зинаиды Дмитриевны Конецкой-Грибель.

Виктор Викторович любил эту книгу и берег её в память о любимом брате — заместителе командира саперной роты 265-й стрелковой дивизии И. В. Грибель погиб 20 января 1942 года в районе деревни Лодва Мгинского района Ленинградской области.

«В детстве я увлекался рисованием, мечтал стать художником и даже книг о морских приключениях не читал...

Киплинг Р. Мятежник Моти Гадж. / Предисл. К. Паустовского. / Пер. с англ. М. Кондратьевой. / Рис. В. Ватагина. М.-Л.: Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1937. (Рассказы иностранных писателей)

Настольный календарь 1941. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1941

К рисованию еще в раннем детстве приохотила мать. Когда-то ей пришлось подрабатывать рисунками для вышивки подушек.

Обычно люди вспоминают детство с нежностью. А я не люблю своего. Хорошее в нем только рисование. Дворец пионеров на углу Невского и Фонтанки, снег на капителях колонн, запах пластилина и скипидара, ранее честолюбие, радость от смирения и буйства красок. Я уходил в рисование от арифметики, грамматики, неудов и школьного одиночества. Даже в блокаду я утешался мыслью о том, что не надо идти в школу. И рисовал в бомбоубежище. Причем рисунки мои были далеки от войны — цветы и пейзажи» — вспоминал Виктор Конецкий в книге «Соленный лед».

В блокадном Ленинграде в бомбоубежище Дворца Труда спасало, все же, и умение читать.

Героиня романа Виктора Конецкого «Кто смотрит на облака» — «не успевшая повзрослеть от несчастий» Тамара — читала в бомбоубежище во время воздушных тревог «Хижину дяди Тома».

А пожилые люди, которым она приносила письмо с фронта — «Пир» Платона: «Это книга о любви. Платон утверждает, что самое ценное на свете не вещи и символы их, а связи между всеми

«Новая Голландия». Горит дом — соседний с домом № 9, в котором родился и жил Виктор Конецкий (сейчас на этом месте — школа). Открытка 1942 года

вещами мира. Всю жизнь он искал главную связь. И сказал, что нашел ее в любви...

«В блокадном бомбоубежище, в замерзшем городе я читал журналы с красными обложками «Мир приключений». И рассказы из этих журналов я помню лучше, чем блокаду. Быть может, потому, что ее я вспоминать не люблю.

...Наверное, это были очень средние писатели. Но и средний писатель может написать рассказ, который несколько десятков лет сохраняется в памяти человека, если писатель знает то, о чем пишет. Забытые авторы «Мира приключений» знали. Сквозь призму их рассказов глядел я на чужой мир» — вспоминал моряк Виктор Конецкий у берегов Индийского океана («Морские сны»).

«Первые игрушки — старые, пыльные тома «Отечественных записок» — сгорели в блокадной печке, как и картины, любимые в детстве — «одна картина изображала букет в глиняном горшке и рядом еще один букет в горшке поменьше».

До войны в доме Конецких были картины хороших художников — их дарили еще до революции тетушкам Виктора — артисткам Императорского театра — поклонники.

Вспоминая свой родной дом на Адмиралтейском канале, Виктор Викторovich с грустью рассказывал о картине, — на ней был изображен букет роскошной сирени, — которую он с братом отправил в буржуйку, мелко изрезав на кусочки в январе 1942 года...

Практически вся библиотека Конецких тоже погибла во время войны.

Сочинения А. С. Пушкина. Т. 1-10. Изд-е 3. СПб:
Изд-е А. С. Суворина, 1887

Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. 1- 4 тт. / Под ред. Арс.
И. Введенскаго. СПб: Изд-е А. Ф Маркса, 1891. Сверху штамп: «Александръ
Андреевичъ Штейнбергъ»

От некогда богатой довоенной семейной библиотеки в собрании Виктора Конецкого сохранились лишь книги принадлежавшие его дяде по отцу, погибшему в блокадном Ленинграде Александру Андреевичу Штейнбергу. 10-томное собрание сочинений А. С. Пушкина и 4-томник М. Ю. Лермонтова пережили войну — зная любовь Виктора Викторовича к этим писателям, невозможно представить, что эти книги, как некоторые другие, могли быть проданы им в курсантские годы на рынке у Балтийского вокзала, или сданы букинистам.

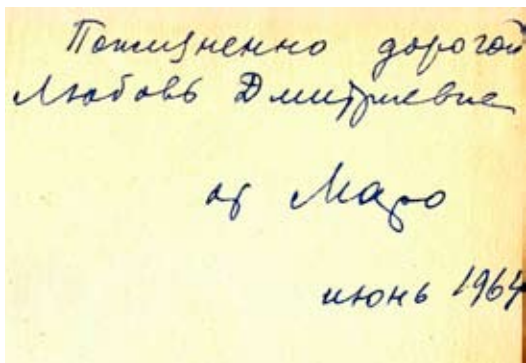
Мать Виктора Конецкого — Любовь Дмитриевна — в юности выступала в труппе С. П. Дягилева и на сцене Мариинского театра. Карьеры не сделала, выступала в мимансе и кордебалете.

До конца жизни она хранила альбом — «Русский балет» (Альбом «Солнца России» № 1. СПб: Тов-во изд-ва «Копейка», 1903) с портретами всех артистов Императорского театра и журнал на французском языке «ОМЕГА» 1912 года — единственную вещественную

Из альбома «Русский балет»: «Солнца России» № 1. СПб: Тов-во изд-ва «Копейка», 1903

Вечеслова Т. Я — балерина. Л.: Ис-во, 1964. На правой стороне форзаца: «Пожизненно дорогой Любовь Дмитриевне от Маро июнь 1964». Книга подарена Маргаритой Степановной Довлатовой, одной из руководителей литобъединения при издательстве «Советский писатель», в котором Виктор Конецкий проходил свои «литературные университеты»

память о дореволюционном балетном прошлом — своем и сестры Матильды Дмитриевны.

Мать любила книги об артистах, которых не раз видела на сцене (Михайлов М. «Жизнь в балете» (Л.-М.: Искусство, 1966), Богданов-Березовский В. «Галина Сергеевна Уланова» (М.: Искусство, 1961), Красовская В. «Анна Павлова: Страницы жизни русской танцовщицы» (Л.-М.: Искусство, 1965), Вечеслова Т. «Я — балерина» (Л.-М.: Искусство, 1964), Рулева А. «Борис Брегвадзе» (Л.-М.: Искусство, 1965).

Книги, которыми мать дорожила, Виктор Викторович сохранил. На некоторых из них автографы ее коллег по Маринскому театру, некоторые дарились сыновьями, их друзьями.

На моей памяти Виктор Викторович не раз перечитывал 2-томник «Сергей Дягилев и русское искусство».

И в последние годы жизни Виктор Викторович с интересом читал Сержа Лифаря «Дягилев» (СПб: «Композитор», 1993) и «Страдные годы с Дягилевым» (Киев: «Муза» Лтд, 1994), Креспяля Ж.-П. «Повседневная жизнь Монпарнаса во времена Пикассо. 1900–1910» (М.: Мол. гвардия, Классик, 2000).

Интерес к «балетному» периоду семьи сопровождал Виктора Конецкого всю жизнь.

Он хотел написать большой роман о своей семье — о тетушках, служивших в Императорском театре, и погибших в блокадном

Сергей Дягилев и русское искусство. Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве. Т. 1. / Сост., авторы вступит. ст. и коммент. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. М.: Изобразит. ис-во, 1982

Пометки Виктора Конецкого на одной из страниц книги «Сергей Дягилев и русское искусство»

ст 434 - красный флаг
Микассо на и Ди, ухнем! /с
437 } Микассо
131 }
пешая народнее дела мшл
8. Возврата в Россию
505 - ушорив

Сергей Дягилев и русское искусство. Статьи, открытые письма, интервью. Переписка. Современники о Дягилеве. Т. 2. / Сост., авторы вступит. ст. и коммент. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. М.: Изобразит. ис-во, 1982. Пометки Виктора Конецкого на форзаце книги

Ленинграде, их мужьях — царских офицерах, пропавших и погибших в лихие 1920–1930-е годы, о матери, которой был обязан своим духовным здоровьем и радостью творчества.

С поисками материалов о судьбах дядей у Конецкого долгие годы были проблемы.

История русского балета была доступнее.

И, самое главное, — она связана с местами детства — Новой Голландией и Коломной, — очарованный их истинно петербургской красотой, Виктор Конецкий, думаю, и стал писателем.

ОДНОКАШНИКИ И ПЕРВЫЕ КОМАНДИРЫ

Виктор Викторович бывал счастлив. «И бездумно — в детстве, когда зажигались свечки на елке, и пахло морозными яблоками, и теплый стеарин капал на ладонь, и только-только начинались еще каникулы, и впереди сияли две недели свободы, коньков, снега, беззаботности» («Повесть о радисте Камушкине»).

Это слово — СВОБОДА — ключевое для него как писателя, состояние, к которому он как личность стремился с юности.

Он выбрал флот, потому что не хотел сидеть на шее у матери. Война еще была рядом, «все время хотелось есть». Часто вспоминал он в последние свои годы, как мать приходила в училище, приносила батон — всё, чем могла подкормить сына.

В «Записных книжках» А. П. Чехова потом выделит: «Из записок старой собаки: «Люди не едят помоев и костей, которые выбрасывает кухарка. Глупцы!».

Позади была блокада и эвакуация, и воспоминания о них, мне думается, навсегда остались для Виктора Викторовича главными.

В годы учебы на Приютской, 3 — в Ленинградском военно-морском подготовительном и 1-ом Балтийском Высшем военно-морском училищах (1945–1952 гг.) — Виктор Штейнберг (Конецкий сменил фамилию отца на фамилию матери в мае 1957 года) всерьез задумался о смысле жизни, о противоречии живущем в нем — тянет к гуманитарному, а он...

«И мы в своих казармах половину времени думали о шпионах. Единственной отдушиной были книги Паустовского, его настроенческая проза проникнутая грустной мечтой о красоте.

Мы были молоды, и многое путалось в наших головах» — писал Виктор Конецкий в «Соленом льде».

В архиве Виктора Конецкого сохранился читательский формуляр его курсантских лет. Круг чтения: Р. Роллан, В. Каверин, Ги де Мопассан, О. Фори, Т. Драйзер, М. Горький, К. Паустовский, Д. Голсуорси, А. Куприн, К. Станиславский, С. Цвейг, О. Уальд, А. Блок, стихи К. Симонова, дневники Д. Фурманова, Плутарх...

2. У него ничего не было за душой, кроме воспоминаний кадетской жизни.

Чехов А. П. Собрание сочинений. Т. 10. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1956. С. 439

А вот заметка опубликованная курсантами ЛВВМУ в газете училища в 1948 году:

«Предъявлен счет библиотеке

В нашем училище есть неплохая фундаментальная библиотека. Мы не знаем количества всех книг — говорят, что их там десятки тысяч, но мы знаем, что в двух ящиках, которые стоят на столе, есть десятка 2–4 книг, которые предоставляются воспитанникам. Заглянешь в один из ящиков и приятное воспоминание о детстве овладевает тобой. «Возмутитель спокойствия», «Последний из могокан», «Мараккотова бездна», «История юнги» и другие хорошие книги лежат в этих ящиках. Они читаются легко, увлекательно, но их мы прочли еще в 7 классе. Сейчас нас, третьекурсников, интересуют более серьезные книги, которые, к сожалению, достать очень трудно.

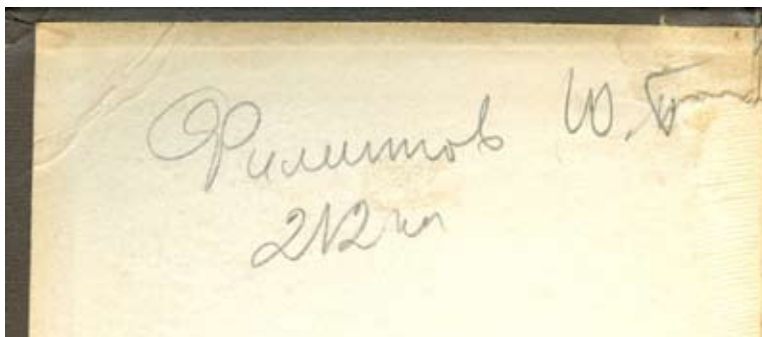
По истории мы проходим очень серьезный материал. Для того чтобы хорошо изучить его, преподаватели рекомендуют читать произведения В. И. Ленина, опубликованные в XXI томе. Но достать этот том очень трудно, т. к. библиотека имеет всего лишь несколько экземпляров этих произведений. Очень тяжело достать воспитаннику новинки художественной литературы. Так, например, роман Ильи Эренбурга «Буря» до сих пор никто из нас не мог прочитать. Не достать также «Обломова» и «Фауста», которые мы изучаем. Нам хочется также прочитать книги Синклера, Драйзера, Кронина и Голсуорси. Но библиотекарь тов. Андрианова нам заявляет, что эти книги не для воспитанников. Спрашивается, для кого же они? По-видимому, для «избранных» читателей, которым тов. Андрианова выдает книги из-под прилавка.

Следует отметить, что в библиотеке нет каталога, выбрать нужную книгу нет возможности.

Мы считаем ненормальным явлением и то, что в библиотеке создаются очень большие очереди. Почти все личное время мы вынуждены тратить на то, чтобы обменять книгу. На обмене работает только один человек, который не может в короткое время обслужить всех».

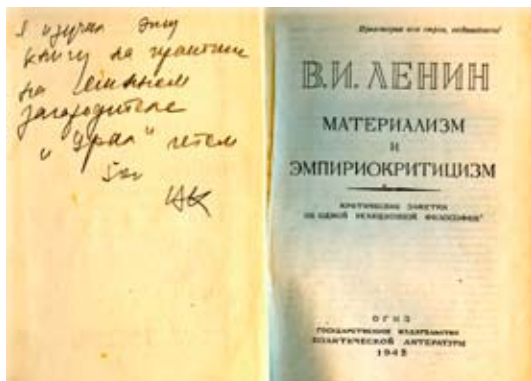
Для молодого Конецкого характерен интерес к социально-политическим вопросам.

«А на ночных вахтах Сашка говорил о книгах и о «Государстве и революции» Ленина. Сашка был первым, кто приохотил его

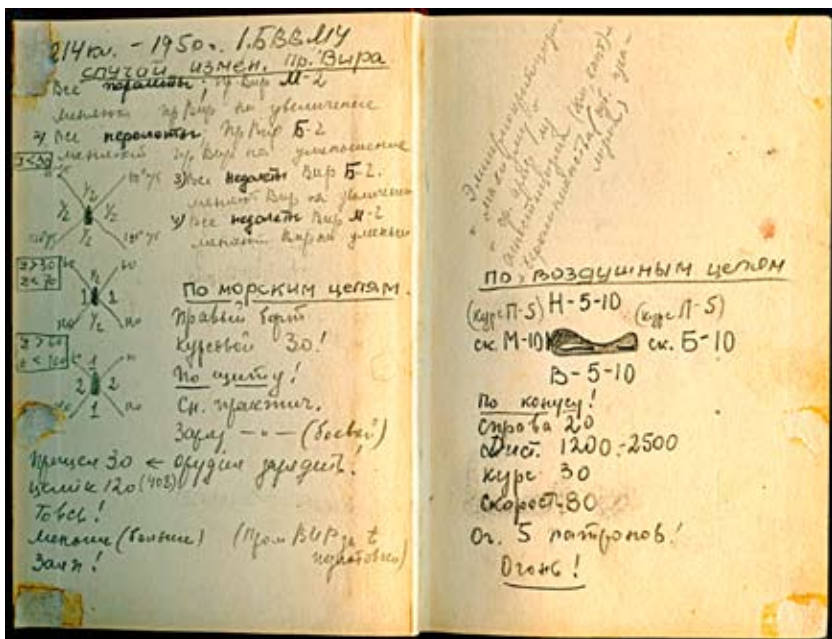

Плекханов Г. В. Искусство и литература. / Вступит ст. М. Розенталя. Ред. и ком. Н. Ф. Бельчикова. М.: ОГИЗ, Худ. лит., 1947. Книга подарена Виктору Конецкому Юлием Филипповым.

Пометки на полях книги: «Склонность художественным творчеством, к искусству для искусства возникает на почве безнадежного разлада их с окружающей их общественной средой». Здесь рукой Ю. Филиппова: «А Бел[инский], Черныш[евский], Добр[олюбов]? Некрасов, С. Щедрин?!» Рядом — рукой Виктора Конецкого: «Ю. П.! Безнадежного!»

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1948. На титуле книги рукой Виктора Конецкого: «Я изучал эту книгу на практике на минном заградителе «Урал» летом 50 г. В. К.»

Пометки Виктора Конецкого на форзаце книги Ленина В. И. «Материализм и эмпириокритицизм»

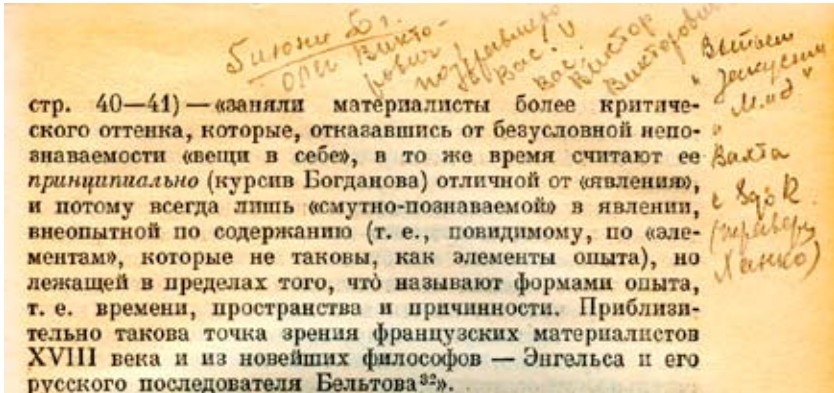
к таким серьезным книгам. Но как же они ничего не понимали тогда! «Слушай, вот Ленин пишет, что государство — аппарат насилия, а ведь у нас сейчас тоже есть государство — значит, мы кого-то насилуем, так или не так?» Сашка смеялся, он был куда умнее тогда и старше. Хотя и одноклассник по возрасту. Он мечтал пойти учиться на философский факультет университета» — Сашка, герой повести «Завтрашние заботы», реально присутствовал в жизни Виктора Конецкого.

Его звали Юлий Петрович Филиппов.

«Первый друг», «друг бесценный», одноклассник по военно-морскому училищу Юлий Филиппов покончил с собой в 1960-е годы. Виктор Викторovich говорил, что он мог стать хорошим прозаиком; его дневники, наброски прозы и прочие бумаги были изъяты милицией при расследовании причин самоубийства.

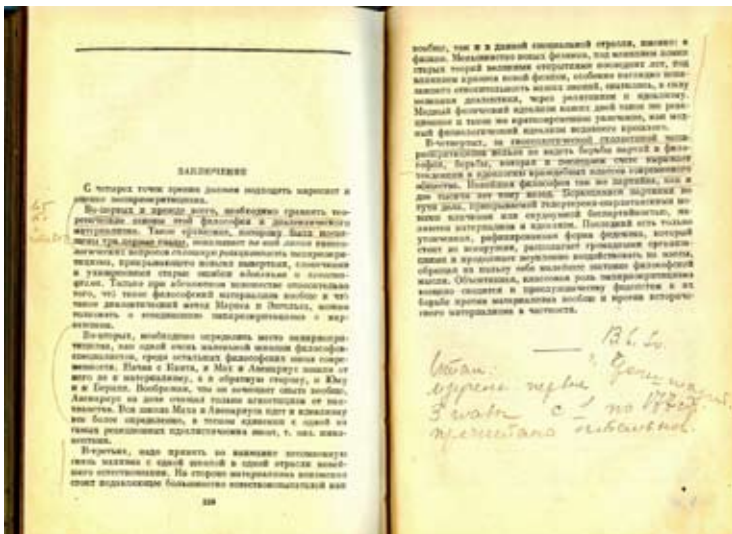
В юности они были очень похожи — «по причине вечных душевных метаний» — рефлексирующие, часто впадающие в уныние, тяжело переживающие разлад между мечтой и действительностью.

Конечкий всю жизнь воспитывал в себе оптимиста — он рано понял: иначе — конец. Филиппов разрыва между мечтой и действительностью перенести не смог.

О постепенности (внимательности) чтения свидетельствует запись на с.105: «5 июня 50 г. Олег Викторович, поздравляю Вас! И Вас, Виктор Викторovich! Выпьем и закусим «М[атериализмом] и э[мпириокритицизм-ом]». Вахта с 8 до 12 (траверз Ханко)». 5 июня — день рождения его брата Олега, 6 июня — день рождения Виктора Конецкого

На с. 339 рукой Виктора Конецкого: «13.6.50. г. Кронштадт. Итак: изучены первые 3 главы с 1 по 177 стр. Прочитано остальное»

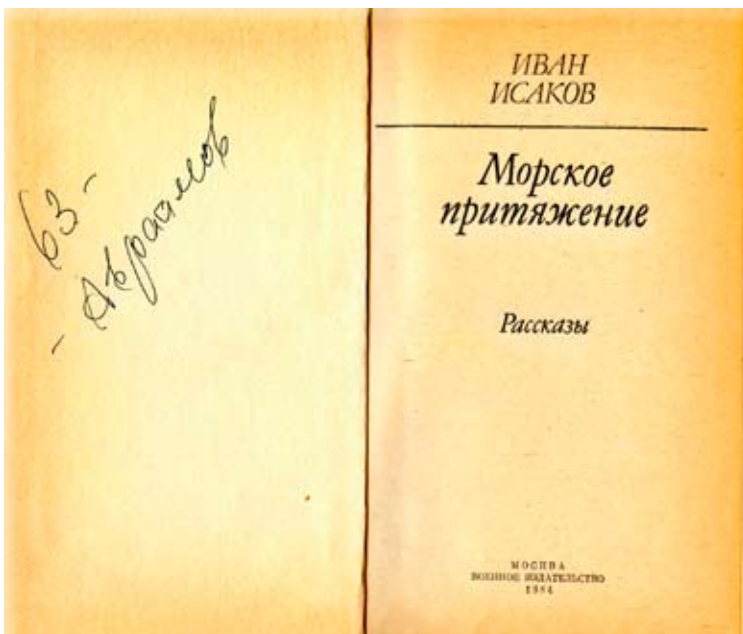
Годы учебы были отмечены знакомством с первыми командирами. Своих командиров — все они прошли войну — Виктор Конецкий всегда вспоминал с благодарностью.

С 1944–1948 гг. начальником ЛВМПУ, затем 1-го Балтийского ВВМУ, был Николай Юльевич Авраамов (во время войны он командовал базой Ладожской военной флотилии, потом — возглавлял школу юнг на Соловецких островах).

Знакомое имя выделено Виктором Конецким в книге адмирала И. С. Исакова «Морское притяжение»:

«К концу того же дня на заседании под председательством маршала Ворошилова было принято решение: организовать переброску через Ладожское озеро станков, приспособлений, заготовок — всего необходимого для производства танков КВ и Т-34.

...Только после заседания сообразил, что при руководстве переброской кировцев я становился в значительной мере ответственным за движение и всего остального потока грузов. Ведь ввоз в осажденный город [Ленинград] боезапаса и продовольствия шел по той же трассе. А мне было хорошо известно, что на трассе не хватало причалов, буксиров, рабочей силы — всего самого необходимого.

Исаков И. Морское притяжение: Рассказы. / Предисл. адмирала флота С.Г. Горшкова. М.: Воениздат, 1984

Осмотревшись на месте, я не стал создавать специальный аппарат. Руководство работами на причалах Осиновца возложил на капитана первого ранга Н. Ю. Авраамова, опытного и боевого моряка, командира базы Ладужской военной флотилии. На себя же взял обязанность утрясать все вопросы с Кировским заводом, железной дорогой, Северо-Западным пароходством и десятком других организаций, на которые Авраамов влиять не мог, но без которых не мог ничего сделать».

К слову замечу, что адмирала Ивана Степановича Исакова Виктор Конецкий почитал за талантливого писателя.

Иван Степанович собрал замечательную морскую (и не только) библиотеку. От завещанного флоту адмиралом Исаковым великолепного книжного собрания в Центральную военно-морскую библиотеку поступило менее половины книг (это обстоятельство, открывшееся мне совсем недавно, послужило поводом для полного описания библиотеки Виктора Викторовича Конецкого).

О своем знакомстве — по переписке — с адмиралом Исаковым Виктор Конецкий рассказал в эссе о Сергее Колбасеве «Он поэмы этой капитан»:

«Я пишу на бланке не для того, чтобы похвастаться. А для того, чтобы Вы знали, что мне многое легче сделать, чем Вам. Поэтому если что нужно — пишите.

И. С. Исаков — А. И. Маринеско

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК СССР АДМИРАЛ ФЛОТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА И. С. ИСАКОВ

24 декабря 1966 г.

Спасибо за книгу.

Еще не имел возможности заглянуть.

С юмором — неблагополучно.

Задерживают, так как мокрому маршалу не пристало писать «легкомысленные» фации.

(Пришлось, на полном серьезе, — дать портрет необычайного кока — в № 11 «Нового мира»; да и тут оскандалился (не кок, а «Н. м.»!) и выйдет в начале будущего года.)

Сергея знал.

Согласен.

С генералом береговой службы — дела иметь не хочу.

Возможно, напишу прямо Бакееву (один раз № прошел).

С Новым годом!

Ваш Исаков

Адмирал флота — высшее военно-морское звание. За всю историю России его носили к тому моменту, кажется, всего три человека. И вот я — старший лейтенант запаса ВМС — обратился к адмиралу флота, Герою Советского Союза, лауреату Государственной премии в области науки, кавалеру шести орденов Ленина и двух орденов Ушакова I степени и пр. и пр. с письмом, в котором просил его ходатайствовать перед правительством о присвоении имени Сергея Колбасева какому-нибудь судну. Ответ пришел уже через две недели.

Отличная штука — интеллигентность.

Возможно, кое-кому покажется парадоксом то, что для морского писателя этакая мягкотелая гуманитарная интеллигентность абсолютно необходима — быть может, даже более необходима, нежели для всяких других литераторов. Но одновременно это качество

значительно затрудняет собственную жизнь, особенно в ранний период военно-морской службы, — здесь поверьте мне на слово. По закону естественного отбора пройти сквозь каторгу первых лет службы на флоте мягкотелому интеллигенту возможно только в том случае, если он обладает юмором. Потом юмор неизбежно — и вне зависимости от сознания морского писателя — оказывается в его книгах. В результате Герой и лауреат застонал: «С юмором — неблагополучно...»

Чудесные рассказы Исакова начиная с 1959 года публиковал в «Новом мире» Твардовский. Адмиральский юмор кое-кого из литературных генералов тревожил, и потому рассказы «задерживают».

Комментирую его письмо дальше.

«Мокрый маршал» — означает на морском жаргоне «Адмирал флота», ибо это звание соответствует сухопутному маршалу. В названии себя «мокрым маршалом» есть достаточная порция самоиронии, ибо Иван Степанович всегда помнил то, что обскакал Нахимова и Макарова, — они погибли лишь вице-адмиралами.

«Фацеция» — тут пришлось совать нос в словарь иностранных слов. И таким путем я впервые в жизни узнал, что это один из эпических жанров: шуточный рассказ, распространенный на Западе в эпоху Возрождения, а в России — в конце XVII века.

«Сергея знал». Это ответ на мой вопрос, знал ли адмирал Колбасьева в жизни. Их пути могли непосредственно пересечься в 1919 году на миноносце «Деятельный», в составе Волго-Каспийской флотилии, то есть при штурме Энзели.

«Согласен». Это означает, что Иван Степанович считает Сергея Колбасьева таким моряком и писателем, который заслужил право плавать и после смерти — кораблем.

В дни Сталинградской обороны, на Кавказском фронте, на перевале Гойтх адмирал был ранен осколком авиабомбы в бедро. Началась гангрена, флагманский хирург Черноморского флота сказал: «Иван Степанович, я должен отрезать вам ногу». Адмирал ответил: «Спасите мне голову». После ампутации Исаков впал в кому, два часа у него не прослушивался пульс. Но здесь, по легенде, принесли телеграмму из Ставки, которую хирург все же решил зачитать вслух над лежащим без сознания раненым:

МУЖАЙТЕСЬ МНЕНИЮ СПЕЦИАЛИСТОВ МОЖЕТЕ ВЫЗДОРОВЕТЬ СЛУЧАЕ ТРАГИЧЕСКОГО ИСХОДА ЛУЧШИЙ

Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1946. На обложке книги рукой Виктора Конецкого: «Принес с помойки 07.08.83. В. К.»

ЭСМИНЕЦ ФЛОТА БУДЕТ НАЗВАН ВАШИМ ИМЕНЕМ = СТАЛИН

Исаков открыл глаза, и у него появился пульс.

Для человека, который потом на костылях командовал флотами, представить свое имя на борту корабля — это не пустое честолюбие. Человек хочет продолжиться в своих детях, в своих трудах. Моряк хочет плавать и после смерти, ибо, как говорили древние, плавать по морям — значит жить. Детей у Исакова не было...

«С генералом береговой службы — дела иметь не хочу». Это опять флотско-жаргонная ирония. Теперь в адрес младшего по выпуску гардемарина Ленки Соболева, который в тот момент был первым секретарем правления Союза писателей РСФСР, и морские подвиги которого вызывали у боевого адмирала некоторый скепсис.

«Возможно, напишу прямо Бакаеву (один раз № прошел)».

Бакаев — министр морского флота СССР в те времена. Очевидно, один раз Исаков уже удачно ходатайствовал перед ним по подобному вопросу. В отношении Колбасьева номер не прошел потому, что Иван Степанович вскоре после письма ко мне умер.

В некрологе Твардовский писал: «И. С. Исаков был сравнительно молодым писателем. Всего лишь восемь с половиной лет назад появились первые его “Невыдуманные рассказы”. Человек на редкость скромный, он часто говаривал: “В этом деле я всего лишь мичман”».

Я не литературовед и не историк литературы, но убежден в том, что без старого писателя Колбасьева не было бы и молодого писателя Исакова.

С Иваном Степановичем судьба недавно свела — встретил на морской дороге мощный противолодочный корабль «Адмирал Исаков».

В книге «Вчерашние заботы» Виктор Конецкий вспоминал еще одного своего командира — Бориса Викторовича Никитина:

«Через много лет я наткнулся в книге моториста 1-й Краснознаменной, ордена Нахимова I степени бригады торпедных катеров Валентина Сергеевича Камаева на такие слова:

«23 февраля 1937 года командир дивизиона капитан 3 ранга Борис Викторович Никитин сообщил, что мы будем служить в особом дивизионе торпедных катеров, оснащенных новейшей военной техникой, позволяющей атаковать корабли противника, не имея на борту людей, а выводить катера в атаку будут специальные самолеты, с которых им будут выдаваться команды по радио. Очень часто место оператора в самолете-водителе занимал сам командир дивизиона Борис Викторович Никитин — удивительный энтузиаст новейшей военно-морской техники...»

Борис Викторович Никитин прошел всю войну на самом отчаянном и дерзком — на торпедных катерах. Затея же с управлением катерами по радио — заводка двигателей, их реверс, маневрирование, торпедный залп, постановка дымзавесы при отходе — в боях проверена не была. Но не потому, что аппаратура и отработка применения ее были плохи. Просто господство в воздухе принадлежало длительное время противнику, и он сбивал летающие лодки типа МБР-2 (морской ближний разведчик, модель вторая), с борта которых должно было осуществляться управление катерами. Не в этих деталях, однако, суть дела и суть адмирала Никитина. Ведь в основе идеи лежит главный закон лучших русских флотоводцев — победа малой кровью! Сохранить родные души, уберечь матросов и лейтенантов от любого лишнего риска».

Борис Викторович Никитин

Борис Викторович Никитин сменил Н. Ю. Авраамова на посту начальника 1-го Балтийского Высшего военно-морского училища. Это он спас Конецкого, когда тот потерял винтовку, возвращаясь с учебной практики «где-то между Хибинами и Аппатитами» в конце августа 1951 года, его ждал «трибунал и десять лет, как одна копейка»...

В 1996 году вышел первый выпуск альманаха «Перископ-калейдоскоп». Это издание затеяли однокашники Виктора Конецкого и посвятили первый выпуск альманаха светлой памяти своих первых командиров — Н. Ю. Авраамова, Б. В. Никитина, И. С. Щеголева. Альманах, представивший пишущих военно-морских офицеров в отставке, без преувеличения можно назвать изданием уникальным — ибо товарищество, сохраненное более чем на полвека — редкость. В альманахе есть документальное подтверждение этому, выраженное в коллективном творчестве:

Никитин Б. В. Катера пересекают океан. Л.: Лениздат, 1980

ЭССЕ ОБ ОБЩЕЙ КАШЕ

«В трудное время после Отечественной войны в Царскосельском лицее учились на одном курсе не знаменитые тогда еще ребята, и среди них курчавый паренек Саша. Воспитатели у них были строгие, но добрые и заботливые. А с пайком, надо полагать, дело обстояло, как это всегда бывает после войны, туговато. На завтрак, конечно, давали сахарку и коровьего маслица, а в обед кормили, как правило, кашей.

Приносил ихний дневальный один горшок на шестерых, и кто-нибудь делил по мискам, а выскребая чумичку и поглядев на нее с сомнением, производил: «да чего тут делить!...», — и вытряхивал в свою посудину.

По этому поводу Саша сказал такие слова: «Блажен муж, иже сидит к каше ближе!».

Общая каша издавна объединяла людей на Руси. На Дону артель так и называлась: каша. «Мы с вами в одной каше ходим», — говорил донец про своего дружка. Если цари да бояре пировали, то простой народ кашничал. «Каша есть мать наша, не бифштексам

*Перископ-калейдоскоп». Вып. II.
Подготы — первобалты о времени и о себе. СПб, 1996*

чета, не прорвет живота». Про кашевара говорили, что он живет сытей полковника. И вообще — «где каша, там и наши».

Именно нашей русской каше мы обязаны прекрасному слову, которое нас объединяет, — однокашник.

Возвратимся к повзрослевшему уже Саше, точнее сказать, к Александру Сергеевичу, и вспомним его стихи, посвященные однокашникам:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен...*

Почему мы после жены, детей, ну и, конечно, непосредственно начальства больше всего любим однокашников?

Потому что однокашники — это наша нескончаемая молодость, как бы остановленное прекрасное мгновение. Однокашники друг для друга всегда молодые, красивые, холостые, умные, щедрые и бесстрашные. Кто может спросить адмирала, академика или министра: «А помнишь, Васька, как однажды дали мы с тобой звону?»

Естественно, только однокашник. Всякий другой после таких слов был бы дематериализован.

Однокашники — это постоянный пример для подражания и как бы реестр наших собственных скрытых возможностей. Так бы и жил себе, как трава растет, не задумываясь о своих возможностях, а как узнаешь, что твой однокашник, который у тебя математику списывал, по твоим конспектам политэкономии сдавал и просил у тебя перешитую бескозырку на увольнение, стал депутатом или лауреатом, — сразу понимаешь, на что способен, напрягаешь силенки и быстренько становишься таким же.

Однокашник — это второе Я. Однокашник знает о тебе все, даже то, что сам давно постарался выкинуть из памяти. И нет для него большего удовольствия, чем вспомнить о тебе это прямо в глаза, да еще в присутствии других лиц, чтобы и они насчет тебя не слишком заблуждались.

Однокашники даны нам от бога, их, в отличии от членов товарищеского суда, не выбирают, и любить их надо такими, каковы они есть.

подавляй в себе животное чувство стремления продвинуться ближе к каше, растолкав однокашников, а если тебе поручили делить — раздели до крошки и последнюю чумичку.

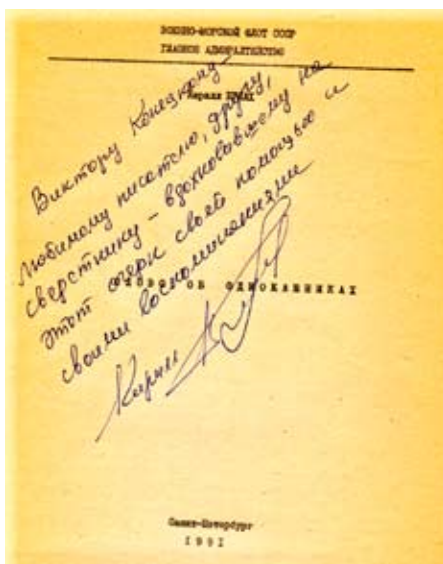
Будем же достойны этого звания, не военного, не ученого, не административного, а самого человеческого на свете — Однокашник».

Держу в руках книгу — наскоро отпечатана «дедовским» способом», похоже, в типографии училища имени Ф. Э. Дзержинского, на дешевой желтоватой бумаге — Кирилл Булах «Слово об однокашниках». В книге — письмо:

«10.02.92. Дорогой Виктор! В декабре был в «Звезде», все по указаниям Чечулиной отредактировал (грамматику). Планируют поместить в № 5–92. Только боюсь, что не хватит бумаги, и т.п. в наши тяжелые дни.

Еще раз спасибо за помощь, возню с 3-мя вариантами рукописи и, главное, стремление помочь в моем желании рассказать людям о нашем Гешке.

Очерк, который высылаю, писался легко до середины. Только надо было спешить с подготовкой к изданию, а материалов не было. Бился, звонил, матюгался, писал и телеграфировал. В июле начало все налаживаться, но...

Булах К. Слово об однокашниках. СПб, 1991. (ВМФ СССР. Главное Адмиралтейство). На титуле книги надпись: «Виктору Конецкому — любимому писателю, другу, сверстнику — вдохновившему на этот очерк своей помощью и своими воспоминаниями. Кирилл Булах»

10-го августа у меня убили 5-ю ударами ножа в сердце 29-летнего сына. Где уж тут писать очерк? Все-таки вытянул и 25-го октября раздал книжечку однокашникам, собравшимся в клубе училища на 40-летие выпуска. Все хотели книгу расширить, иллюстрировать, издать на «слоновой» бумаге и т.п. — особенно во время пьянки в ресторане «Невский». Потом все зачихали. Мои письма всем уже 2 месяца остаются без ответа.

Думаю, что экономическая реформа надолго изменила интересы. По крайней мере, в ресторане мы были в последний раз — по 100 руб. с рыла. Теперь надо 10000. Так что не размахнешься. Как вы вывернетесь?

Купил до повышения цен дом деревенский с баней и коровником в Тверской губ. (ст. «Мета»). Буду жить все лето, охранять картошку, чинить забор и крыльцо, переделывать хлев в гараж. Будешь желанным гостем.

Не болей. Кирилл.

Р. S. Большой привет Тане».

Булах К. Полный вперед!: Морские повести и рассказы. / Пред. В. Конецкого. СПб, 1997. На титуле книги надпись: «Дорогим друзьям Тане и Виктору о моей «толстой» жизни. Кирилл. 07.07.97»

Кирилл Глебович Булах дождал до выхода своей новой книги — пусть и не «на слоновой» бумаге, но все же... Она была издана в 1997 году на средства автора. Имеет посвящение: «С неутрахающей грустью по сыну и гибнущему флоту».

Из предисловия к книге Кирилла Булаха «Полный вперед!»:

«Сочинять предисловия не умею, но так как автор никакого «имени» в художественной литературе не имеет, то по нашим устарелым, нелепым, но железным законам положено неизвестного автора «предварять».

Кирилл Булах написал про всех нас — сталинских и послесталинских моряках замечательно. Не боюсь этого слова, ибо он правдив и память его отменна.

Каждый маленький штрих его заметок будит во мне вихри летучих воспоминаний и зависти. Сам я тот период жизни описывать не мог — все одно: цензура бы и на сто миль не подпустила.

Еще замечу, что работать на морском материале могут только моряки. Никакие творческие командировки не спасут литератора, если он не является моряком... Мне думается, пошли меня

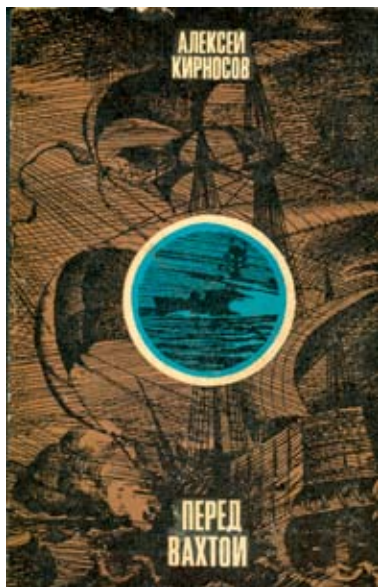
на полгода, на год поработать в колхоз, вероятно, я смог бы написать повесть на крестьянском, деревенском материале. Ну, во всяком случае, не спутал бы корову с быком или овес с пшеницей. С флотом сложнее. И когда я начинаю читать написанное на морском материале не моряком, обычно с первого взгляда вижу, чувствую: этот человек не знает флот. Ну-ка, пройди новую парусину белыми нитками, над тобой весь экипаж обхохочется. А в «маринистике», к сожалению, нередко шьют чем хотят, и тут уже не хотеть, а плакать хочется.

Да, Кирилл Булах не профессиональный писатель, но недаром англичане — морская нация — исповедуют заповедь: «Дьявол скрывается в мелочах». С них начинается и литература».

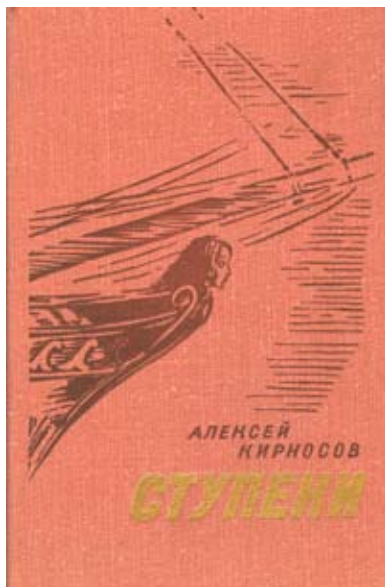
Булах Кирилл Глебович — капитан 1 ранга в отставке, по специальности инженер-механик корабельной службы. Окончил в 1951 году училище имени Ф. Э. Дзержинского, служил на кораблях Черноморского, Балтийского и Северного флотов, командовал учебными подразделениями, преподавал специальные и общепрофессиональные дисциплины в военных училищах. Автор многих специальных публикаций, статей на исторические темы, беллетристических произведений.

Один из лучших рассказов Кирилла Булаха, давшего название книге «Полный вперед!», посвящен Гешке — Геннадию Викторовичу Крылову (1929–1987) — однокашнику Виктора Конецкого по Ленинградскому военно-морскому подготовительному училищу и 1-му Балтийскому высшему военно-морскому училищу. Кирилл Булах служил с Крыловым на Балтике.

Это Геннадий Крылов придумал 22 отклонения пожарной лопаты от требований приказа Главкомандующего ВМФ (см роман Виктора Конецкого «Никто пути пройденного у нас не отберет»). Ас-штурман. Подводник — командир группы, командир штурманской части, флагманский штурман бригады подводных лодок. Первые старты ракет из-под воды, первое и второе поколение атомных подводных лодок. Современная навигационная работа. За несколько месяцев до смерти стал чемпионом Ленинграда по лыжным гонкам 1987 года среди ветеранов (после тяжелой операции на желудке — рак). О нем — шестнадцатилетнем военно-морском воспитаннике вспоминал Конецкий: среди обескровленных блокадой и войной мальчишек-воспитанников на физподготовке «честно пробежать дистанцию мог только Гешка по прозвищу «Конспект»...

Кирносов А. Перед вахтой:
Роман. М.: Мол. гвардия, 1972

Кирносов А. Ступени. Л.:
Лениздат, 1981

Геннадий Крылов оставил замечательный рассказ о Викторе Викторовиче (вошел в книгу о Викторе Концеком «Дорогой наш Капитан»), он, безусловно, мог бы стать и писателем. Не стал.

Писателем стал другой однокашник Концекого — Алексей Кирносов. Его роман «После вахты» командиры много лет прятали от воспитанников военно-морских училищ.

«Друзьям моим по училищу посвящаю» — на титуле книги посвящение Алексея Кирносова.

Писательский путь А. А. Кирносова, по большому счету, не сложился — он умер в возрасте сорока семи лет. Работал в детской литературе, его роман «Ступени», повести «Миф об аргонавтах», «Смерть капитана Чаликова» и другие серьезные вещи вошли в книгу «Ступени» — она была издана в 1981 году.

*Прохожий! Кто б ты ни был, стой!
И шляпу с головы сними ты.
По сей могильною плитой
Навек почил моряк убитый.*

Он был умен, ретив, силен,
Он жизнь любил любовью пылкой.
Он был злодейски умерщвлен
Порожней водочной бутылкой...

Эту шуточную эпитафию Алексея Кирносова сохранили друзья-первобалты...

Многие одноклассники Виктора Конецкого — подготы-первобалты — стали учеными, политиками, актерами, сделали прекрасные карьеры на ВМФ.

В библиотеке В. В. Конецкого хранится книга еще одного товарища подготской юности — член-корреспондента Петровской АН профессора Леонида Васильевича Власова, автора более 30 публикаций и книг о маршале Маннергейме, финского варианта трилогии «Маннергейм в России», получившей широкую известность.

До Великой Отечественной войны Лёня Власов жил в огромной коммунальной квартире, его сосед Ефим Юрьевич Учитель,

Власов Л. Петербург в судьбе Маннергейма. СПб, 2000. На титуле книги надпись: «Милому другу Вите и его очаровательной жене, сердечно с наилучшими пожеланиями от автора. Л. Власов. 27.12.2000. СПб»

известный кинооператор и режиссер, вернувшись с финской войны, привез заграничные журналы. Мальчишки, жители коммуналки, с интересом листали их. Тогда впервые они узнали о Маннергейме.

Пятнадцатилетним мальчиком Леонид Власов ушел добровольцем на фронт; закончив в 1943 году школу связи в Кронштадте, служил радистом на морском «охотнике». Во время приемки острова Гогланд в 1944 году в доме, видимо, оставленном бежавшим из него финским офицером, нашел на чердаке две коробки — 20 папок материалов о Маннергейме. О своей находке Власов рассказал товарищам. Материалы были сожжены особистами, а Власов отправлен в Кронштадт, избежав лагеря, благодаря благородству старшего офицера.

В 1992 году вышла первая книга Леонида Васильевича Власова «Маннергейм в России».

Маршал Маннергейм с самого начала Великой Отечественной войны готовился не к победе, а к поражению Гитлера в войне против СССР, — он не смог забыть 30 лет своей жизни в России. Маннергейм отказался подчинить финские войска Гитлеру, отказался от наступления на Россию, сохранил дипломатические отношения с СССР.

Ежегодно на встрече выпускников 1-го Балтийского Высшего военно-морского училища звучат стихи однокашника Виктора Конецкого:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен,
Неколебим, свободен и беспечен,
Под сенью он возрос системы ВМУЗ.
Куда бы нас ни бросила судьба,
Мы память сердца бережем внутри.
Все те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество — Приютская, дом три!»...*

*«Помним, любим, Витя! Твои лейтенанты - первобалты 1952 года».
2007 год*

*На встрече выпускников 1-го БВВМУ. 55 лет со дня выпуска.
2007 год*

НА СЕВЕРНОМ ФЛОТЕ

В честь окончания 1-го Балтийского Высшего военно-морского училища все выпускники 1952 года получили в подарок от командования училища книги — К. Е. Ворошилов «Сталин и Вооруженные силы СССР» и «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография».

Служить Виктору Штейнбергу довелось в 441-ом отдельном дивизионе аварийно-спасательной службы Северного флота.

«Был одна тысяча девятьсот пятьдесят второй год.

Когда я нашел свой корабль, командира на борту не оказалось, и представиться ему я не смог. Вахтенный офицер показал мою каюту. Бортовая стенка каюты заросла инеем. Судно строили в Америке, и оно не было приспособлено для работы в высоких широтах. Горячий воздух поступал в каюту из раструба отопления в подволоке. Известно, что горячий воздух легче холодного, поэтому он вниз не опускался. Если ты стоял, то дышать было нечем. Если садился, вокруг блистал иней.

Ворошилов К. Е. Сталин и Вооруженные силы СССР. М.: Воениздат, 1951.

На переднем форзаце: «Лейтенанту Штейнбергу В. В. в честь окончания училища от командования. Г. Ленинград. 1952 г.»

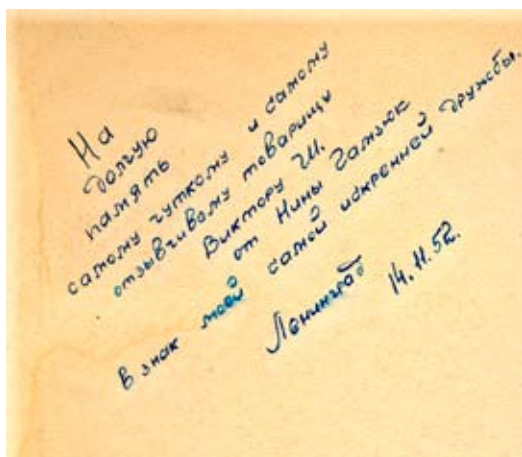
Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е испр. и доп. изд. / Сост. Александров Г. Ф., Галактионов М. Р., Кружков В. С., Митин М. Б., Мочалов В. Д., Поспелов П. Н. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1952.

На переднем форзаце: «Лейтенанту Штейнбергу В. В. в честь окончания училища от командования. Г. Ленинград. 1952 г.» Подчеркивание рукой Виктора Конецкого на с. 13 (воспоминания Сталина о Ленине): «...Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей высшего типа, горный орел (подчеркнуто Виктором Конецким — Т. А.), не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения». Здесь на полях у слов «горный орел» рукой Виктора Конецкого: «Их нет. Есть беркуты». Пометка датирована 1965 годом.

Я распаковал чемодан, вытащил казенные кальсоны, вдел одну штанину в другую, пояс кальсон обвязал вокруг раструба отопления, а к нижним тесемкам привязал тяжелую настольную лампу.

Теперь теплomu воздуху некуда было деваться, он мчался сквозь кальсоны почти до пола и только после этого поднимался вверх.

Я был очень доволен собой, своей молниеносной находчивостью, так необходимой настоящему моряку. Я смотрел на пульсирующие

Атлас офицера. М.: Воен.-топограф. упр-е, 1947. (Ген. штаб ВС Союза ССР). На форзаце книги надпись: «На долгую память самому чуткому и самому отзывчивому товарищу Виктору Ш. от Нины Гамзюк в знак моей самой искренней дружбы. Ленинград. 14.11.52»

В книге на листе из альбома набросок женского портрета синими чернилами. Виктор Конецкий. 1952 год

под давлением в три атмосферы кальсоны. Они шипели и трещали по швам, но иней послушно таял.

Когда человек начинает первый день самостоятельной морской жизни, он, конечно, испытывает страх перед неизвестностью, растерянность и острое желание увидеть маму, залезть к ней под фартук. Так как мама далеко, то следует заменить ее каким-либо собственным волевым действием. Утвердить себя в себе. Я это сделал при помощи казенных кальсон. И занялся дальнейшей разборкой чемодана, рассматриванием разных вещичек и книг, которые носовали родственники и друзья на память.

Я выставил на стол серебряную трехвершковую Венеру Милоскую — подарок жены брата. Подстаканник с малайской физиономией — подарок тети. «Атлас офицера», весом в пять килограммов и абсолютно бессмысленный, ибо, кроме схем обороны Царицына, там ничего не было, — подарок баскетболистки, которую я было хотел полюбить, но она полюбила другого. Когда другой ее бросил (за дело), я ее утешал. И она при расставании всучила мне пять килограммов меловой бумаги и схемы обороны Царицына.

К оттаявшей стенке каюты над столом я прикрепил фотографию Любы Войшниц — популярной в те времена балерины Мариинского театра в роли Тао Хоа из «Красного мака». Войшниц подарила мне мама. Она еще дала мне иконку Николы Морского и велела никогда с Николой не расставаться.

Икона Николы Морского, подаренная матерью Л. Д. Конечкой

Я сидел, раскисал от воспоминаний, от тепла, от желания победить в себе страх перед завтрашним неизвестным днем, когда, быть может, мне надо будет вести корабль в море на спасение гибнущих людей, а я ровным счетом ничего еще не умею и не знаю.

Уже за полночь дверь каюты раскрылась, без стука, конечно, и вошел мой первый капитан. Он оказался очень маленького роста, очень некрасив, в фуражке, хотя все уже давно носили шапки, в канадской куртке с разорванным капюшоном, в меховых перчатках, причем эти перчатки были такие большие, что казалось, он может использовать их как непромокаемые сапоги. Ему было за пятьдесят, лицо его было круглое, густо, асимметрично покрытое морщинами.

— Чего это вы здесь делаете, лейтенант?— спросил он меня и ткнул пальцем в пульсирующие кальсоны. Я представился и объяснил, что при помощи кальсон равномерно обогреваю каюту.

— Убрать!— сказал он.

Я, как и положено, сказал: «Есть!»— и, обрывая завязки, демонтировал отопительное сооружение.

— А это что такое?— спросил он, показывая на подстаканник.

— Подстаканник,— ответил я.

— Первый раз вижу человека, который идет служить, имея собственный подстаканник,— сказал он.

— Подарок друзей,— объяснил я, не решившись сказать слово «тетя».

— А я вас не спрашиваю, чей это подарок,— ответил он и ткнул пальцем в книги.— А это что?

Книг было много. Я надрывался, когда тащил чемодан по Мурманску к Каботажной пристани.

— Книги,— сказал я.

— Так ты что — приехал книги читать или служить?— спросил он меня.

Я пробормотал, что надеюсь делать и то и другое.

— То, на что ты надеешься, меня мало интересует,— сказал он.— Я могу дать гарантию, что ты будешь делать что-либо одно.

— Есть!— сказал я.

— За какие грехи ты сюда попал?— спросил он. А я и сам еще не знал, за какие грехи попал на корабль аварийно-спасательной службы Северного флота. Это было довольно мрачное место в те времена. На спасательные корабли списывали хулиганистых матросов и самых нерадивых офицеров с боевых кораблей.

Служить на спасателе означало, что следующим этапом, возможно, будет тюрьма или демобилизация.

— Ну вот,— сказал Гашев,— Все знают, за что они сюда попадают, а ты не знаешь, хотя книжки читаешь.

И мне почудилось, что он уже кое-что выяснил про меня, что он уже прочитал мое личное дело и теперь знает обо мне даже больше, чем я сам.

— А моря вы боитесь?— спросил он, переходя на «вы».

Я сказал, что еще не мог проверить себя и не могу заявить ничего определенного.

— Ну, спи,— сказал он и ушел.

А я остался сидеть за столом и глядел, как растаявшая было изморозь на переборке опять начинает выступать на металле.

Я понял тогда, что служить будет тяжело; правда, я и раньше догадывался об этом.

Зосима Петрович был одним из лучших командиров аварийно-спасательных кораблей; с детства на море, человек трудной судьбы, одинокий и злой. Ему пришлось восемь раз в период военных действий тонуть. Его корабли подрывались на минах, их топили подводные лодки или штурмовики. Никакой вины за это на Гашеве не было и не осталось, ему просто не везло.

Но, будучи суеверными, моряки, получая назначение на судно, которое Гашев должен был вести в море, боялись и по-всякому отлынивали.

Роковая невезучость может испортить характер любого человека.

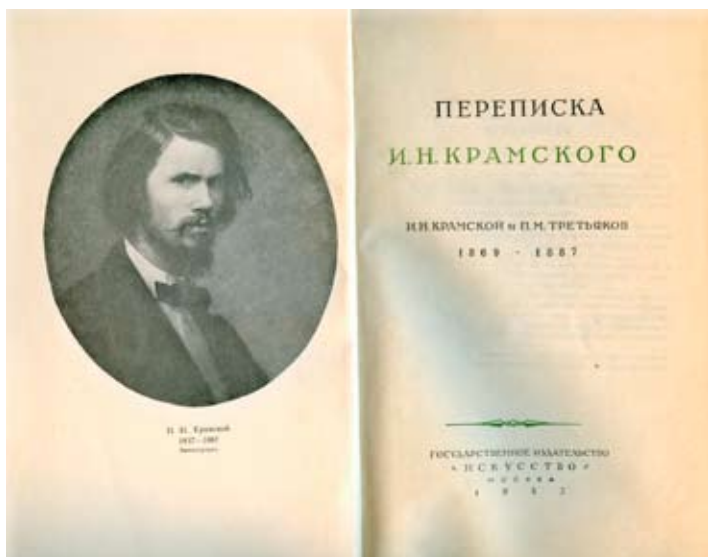
Быть может, Гашев после войны стал спасателем именно потому, что ему много раз пришлось бороться за живучесть тех кораблей, которыми он командовал.

У него было сугубо личное отношение к морю. Они еще не скви-тали долг друг другу.

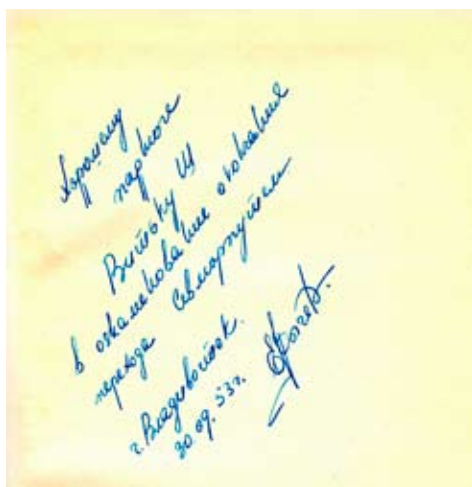
Превратившись в профессионала-спасателя, он каждым спасенным судном доказывал морю свою силу и заставлял море уважать себя.

А может, я все это выдумываю или преувеличиваю.

Гашев был плохим воспитателем, так как забыл времена, когда знал профессию недостаточно хорошо, когда, как любой молодой моряк, сам допускал ошибки в сложные моменты. Он не считал нужным забираться в психологию подчиненных и просто требовал от них на том уровне, на котором требовал от самого себя. Его

Переписка И. Н. Крамского. И. Н. Крамской и П. М. Третьяков. 1869–1887. М.: Ис-во, 1953

На переднем форзаце книги «Переписка И. Н. Крамского»: «Хорошему парню Витьку Ш. в ознаменование окончания перехода Севморпутем. г. Владивосток. 30.09.53 г. Е. Сычев»

раздражало, когда молодые спрашивали объяснение того или другого маневра, того или другого поступка.

Про него говорили, что это человек, который может пройти под своим собственным буксиром. Представьте, что по морю идут два судна. Первое тащит на тросе другое. Так вот, про Гашева говорили, что если он командует первым, то может развернуться и пройти под тросом, то есть под своим собственным буксиром.

Когда так говорят о моряке, это значит, что ему отдается высокая почеть.

Главное, что я понял, наблюдая своего первого капитана, его правило: «Конечно, люди всегда помогут, но, если ты пошел в море, знай, что ты должен уметь надеяться только на самого себя. Ты должен знать свое дело и принимать на себя любую ответственность. И когда ты принимаешь на себя ответственность, забудь о том, что кто-то может тебе помочь» — вспоминал Виктор Конецкий в книге «Соленый лед».

Во время службы на Северном флоте, Виктор Конецкий пишет свои первые рассказы.

Паустовский К. Родные просторы. М.: Гос. изд-во географ. лит., 1954.
На титуле книги надпись: «Виктору Конецкому с большими надеждами
и симпатией. К. Паустовский. 1.12.60. Ленинград»

Сохранился набросок его письма к Константину Георгиевичу Паустовскому: «Я обращаюсь к Вам, как к человеку с огромным жизненным опытом, человеку, сумевшему прожить благородно и красиво много трудных десятилетий. Какая бесславная злоба появляется, когда читаешь заведомо ложные, поддельные, без собственной мысли и чувства стихи и романы из громких, лишь по внешнему виду идейных слов. Когда видишь, что пишут люди, чуждые истинному, глубокому благоговению перед марксизмом и ленинизмом. Ответьте мне на это, но так, чтобы я понял, что сами Вы понимаете в происходящем в стране и партии до самых глубин».

Ответ он не получил. Они познакомились в 1957 году на Всесоюзном семинаре молодых прозаиков. Константин Паустовский одним из первых поддержал начинающего литератора.

Первые рассказы Виктора Конецкого не сохранились.

Известно, что он отправил один из рассказов в журнал «Советский воин».

«Из «Советского воина» получил рецензию: «Рассказ написан стилистически очень гладко. Есть и словесные находки, но тема не отражает боевой жизни флота, т. е. его боевой и политической подготовки».

Все это правильно и вспоминать об этом рассказе мне почему-то стыдно — просто он дрянной до невозможности. Статей же о спасении я никаких не писал, ибо никто их печатать не будет» — *сообщал он матери в письме от 3 марта 1954 года.*

Жизнь показала, что Виктор Конецкий был прав.

«Когда-то старый моряк, капитан третьего ранга Гашев, велел мне или служить, или читать книги.

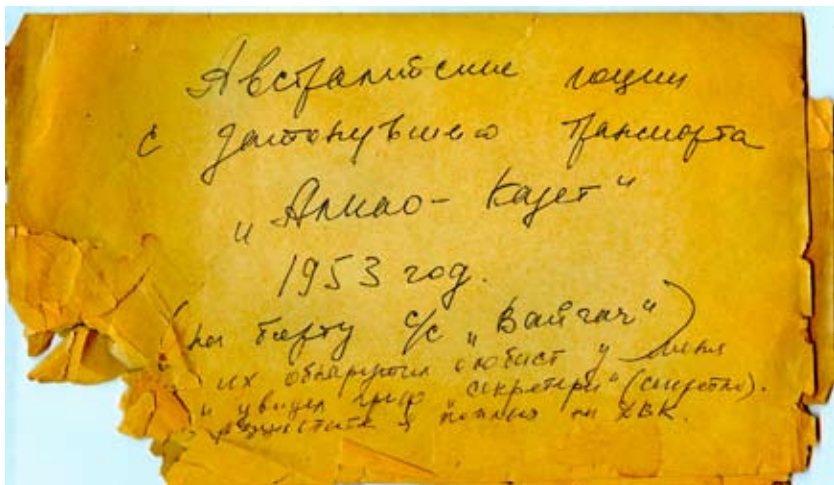
Чем дольше я живу и больше читаю, тем меньше понимаю себя и лучше капитана Гашева.

Книги связывают с человечеством, но отторгают от непосредственной жизни. Умные мысли других людей выявляют хилость собственного мышления, и появляется страх. Читать книги великих людей не опасно только до той поры, пока не почувствуешь ослабления воли к творчеству, а это и есть признак недоброкачественности таланта» — *резюмировал Виктор Конецкий в «Соленом льде».*

«...Военная карьера не моя, и чем раньше я из нее выберусь, чтобы вполне предаться литературной, тем будет лучше» — *подчеркнуто Виктором Конецким в дневнике Льва Толстого.*

Из архива Виктора Концецкого. Австралийские лоции

На отдельном листе запись Виктора Концецкого: «Австралийские лоции с затонувшего транспорта «Алкао-Кадет» 1953 год (на борту с/с «Вайгач»). Их обнаружил особист у меня в каюте и увидел гриф «секретери» (секретно). В результате я поплыл на ДВК»

когда-либо. Военная карьера не моя, и чем раньше я из нее выберусь, чтобы вполне предаться литературной, тем будет лучше.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т.19. Дневники 1847–1894 гг.
М.: Худ. лит., 1965. С.151

Виктор Конецкий демобилизовался с военно-морского флота в 1955 году.

С флотом расставаться ему не хотелось. Он еще не знал, что удастся совместить литературную работу с морской.

Но это случится не вдруг. Толстой будет «подчеркнут» в 1965 году...

УЧИТЕЛЯ И СТАРШИЕ ТОВАРИЩИ

В 1955 году Виктор Курочкин и Валентин Пикуль привели Виктора Конецкого в литобъединение при издательстве «Советский писатель». Его первыми учителями в литературе стали Леонид Николаевич Рахманов и Маргарита Степановна Довлатова.

Из книги Виктора Конецкого «Кляксы на старых промокашках»:

«Как-то на втором году моего пребывания в литобъединении Леонид Николаевич явился на занятие со своим неизменным портфелем, вытащил из него толстую пачку девственно чистой бумаги и объявил, что нынче обсуждения не будет. А всем нам следует взять по десять бумажных листиков и за два часа написать рассказ. Темы: «Пуговица» или «Первая любовь».

Наступила шоковая тишина, в которой мы разобрали бумажки и уселись кто где с выпученными глазами.

Такого удара ниже пояса от рафинированного интеллигента Рахманова никто, ясное дело, не ожидал.

Написать рассказ за два часа! Да еще о первой любви! Как скоро выяснилось, никто из членов объединения первой любви не знал или не осмелился ее тронуть.

Леонид Николаевич объявил еще, что рассказы он заберет с собой, а на следующем занятии все они будут зачитаны авторами, обсуждены и три лучших рассказа премированы.

— Приступайте, господа! — сказал Леонид Николаевич. — Время пошло!

В мертвой тишине и в состоянии психопатологической натужности мы взялись за ручки.

Первым сдал рассказ Голявкин.

Он написал «Пуговицу». И уложил рассказ в одну страницу!

Конечно, я перескажу Голявкина приблизительно — сорок лет прошло.

«У меня был дядя. Его фотография висела в красном углу на почетном месте. Вместо иконы. Каждый раз, когда мама доставала ремень, чтобы отметить поркой очередное мое хулиганство, она приговаривала:

— А вот твой дядя, — тут она показывала кончиком ремня на фото усопшего дяди. — Всегда учился на отлично, никогда не бросался камнями даже в открытом поле и никогда не висел на колбасе трамвая. Ты помнишь этого святого человека?

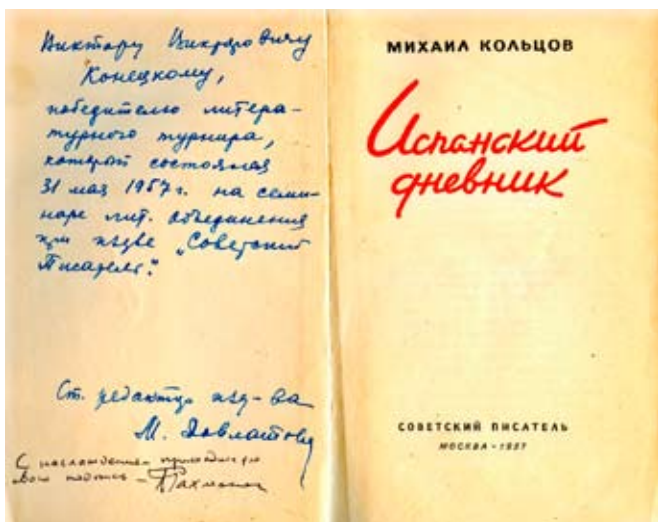
— Да, — соглашался я, хотя помнил лишь его пальто, и помнил только потому, что среди нормальных пуговиц на его черном пальто одна почему-то была от кальсон».

Витя стал победителем литературного турнира и получил трехтомник Маяковского.

Занятный рассказ написал Вадим Инфантьев. Это мы его так звали «Вадим», а он давно уже был Вадимом Николаевичем. Приходил иногда на занятия в форме инженер-капитана 2 ранга...

...Он, не любитель военной темы, выдал лихой фронтовой рассказ.

Блокадная зима. На батарее форта установлены старомодные морские орудия. Они заряжаются снарядом, а за снарядом досылаются в казенник пакеты с порохом. Эти пакеты, конечно, защищены в специальную, похожую на шелк материю. Так вот, кончились пакеты, а немцы прут. Тогда матросики сообразили: постаскивали с убитых товарищей гимнастерки, штаны, кальсоны. Сами трамбовали порох и зашивали его в тряпье — уже от полного отчаяния, как вы понимаете. Опасались, конечно, что пушки поразрывает или снаряд дальше среза канала ствола не выплунется. Ан получилось наоборот. Дают залп по долговременным немецким укреплениям. А фрицы привыкли, что когда наши морячки с тяжелых кораблей или фортов бьют, то самое лучшее из-под огня уходить вперед, в атаку. И в тот раз так случилось. Наши в бинюки пялятся и ничего понять не могут: вроде лупят фугасными, а на снежном поле фрицы валятся сотнями — как от осколочных. И как-то странно валятся — будто все вовсе пьяные от своего шнапса: упадет, покрутится, вскакивает, падла, и опять бежит,

На левой стороне титула надпись: «Виктору Викторовичу Конецкому, победителю литературного турнира, который состоялся 31 мая 1957 года на семинаре лит. объединения при изд-ве «Советский Писатель». Ст. редактор изд-ва М. Довлатова. С наслаждением присоединяю свою подпись — Л. Рахманов»

Кольцов М. Испанский дневник.
М.: Сов. пис., 1957

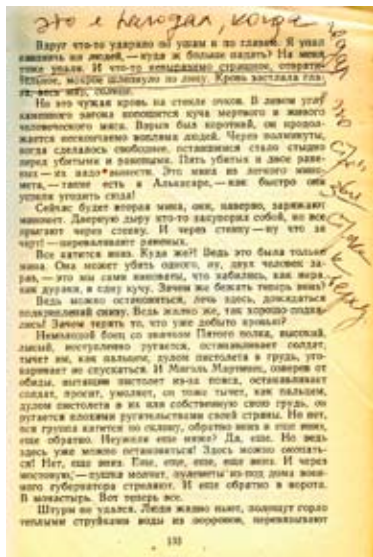
приплясывает какую-то лезгинку, но уже наяривает обратно к себе в окопы. Короче, оказалось, что снаряды-то рвались там, где положено, а вот пуговицы, пряжки, якорьки всякие с одежек покойников-матросиков в полете от снарядов, ясное дело, отставали и били по живой силе. Немцы ничего понять не могут — с небес со страшной силой летит на них град всякой галантереи и весьма даже больно кусается.

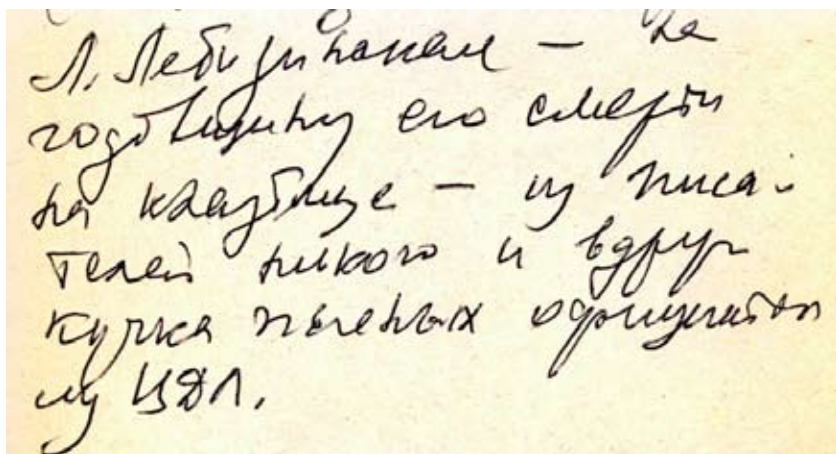
Вот такую «Пуговицу» написал Вадим Инфантьев. Добротный рассказик — во всяком случае из пальца не высосешь! И получил вторую премию. А вторую только потому, что чуть время сдачи опуса просрочил. Я разделил первое место с Голышкиным. И получил в вечное владение «Испанский дневник» Михаила Кольцова. Наступили те времена, которые вошли в историю под названием «оттепель»: впервые напечатан расстрелянный Михаил Кольцов — друг автора «Оттепели» Ильи Эренбурга.

Приз я хранил свято. Он и сейчас на заветной полке...

В Союз писателей Виктора Конецкого рекомендовали Леонид Рахманов и Михаил Светлов.

На полях запись Виктора Конецкого: «Это я нагадал, когда гадал [по книге] стр[аница] и 3-я строка кверху». Виктор Викторович любил «гадать» по книге: называлась страница и строчка на ней. Так, мы с ним гадали по каждой его новой книге и сборниках любимых поэтов — Пушкина и Лермонтова

Л. Лебидинская — на годовщину его смерти на кладбище — из писателей никого и вдруг кучка пьяных официанток из Ц[ентрального] Д[ома] Л[итераторов].

Запись Виктора Конецкого из последнего дневника (2000 год): «Л. Лебидинская — на годовщину его [Светлова] смерти на кладбище — из писателей никого и вдруг кучка пьяных официанток из Ц[ентрального] Д[ома] Л[итераторов]». Лидия Борисовна Либединская (Толстая) рассказывала Виктору Викторовичу, как встретила у могилы поэта официанток из ЦДЛ — они пришли поклониться Михаилу Васильевичу в день его памяти (умер 28 сентября 1964 года)

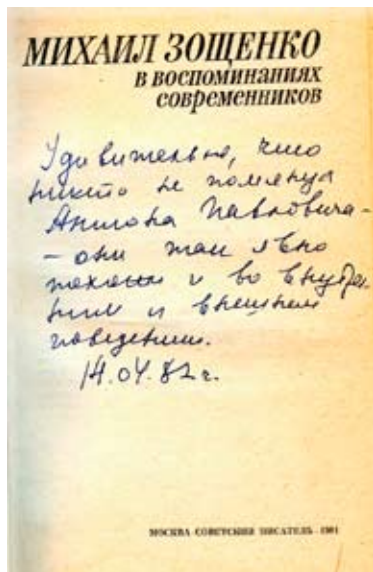
Игин И. Улыбка Светлова. Л.: Сов. художник, 1968

В «Испанском дневнике» есть подчеркивание рукой Виктора Конецкого: «Вдруг что-то ударило по ушам и по глазам. Я упал навзничь на людей, — куда ж больше падать? На меня тоже упали. И что-то невыразимо страшное, отвратительное, мокрое шлепнуло по лицу. Кровь застлала глаза, весь мир, солнце.»

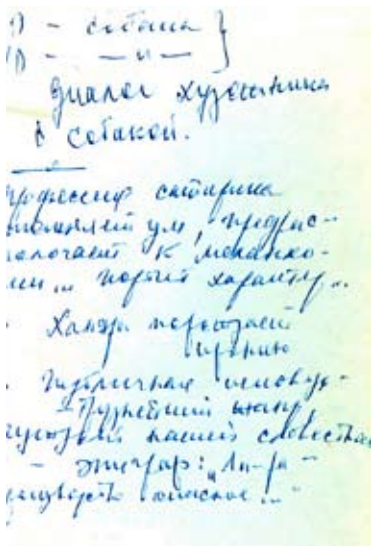
Вхождение в литературу счастья не сулило. Но Конецкий об этом был предупрежден — Михаилом Зоценко.

Виктор Конецкий видел Зоценко за несколько недель до его смерти в 1958 году. Он шел в Дом Книги — там на третьем этаже в издательстве «Советский писатель» проходили занятия литобъединения. Виктор Конецкий недавно был принят в Союз писателей, робко — «на полусогнутых ногах» — подошел к Михаилу Михайловичу, который сидел в сквере у Казанского собора, и представился ему. Зоценко показал ему пенсионное удостоверение, а потом тихо произнес: «Вы должны помнить, молодой человек, что литература — производство опасное...»

Михаил Зоценко в воспоминаниях современников. / Сост. А. Смолян, Н. Юргенева. М.: Сов. пис., 1981.

Запись рукой Виктора Конецкого на титуле книги: «Удивительно, что никто не помянул Антона Павловича [Чехова] — они так явно похожи и во внутреннем и внешнем поведении. 14.04.82 г.»

Записи рукой Виктора Конецкого на заднем форзаце книги «Михаил Зощенко в воспоминаниях современников»:

117— А. А.(!)

9— собака

10— - и -

диалог художника с собакой

44 профессия сатирика утомляет ум, предрасполагает к меланхолии и портит характер

54 хандра порождает иронию

63 публичная исповедь — труднейший жанр, чуждый нашей словесности

66 — эпиграф: «Лит-ра — производство опасное...»

Виктор Викторович часто говорил в последние свои месяцы: «Умираю как Зощенко». Почти ничего не ел, потерял интерес к людям. Выход очередного тома долгожданного собрания сочинений уже не волновал его...

«Творению предпочитаю творца» — эта мысль Марины Цветаевой была близка Конецкому. Зощенко был для него не просто любимым писателем, но и учителем в литературе.

На книге «Михаил Зощенко в воспоминаниях современников» много пометок Виктора Конецкого. Они отражают его интерес к личности Зощенко — писателю предельной честности и личного мужества.

ИЗ КНИГИ «МИХАИЛ ЗОЩЕНКО В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ»

Подчеркнуто Конецким

«Горький раз написал мне по поводу столкновений критики с художником:

«Критикам следовало бы заглянуть в работы И.П. Павлова о рефлексах... и опыты Павлова с собаками, пожалуй, помогли бы

критикам более толково рассуждать о том, как создается искусство».

Этого, разумеется, нельзя понять без комментария. И вдруг, много лет спустя, я обнаружил такой комментарий у Зощенко, давшего его со слов самих физиологов. Один ученый заявил, что наука может в совершенстве изучить на собаке высшую нервную деятельность организма, но, чтобы понять собаку, с ней нужен разговор, и это есть область искусства. Именно в этой мысли о разговоре с собакой, дополняющем объективное изучение ее организма, думаю я, близко встретились наука и искусство для взаимопонимания.

...Нет сомнения, что наука будет с огромным любопытством наблюдать, как искусство дополняет ее опыт, как художник ведет свой захватывающий разговор с собакой. Искусство же не может не ценить своего обогащения целой сферой нового материала. Идея столкновения для общего дела науки с искусством, природа которых вполне основательно противопоставляется друг другу, не могла не восхитить мечтателя и реалиста Горького. За два года до смерти он мне сказал:

— Книги Зощенко великолепны. Возьмите, хотя бы «Голубую книгу». Тут дело не столько в сатире, не столько в жанре, сколько в замысле. Художник является во владения ученого на правах хозяина, полновластно. Ошибки здесь несущественны. Гораздо важнее то, что это нам сулит в будущем. Огромное дело, понимаете ли, делает этот человек. Огромное...»

Константин Федин. «Михаил Зощенко».

(Воспоминания К. Федина датированы 1943 годом. У даты записи рукой Виктора Конецкого: «Неужели действительно он это в 43 писал? Абсолютно не верится»).

«Это был один из самых красивых людей, каких я когда-либо видел... Когда я узнал, что он родом полтавец, я понял откуда у него эти круглые, украинские брови, это томное выражение лица, эта спокойная насмешливость, затаенная в темно-карих глазах. И произношение у него было по-южному мягкое, хотя, как я узнал потом, все его детство прошло в Петербурге.

Его фамилия была известна мне с давнего времени. Усердный читатель иллюстрированной «Нивы», я часто встречал на ее страницах небольшие картинки, нарисованные художником

Зощенко, — комические наброски из жизни украинских крестьян.

— Не родня ли вам этот художник? — спросил я у Михаила Михайловича при первой же встрече.

— Отец.

Он никогда не отвечал на вопросы сразу, а всегда — после долгой паузы...

«Как мы знаем из его [Зощенко] автобиографической повести, напечатанной позднее в журнале «Октябрь», хандра душила его с самого детства, и смех был единственным противоядием его ипохондрии, единственным его спасением от нее. В той же автобиографии он вспоминает, что стоило ему взять в руки перо — и угнетавшие его мрачные чувства сменялись со странной внезапностью необузданно-бурным весельем.

Вот ночью он сидит у себя в конуре и пишет для газеты очерк «Баня».

«Уже первые строчки, — рассказывает он, — смешат меня. Я смеюсь. Смеюсь все громче и громче. Наконец, хохочу так, что карандаш и блокнот падают из моих рук.

С самой ранней юности он весь с головой погружен во внелитературную речевую стихию: ему не было еще двадцати семи лет, а он успел побывать и столяром, и сапожником, и телеграфистом, и штабс-капитаном 16-го гренадерского мингрельского полка, и милиционером, и плотником, и актером, и красным командиром, и агентом угрозыска, и бухгалтером, и контролером на железной дороге, — словно специально готовился к своей единственной важнейшей профессии — изобразителя нравов современных ему людей и людишек.

И я уже не впервые заметил, что, когда ему приходилось каким бы то ни было образом сталкиваться с уродством «клопиного быта», он испытывал тяжелую боль. Он так и написал в «Голубой книге» о своей профессии сатирика: она «утомляет ум, предрасполагает к меланхолии... портит характер...»

...для демократического читателя, к которому он и обращается со своими писаниями, превыше всего — здоровая ясность и цельность души, простота, добросердечие и радостное приятие мира.

«Прежде чем взять в руки перо, я должен перевоспитать, переделать себя — и раньше всего вылечить себя от иронии, которую во мне пробуждает хандра».

Хандра действительно была проклятием всей его [Зощенко] жизни...

Из автобиографической повести Михаила Михайловича мы узнали, сколько горя и бед принесли ему с юности эти припадки «утрюмства».

«Когда, — пишет он, — я вспоминаю свои молодые годы, я поражаюсь, как много было у меня горя, ненужных тревог и тоски.

Самые чудесные юные годы были окрашены черной краской...

...И что за странная участь у замечательных русских художников: почему, достигнув своим замечательным искусством всенародного признания и любви, они перестают полагаться на свой художественный дар и жаждут во что бы то ни стало учительствовать? Почему юморист, мастер смеха, вдруг отказывается смешить и смеяться. Отказывается от своей привычной литературной манеры и отдает всю душу серьезным проблемам, которые считает наиболее существенными для благополучия и счастья людей?

«Моя мать, — рассказывал он [М. Зощенко], — не раз упрекала меня, что у меня будто бы *закрытое сердце*. Но имеет ли право писатель писать, если у него закрытое сердце? Поэтому я раньше всего принял особые меры, чтобы сердце у меня распахнулось. Я загрузил себя общественной работой. Я стал писать добрые рассказы и повести о добрых людях и добрых делах».

...Кроме того, автору придется придать своей книге [«Перед восходом солнца»] личный, интимный характер, характер публичной исповеди, а это труднейший жанр, чуждый нашей современной словесности...

Едва началась война, он энергично включился в агитационную работу для фронта. Писал антифашистские рассказы, сочинял сценарии для солдатских спектаклей и страшно жалел, что порок сердца мешает ему пойти на боевые позиции.

...Он писатель многосторонний и сложный. Между тем читателям — даже лучшим из них — он представляется нынче

Михаил Зощенко. Зарисовка Виктора Конецкого. 1957 год.
На листе рукой Виктора Конецкого: «Михаил Зощенко 10 октября
1957 г. Л-д. на собрании в С[оюзе] П[исателей]. В. К.»

чем-то вроде неудачного Аверченко, — развлекательный, поверхностный, с мелкой душой...

Я познакомил его с одним молодым литератором.

Он печально посмотрел на юнца и сказал, цитируя себя самого:

— Литература — производство опасное, равное по вредности лишь изготовлению свинцовых белил.

Через три месяца его не стало».

Корней Чуковский. «Из воспоминаний»

«К литературе Михаил Зощенко стремился давно. С детства. В записной тетради 1917–1920-х годов сохранилась запись:

1902–1906 — стихотворения.

1907 — рассказ «Пальто».

1910 — рассказ «За что?».

1914 — Письма. Наброски.

1915 — Письма. Эпиграммы.

1917 — Рассказы.

Из этих записей видно, что первые литературные опыты Зоценко относятся к самым ранним детским годам — к 6–7-летнему возрасту, когда он пробовал себя в поэзии (вряд ли удачно!), а первый его рассказ — «Пальто» — был написан, когда ему было 11–12.

В той же записной тетради он пишет: «Нужно придумать цель в жизни. Придумать идею. Или иметь в своей душе».

И дальше:

«Цель жизни — найти призвание». Его заветной целью, его идеей, его «призванием» стала литература.

А вот и первые свидетельства его упражнений в сатирическом жанре. В «полевых книжках» 1915–1917 годов между «рапортами», «донесениями» по начальству и другими «военными делами» встречаются эпиграммы на однополчан».

Вера Зоценко. «Так начинал М. Зоценко»

«В 13-м году я поступил в Университет, — пишет Зоценко. — В 13-м — поехал на Кавказ. Дрался в Кисловодске на дуэли с правоведом К. После чего почувствовал немедленно, что я человек необыкновенный. Герой и авантюрист, поехал добровольцем на войну. Офицером был...» (Ему еще не было двадцати двух лет, когда, многократно награжденный за храбрость, он дослужился до звания штабс-капитана). «А после Революции скитался я по многим местам России. Был плотником, на звериный промысел ездил к Новой земле, был сапожным подмастерьем, служил телеграфистом, милиционером, служил на станции «Лигово», был агентом уголовного розыска, карточным игроком, конторщиком, актером, был снова на фронте добровольцем в Красной Армии.

Врачом не был. Впрочем, неправда — был врачом. В 17-м году после Революции выбрали меня солдаты старшим врачом, хотя я командовал тогда батальоном. А произошло это потому, что старший врач полка как-то скуповато давал солдатам отпуска по болезни. Я показался им сговорчивее.

Я не смеюсь. Я говорю серьезно.

А вот сухонькая таблица моих событий:

Арестован — 6 раз.

К смерти приговорен — 1 раз.

Ранен — 3 раза.

Самоубийством кончал — 2 раза.

Били меня — 3 раза.

Все это происходило не из авантюризма, а просто так — не везло...»

Десятки самозванцев бродили по стране, выдавая себя за Зощенко. Он получал счета из гостиниц, из комиссионных магазинов, а однажды, повестку в суд по уголовному делу. Женщины, которых он и в глаза не видел, настоятельно, с угрозами требовали у него алименты. Корреспонденция у него была необъятной. На некоторые значительные письма от отзывался, тысячи других оставались без ответа, и в конце концов, отобрав из них три-четыре десятка, он опубликовал «Письма к писателю», книгу не столько объяснившую, сколько подтвердившую его успех, ни мало не нуждавшихся в подтверждении».

Вениамин Каверин. «Молодой Зощенко»

«В 1919 году в литературной студии, которой руководил К. И. Чуковский, появился молодой человек небольшого роста с красивым, темным, как на матовой фотографии, лицом, по фамилии Зощенко...

...Темный полувоенный костюм свой он носил с известным щегольством. Девушки немедленно нашли в нем сходство с князем Андреем из «Войны и мира» и очень быстро раз узнали кой-какие подробности его биографии.

В рассказе «Рука ближнего» Зощенко писал: «Дозвольте изложить эту правдивую историю старому рубаке, участнику войны, бывшему полковому адъютанту восьмого образцового полка деревенской бедноты». В этих словах не выдумка, а истинная правда. Был Зощенко и рубакой и адъютантом.

Сын известного художника-передвижника, он в 1915 году стал «офицером военного времени», как тогда называли некадровиков, был на фронте начальником пулеметной команды, командовал батальоном. Доброволец Красной Армии, он действительно был адъютантом полка Деревенской бедноты. Контуженный, отравленный газами, больной пороком сердца, он после военной службы работал кролиководом и куроводом, милиционером, сапожником, агентом уголовного розыска, а в то время, когда студия с Литейного, где помещалась вначале, переехала во вновь организованный

Дом искусств на углу Невского и набережной Мойки, он служил в Петроградском военном порту. У него была самая богатая биография из всех студистов. Во всяком случае, профессий он перепробовал больше всех. И вот двадцати пяти лет от роду он стал писателем...

Подспудная печаль его юмористических рассказов очень явно проступала в его жизненном облике и поведении. Эта горечь очень чувствовалась и многими читателями. Однажды я слышал, как один рабочий, беря книгу Зоценко, возразил библиотекарше:

— Это не просто смешные рассказы, над ними и плакать надо!

Никак не был похож Зоценко на присяжного юмориста-вельчака. Тем досадней и обидней было встречать отношение к нему как к этакому остряку-бодрячку, который обязан веселить общество. Мне это казалось попросту оскорбительным. А между тем и среди его поклонников находились люди, не понимавшие, что таится за его юмористикой, какая «великая грусть» видится ему в авгиевых конюшнях нравов человеческих, какая плодотворная тоска мучает его. Один из таких поклонников, желая сказать Зоценко приятное, заявил однажды в застольном тосте:

— Аверченко у нас уже нет. Но есть Зоценко, который достойно заменил его.

Зоценко поднялся и ушел...

Нет, не очень-то любил Зоценко свою славу юмориста. Да и вообще никогда не шел он навстречу успеху, славе. Он был вправе сказать позже в автобиографии: «Я никогда не работал для удовлетворения своей гордости и тщеславия».

Михаил Слонимский. «Михаил Зоценко»

«— Спасибо, я пью... — Зоценко пригубил из своего бокала. — Как бы вам объяснить... Ну вот, случалось ли вам замечать, что между людьми, скажем — между двумя собеседниками, возникает некая атмосфера взаимопонимания, непринужденности или, наоборот, какой-то скованности, замешательства, неловкости? Потом к двоим собеседникам присоединяется третий — и все меняется, возникает новое качество, новая атмосфера. Новое настроение...»

— Случалось. И что из этого следует?

— Просто мне подумалось, что все это происходит, может быть, потому, что каждый человек окружен своей, только ему одному присущей, атмосферой, и те, кто общаются с ним, начинают ее ощущать еще прежде, чем он успеет вымолвить хотя бы слово...»

Г. Мунблит. «Слезы сквозь смех»

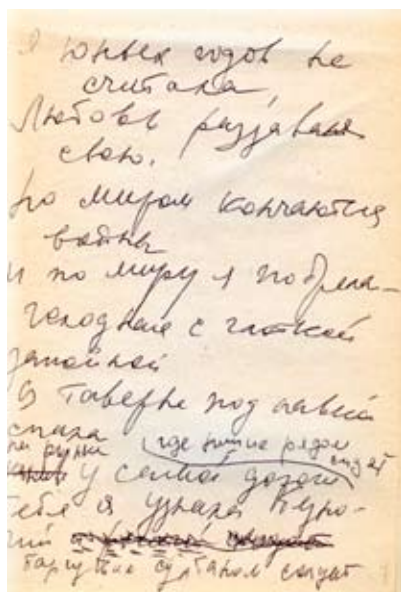
«При этом Зощенко нежно, я бы сказал — растроганно, любил стихи. Все его автобиографические рассказы идут как бы под референ чудесных бернсовских строчек, чудесно переведенных Маршаком:

*А старость, черт ее деря,
С котомкой и клюкой,
Стучится, черт ее деря,
Костлявою рукой...»*

Леонид Рахманов. «Уважаемые читатели!»

Бернс Р. Избранное. / Пер. С. Маршака и В. Федотова. М.: Моск. рабочий, 1982

Страница из последнего дневника Виктора Конецкого. Запись от 2 февраля 2000 года, сделанная в 1-ом военно-морском госпитале: Виктор Викторович пытался вспомнить «Песню маркитантки» — в юности он хорошо знал и любил стихи и баллады Роберта Бернса

«Когда Яхонтов появлялся в Ленинграде, Зощенко непременно приходил к нему в «Европейскую» и нередко посещал литературные концерты прославленного чтеца.

Контакт артиста с писателем вскоре принес замечательные плоды: Яхонтов впервые сделал программу из произведений Зощенко. А через некоторое время мне удалось организовать их совместный вечер в Москве, в клубе МГУ. Точнее, это был вечер троих, ибо Виктор Борисович Шкловский охотно согласился произнести вступительное слово о творчестве Зощенко...

В конце 1942 года я был в командировке в Алма-Ате и снова встретился с Зощенко.

— Осенью сорок первого, — рассказал мне Михаил Михайлович, — однажды поздно вечером я дежурил на крыше. Внезапно чей-то голос меня позвал: «Бросайте работу, сдайте дежурство и — срочно вниз. Сейчас отвезут вас на аэродром». Стал собираться,

но трудноато, знаете, в считанные минуты уложиться без потерь. Кое-что забыто из важных рукописей... Теперь свыше года живу здесь, в этой комнатке, работаю на Мосфильме — его ведь тоже сюда перебазировали. Правлю сценарии, составляю титры...

Михаил Михайлович жаловался на сердце:

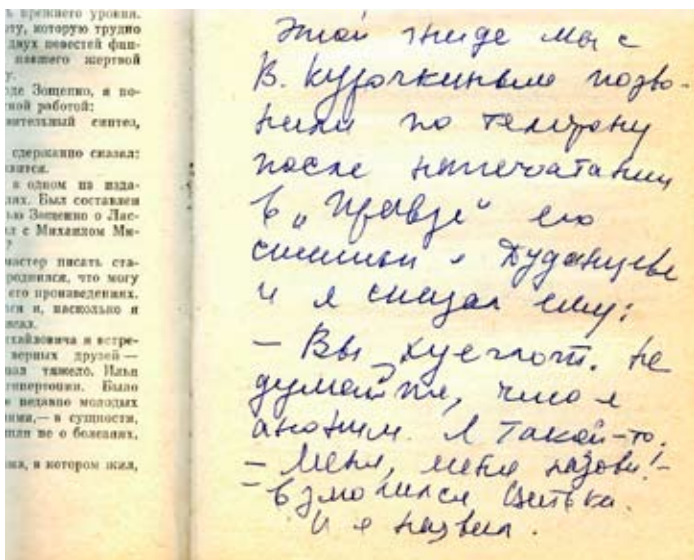
— Оно у меня и так не идеальное, а тут, в горах, резкие перепады давления, температуры.

Я предложил подумать, не стоит ли переехать в Ташкент — спуститься с гор.

Зоценко категорически отверг эту мысль:

— Нет, нет. Переезд, устройство... Здесь у меня работа, здесь люди, к которым привык. Виктор Борисович Шкловский тоже здесь, а с ним, как вы знаете, никогда не скучно».

Павел Лавут. «Неповторимый рассказчик»

В завершении этого текста запись Виктора Конецкого: «Этой гниде мы с В. Курочкиным позвонили по телефону после напечатания в «Правде» («Ленинградская правда», декабрь 1956 года — Т. А.) его статьи о Дудинцеве и я сказал ему: — Вы х[...]т. Не думайте, что я аноним. Я такой-то. — Меня, меня назови! — змолился Витька. И я назвал». Дымшиц А. — литературный критик, известный в литературных кругах как доносчик и подлец

«...И тут пришла мне в голову мысль — устроить встречу немецких писателей с Зощенко, познакомить их с Михаилом Михайловичем, дать им тем самым возможность рассказать, что он жив, работает, что, вопреки клевете буржуазной печати, он не подвергся репрессии.

(Здесь на полях рукой Виктора Конецкого: «!!», внизу: «Какая гнида!»)

Я отправился к Фадееву, сказал ему о своей просьбе.

— Мы поедem в Ленинград. Хорошо бы там познакомить наших немецких гостей с Зощенко.

— Мысль хорошая, — сказал Фадеев. — Зощенко сейчас в Москве. Вы сегодня ужинаете с Вишневым и Горбатовым. Я думаю, что и Зощенко согласится к вам прийти.

Так все и было, как пообещал Фадеев, Михаил Михайлович немного запоздал, но пришел. И весь вечер просидел со мной рядом и многое успел рассказать.

— Положение мое все еще скверное, — говорил Зощенко. — Много написано, но в печать и на сцену пока не идет. Есть пьеса против американской реакции, ее хочет поставить Акимов. Я попросил Сашу Фадеева почитать. Жду его мнения. Саша помогает. Он знает, что ничто не может подорвать во мне советского человека...

О Михаиле Зощенко еще напишут книги.

И, может быть, будущим исследователям его творчества пригодится хоть что-то из рассказанного мной».

А. Дымшиц. «Человек, который не смеялся»

«Если встреча происходила в ресторане, нам хотелось угостить [Зощенко] как следует, но он брал карточку кушаний и вин, и, безразлично пробежав ее глазами, всякий раз заказывал себе одно и то же: биточки в сметане!

— Да возьмите себе что-нибудь поинтересней, — говорил в таких случаях кто-нибудь из нас, но он улыбался и повторял:

— Нет, мне, если можно, биточки в сметане и бутылочку пива.

Он всегда отличался почти аскетической невзыскательностью в быту и в пору своих больших гонораров много помогал все, кто в этом нуждался.

И нынче, когда я думаю о том, как этот хрупкий, болезненный, немолодой человек мог выдержать свалившиеся на его голову беды,

я прихожу к заключению, что его спартанская закалка сыграла тут не последнюю роль...»

Леонид Ленч. «Живой с живыми...»

«За несколько месяцев до своей смерти, он последний раз приехал в Москву. Дел у него особых не было, и, как я сейчас понимаю, он, предчувствуя близкий конец, приезжал с единственной целью — попрощаться с друзьями. Мы тогда жили уже в Москве. Остановился он у нас.

...Прожил он в Москве около двух недель.

К завтраку выходил подтянутый, свежевыбритый, распространяя запах одеколона. По утрам бывал еще оживлен, шутил, даже

В конце этого текста запись Виктора Конецкого: «Володя[Лившиц] был человек чудесной доброты и большого терпения».

Лившиц Владимир Александрович (1913–1978) — фронтовик, поэт, «автор одной из самых ловких литературных мистификаций советского времени: он выдумал английского поэта Джеймса Клиффорда, погибшего во время войны, при наступлении в Арденнах, — и в итоге напечатал в СССР некоторое количество собственных стихотворений, которые цензура стерпела как переводы, но никогда не пропустила бы как оригинальное творчество советского поэта» (Е. Евтушенко «Строфы века»)

смеялся. Подробно рассказывал о московских визитах, — они и занимали и тяготили его одновременно. Рассказывал о своих литературных замыслах. Увлекался. Даже советовался. Потом как-то сникал. После завтрака одевался и уходил.

Я написал «после завтрака». Завтраки эти кроме радости общения с ним доставляли нам и сильное беспокойство, а порой просто пугали. Дело в том, что в эти последние месяцы своей жизни Зощенко почти ничего не ел. Худоба его принимала зловещий характер. На какие только ухищрения мы не шли, чтобы пробудить в нем хоть какой-то гастрономический интерес. Пил чай. Курил папиросы за папиросой...»

Владимир Лифшиц. «Последняя встреча»

В библиотеке Виктора Конецкого хранится репринтное («Изд-во писателей в Ленинграде», 1929 год), «подпольным» образом сделанное издание «Писем к читателю» Михаила Зощенко.

Эту книгу он перечитывал, когда готовил к изданию книгу «ЭХО» (вокруг и около писем читателей). Составлением этой

*Зощенко М. Письма к писателю.
Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929*

книги, подготовкой писем к публикации занималась я, но идея книги, ее структура, полнота — это принадлежит Виктору Викторовичу.

Безусловно, существование в контексте русской литературы опыта Михаила Зощенко, его книги, убедило Виктора Конецкого в необходимости и возможности своего «эха». На книге Зощенко (в «Предисловии») подчеркивания рукой Виктора Конецкого, выдающие его размышления в процессе обдумывания своего замысла:

«Я решил опубликовать эти письма.

Я больше года сомневался, стоит ли мне это делать. Может, это не совсем этично. Может, наши молодые начинающие критики захотят уличить меня в низкой саморекламе. Может быть, наконец, это покажется обидным моим корреспондентам, и они перестанут мне писать. А я привык к этим письмам. И полюбил получать их.

Но я решил пострадать на этом деле. Пусть каждый думает как умеет. Мне реклама не нужна. Корреспондентов я не обидел. Я скрыл их фамилии. Но я не могу и не имею права держать в своем письменном столе такой исключительный материал.

...Конечно, у какого-нибудь критика или жуликоватого читателя непременно мелькнет мысль о деньгах.

Знаем, скажет, денежки в карман сунул — вот вам и вся философия этой книги. Сколотил, скажет, из чужого добра книженцию, а после базу подводит. Народец, скажет, пошел — их барахла и то монету гонит.

Спокойно!

Денег я себе не возьму. В самом деле — имею ли я право на эти деньги? В чем тут моя работа? Разве только в том, что я вскакивал по утрам с кровати и открывал почтальону двери.

Конечно, если подумать глубже — кое-какая работа все же была проделана.

Я внимательно читал эти письма. Я отвечал почти всем корреспондентам. Одних рукописей я прочел не менее как тысячу.

А мои нервы? А бессонные ночи, в которые я обдумывал эту книгу? А сама работа над книгой? Я два года изо дня в день подбирал и перебирал эти письма, думал о них, об их авторах. И эти авторы побывали у меня в мозгу, как и все герои моих книг. Чорт поberi! Нету денег, которыми можно оплатить мне эту работу...

Часть денег с этого издания я отдам своим родным. Половину я дам тем знакомым и тем писателям и поэтам, которые, как мне известно, находятся сейчас в крайней нужде...

Я выпускаю эту книгу с некоторой грустью и беспокойством. Я жалею, что я ее выпускаю. Я предпочел бы прочесть такую книгу, собранную другим писателем».

За книгу «ЭХО» Виктор Конецкий был отмечен литературной премией «Северная Пальмира». Эту первую и единственную литературную премию Виктора Конецкого — за 40 лет его служения русской литературе — получала я, 6 июня 2002 года, — Виктора Викторовича уже два с лишним месяца не было с нами...

«Лев Васильевич Успенский — вспоминал Виктор Конецкий (1989 год) — первый живой писатель, которого я видел в жизни, ибо принес ему на трясущихся ногах свои первые три рассказа в 1954 году на Красную (бывшую Галерную) улицу. Он жил в одном доме с одноклассницей брата, знал ее с детства, и этот факт я использовал для проникновения в литературу с черного хода. За рассказы Лев Васильевич дал мне такую же благожелательную, деликатнейшую, но взбучку.

Сейчас низко склоняю голову перед его навечно светлой памятью».

В 1971 году Лев Васильевич Успенский писал: «горжусь... моим крестником, показавшим себя очень хорошо в литературе» (надпись Виктору Конецкому на книге «Записки старого петербуржца»).

После выхода книги «Среди мифов и рифов» (1972 год) Виктор Конецкий получил от Льва Васильевича письмо:

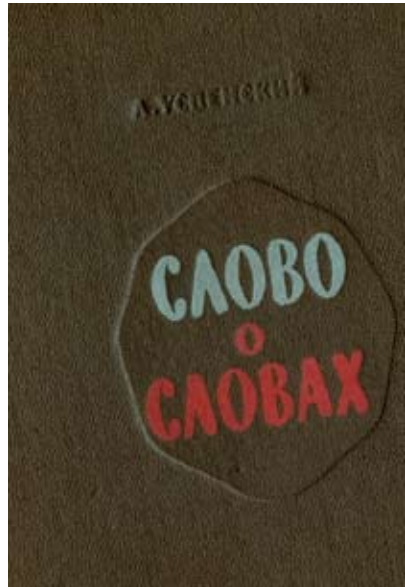
«Написать Вам я придумал для того, чтобы Вы (если сочтете нужным) могли прищучить одну небольшую “блошенцию”, которую я раньше, видимо, пропустил, а теперь вот поймал. У Вас сказано, что название “Ерофеич” “перешло на водку со станции Ерофей Павлович”... Этому можно было бы легко поверить, если бы не два обстоятельства. Станция наименована “Ерофеем Павловичем” при строительстве Великой Транссибирской магистрали, т. е. между 1894-м и 1897-м годом. “Ерофеич” же, в смысле “напиток”, “настойка”, фигурирует уже в 1-м издании словаря Владимира Ивановича Даля, которое вышло в 1864—66 годах, т. е. ровно за 30 лет до появления станции с таким названием.

Откуда же оно взялось?

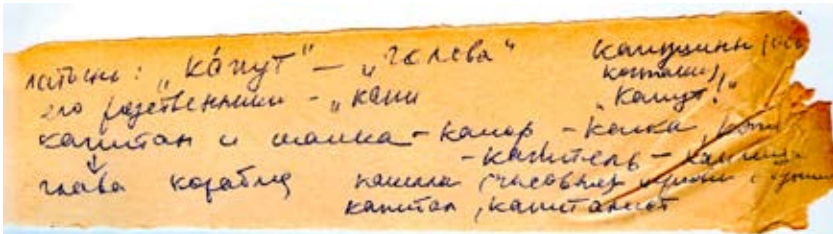
Лингвисты установили, что водка настаивается на травке “Ерофей” — *hypericum perforatum*, которая иначе именуется “зверобой”. Данные о том, что трава “Ерофей” есть именно “хиперикум

Успенский Л. Ты и твоё имя. /
 Науч. ред. Б. А. Ларин. Л.: Гос.
 изд-во дет. лит., 1960

Успенский Л. Слово о словах.
 Очерки о языке. / 2-е изд. /
 Под ред. С. Г. Бархударова. Л.: Гос.
 изд-во дет. лит., 1956. (Шк. 6-ка)

Выписка Виктора Конецкого из книги Л. Успенского «Слово о словах» (из главы «Родственники капитана», рассказывающей о происхождении слова «капитан»): «латынь: «капут» — «голова» капуцины (неразбор.) «капут!» его родственники — «капи капитан и шапка — калор — калка, кэп — капитель — каплица глава корабля капила (часовня) — церковь с одним алтарем капитал, капиталист»

перфоратум”, можете получить у того же В. И. Даля, а вот что она есть одновременно и “зверобой”, это я вычитал в справочнике “Федченко и Флёрв, Флора Европейской России, С.-Петербург, издание А. Ф. Девриена, 1910”.

Ваши “Мифы и рифы” — не пособие для топонимистов, равно как и не справочная книга для производителей крепких напитков. Отсюда — вывод: тем, что я Вам сообщаю, Вы имеете полнейшую возможность пренебречь, в полной уверенности, что я на Вас за это не надуюсь. Но вот одно уже чисто словесное добавление к сказанному. Ведь все-таки, если бы водку решили назвать по станции, то ее надо было бы окрестить не “Ерофеичем”, а скорее “Павловичем”. А? Как Вам кажется?

Пишу все сие “на деревню — дедушке”, потому что представления не имею, где Вы сейчас и кому целуете пальцы, перефразируя Вертинского...»

Конецкий, знавший Л. В. Успенского, прежде всего, по книгам, — ценил его как энциклопедиста, человека петербургской культуры. Тем тяжелее было для него на склоне лет прочитать:

ИЗ КНИГИ Л. К. ЧУКОВСКОЙ «ЗАПИСКИ ОБ АННЕ АХМАТОВОЙ»

Подчеркнуто Конецким

«Осенью 1937 года редакция, вошедшая в историю литературы, как «ленинградская редакция, руководимая С. Маршаком», была ошельмована, обвинена во вредительстве, разогнана.

Писатели, вовлеченные в работу над книгами для детей «вредительской группой» Маршака», погибли и ранее 37 года и позднее: так, например, Раиса Родионовна Васильева была арестована сразу после убийства Кирова, в 35 году, и расстреляна в лагере — в 38-м, а Даниил Хармс арестован и погиб в заключении в 42-м, во время блокады; но основной погром производился осенью 37-го: аресты, следствия, казни. И публичное шельмование на собраниях и в прессе.

В октябрю 37 года были уже арестованы, убиты или ожидали гибели в тюрьмах и лагерях многие из окружавших редакцию литераторов: Н. Заболоцкий, Г. Белых, С. Безбородов, М. Бронштейн, Тэки Одулок (Спиридонов), Н. Константинов (Боголюбов),

арестованы были и работники «книжной» редакции: А. Любарская, Т. Габбе, К. Шавров, М. Майслер и главный редактор журнала «Ёж» и «Чиж» поэт Н. Олейников. Со дня на день ожидался арест главы «вредительской группы» С. Я. Маршака. О том, почему не арестованы, а всего лишь уволены двое из редакторов — З. Задунайская и Л. Чуковская — открыто спрашивали на писательских и внутри-издательских собраниях провокаторы и стукачи.

Именно этот момент избрал писатель Л. Успенский, дабы разъяснить окружающим, что «ныне разоблаченные враги народа» были в действительности не только врагами, но и бездарными невеждами, втиравшими очки наивным людям.

4 октября 1937 года в Издательстве вышел специальный номер стенной газеты «За детскую книгу», весь посвященный многолетнему вредительству маршаковской группы. Организовал, составил и выпустил этот номер Г. Мишкевич. В этом номере, среди статей «Повысим революционную бдительность!», «Добить врага» и еще нескольких в том же роде, — среди статей, принадлежавших перьям тех, кто по распоряжению «сверху» организовал погром, была помещена статья человека, далекого от нашей редакции — литератора, лишь изредка печатавшегося в журнале «Костер» — Льва Успенского, статья под более чем скромным заглавием «Несколько слов о «теории литературы».

Статьи «Добить врага» и им подобные изобиловали общепринятой в 37–38 годах терминологией: «В течение долгого периода в издательстве орудовала контрреволюционная вредительская шайка врагов народа — Габбе, Любарская, Шавров, Боголюбов, Олейников и др.»; «детская литература фактически была дана на откуп группе антисоветских, морально разложившихся людей»; «диверсионная группа редакторов ленинградского отделений», «в течение многих лет в издательстве орудовала группа врагов народа, ныне разоблаченных органами НКВД»; «враг народа Олейников... открыто, на глазах у всех, разваливал «Сверчок»...»; «сигналы о вредительстве Олейникова были, но к ним никто не прислушивался. А разве мало сигналов было о деятельности Габбе, Любарской, Чуковской, Боголюбова. Сигналы были, когда стало известно о переписке редакторов с троцкисткой Васильевой»; «известно было о бытовом и моральном разложении Любарской, ее связи с проходимцем Безбородовым и особом покровительстве со стороны шпиона Файнберга»; «Чуковская протаскивала контрреволюционные высказывания в одностомнике Маяковского»; «писательские кадры были

засорены врагами народа. Шпион Спиридонов, Потулов, Белых, Бронштейн, Безбородов, Колбасьев, Васильева — вот далеко неполный список врагов, которые объединялись вокруг Габбе, Любарской, Чуковской...»; «Сейчас враги разоблачены... Надо со всей решительностью и беспощадностью добить врагов и до конца выкорчевать вражеские корешки из издательства...»

Свою статью «Несколько слов о «теории литературы» Лев Успенский только начал канонически, на манер соседних: «Много лет в Лендетиздате действовала группа вредителей. Из месяца в месяц, из года в год эти люди разваливали работу издательства».

Далее же он высказывал мысли более своеобразные и самостоятельные. Корешки он взялся выкорчевывать по-своему. Он разоблачал нас и наших товарищей не как шпионов — это сделали без него, — а как невежд...» (Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962 / Испр. и доп. СПб: Журнал «Нева», Харьков: Фолио, 1996).

«По причине вечных душевных метаний — признавался Виктор Конецкий в эссе посвященном В. Б. Шкловскому «Здесь обойдемся без названий», — меня так и тянет, так и тянет на авторитеты, хочется усилить воздействие на читательские мозги знаменитыми именами, прикрыть спорность иных положений ссылкой на официальные печатные органы, указать даже дату и тираж источника... Но ведь тогда читать будет скучно!

Когда я поделился этим с Виктором Борисовичем Шкловским, он посмотрел на меня сердито.

— Знаете, — сказал он, — в книгу о художнике Федотове я засадил большой кусок пейзажа из Гоголя. Там, возле театра, в Петербурге... Тридцать лет прошло. И никто до сих пор не заметил. Воровать уметь надо. Если для дела, то это и не воровство, а просто дележка.

...Восемнадцать лет назад получил из Москвы письмо на каком-то древнекхмерском языке. Почта потрудились, чтобы письмо дошло, ибо на конверте по-русски были только арабские цифры — номер телефона нашей коммунальной квартиры.

Приблизительно через месяц я расшифровал текст. После чего отправился в гастроном и купил четвертинку перцовки. «Прочитал книгу «Луна днем». Вероятно, Вы знаете, какая это хорошая книга. «Повесть о радисте Камушкине», «Заиндевелые провода», «Две женщины» очень хороши. Пишу, пока, после радости,

В. Б. Шкловский. Фото из архива В. Конецкого

не зачерствела моя душа. «Две осени» и «На весеннем льду» мне не понравились. Пусть Ваш талант принесет Вам радость.

*Виктор Шкловский,
21 октября 1963 года*

Я печален. Ленинград у Вас замечательный. Новую Голландию, любимую мною, увидел снова.

Прогулки, судьбы, сны — все верное. В. Ш.».

Телефон на конверте написал потому, что не поверил в название канала».

Через несколько лет, после получения этого письма, Виктор Конецкий оказался в Чехословакии вместе с Виктором Борисовичем и Серафимой Густавовной Шкловскими. Так продолжилось заочное знакомство и родилась их дружба.

Точно подметил критик Евгений Сидоров: «Он [Конецкий], конечно был одиноким и, как считал, не до конца понятым артистом литературно-морской сцены. Отсюда любовь к В. Б. Шкловскому, тоже хорошему мистификатору, к которому Конецкого влекли

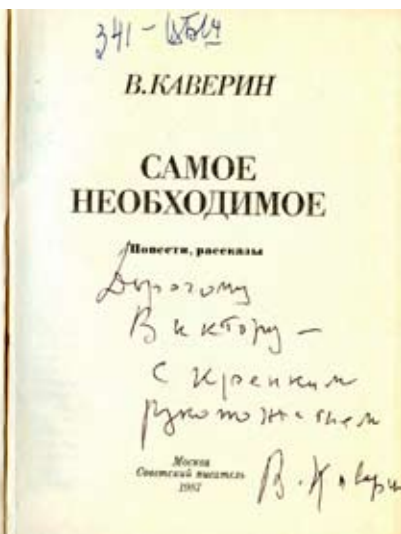
Газетные вырезки, вложенные Виктором Конецким в книгу Вениамина Каверина «Летящий подчерк» (М.: Худ. лит., 1986)

опоязовская легенда и сентиментальное отношение патриарха к прозе младшего современника и земляка».

Со временем круг московских друзей и знакомых Конецкого и Шкловского стал общим — Олег Даль, Ольга Борисовна Эйхенбаум, Вениамин Александрович Каверин.

Отношение В. А. Каверина к Шкловскому особенно интересовало Конецкого.

Автор романа «Два капитана» (книги, ставшей для нескольких поколений читателей русскими «Тремя мушкетерами», по определению Фазиля Искандера), — признававшийся Конецкому: «Моя жизнь

Каверин В. Самое необходимое: Повести, рассказы. М.: Сов. пис., 1987. На титуле книги надпись: «Дорогому Виктору — с искренним рукопожатием. В. Каверин»

в сравнении с Вашей все равно что плотник против столяра» (письмо от 20.07.1979), — был Виктором Викторовичем любим.

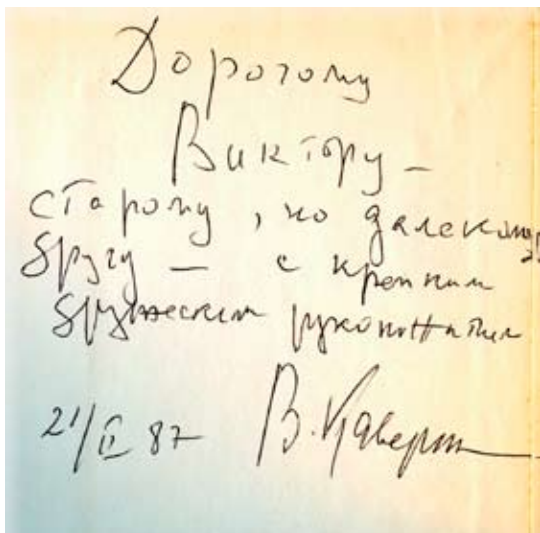
Каверин, в не меньшей степени, чем Шкловский, поддержал молодого Конецкого на нелегком литературном пути.

«Откуда взялись у Вас сомнения в необходимости писательства? — писал Каверин Виктору Викторовичу в ноябре 1973 года. — У Вас есть свой образ мыслей, свое перо, своя огромная биография. Не останавливайтесь. Бога ради, не надо сомнений! Вы не можете не писать — так стоит ли терять время на сомнения? Гоголь — другое. Сомнения были нужны ему для работы, кроме того, ему не приходилось обороняться. Вы же в армии, каждая книга — поступок, бросить писать — это дезертирство...»

Позднее, Виктор Конецкий не мог не отметить в книге В. Каверина «Самое необходимое» (М.: Сов. пис., 1987):

«Писателем в конце концов я стал, но тоже не таким, каким было мне хотелось. Виктор Шкловский в своих многочисленных книгах писал о «давлении времени», считая, что подвергнуться этому давлению полезно, а иногда даже необходимо. Я с трудом научился не следовать его советам, хотя он был в молодости моим учителем,

Дорогому
Виктору —
старому, но далекому
другу — с крепким
дружеским рукопожатием
21/02 87 В. Каверин

Каверин В. Летящий почерк. Романы и рассказы. М.: Худ. лит., 1986. На правой стороне переднего форзаца надпись: «Дорогому Виктору — старому, но далекому другу — с крепким дружеским рукопожатием. В. Каверин. 21.02.87»

а в старости, когда я его почти не понимал, был предметом изумления и восхищения» (здесь на полях книги рукой Виктора Конецкого: «Sic»).

В письме к В.В. Конецкому в том же 1987 году В.А. Каверин писал: «Дорогой Виктор, я с глубоким интересом читаю Ваши «Ледовые брызги». Это не брызги, а маленькие вулканы. Таким вулканом является, кстати говоря, Ваша грустная, трогательная переписка с Юрием Казаковым. Очень грустная.

Семейные воспоминания поражают своей, тоже грустной, искренностью и отсутствием сходства с любыми другими семейными воспоминаниями в мире. Шкловского Вы узнали в старости, а я знал его с 1921 года, когда он в моем пальто удрал в Финляндию, спасаясь от верной гибели. Всю жизнь он отталкивался от себя, и всю жизнь это удавалось ему в разной степени, а в старости вообще не удалось. К сожалению, я был свидетелем трусости этого человека, которого сам Корнилов наградил за храбрость.

Я бы очень хотел Вас увидеть, тем более что у нас с Вами сложные отношения. Вы нравитесь мне больше, чем я Вам. Это

«Ленинградский дворик». Виктор Конецкий. 1973 год. Графический набросок из письма В. Б. Шкловскому

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

№ 881	КОШЕЛКА ЧЕРНОГОСКОГО Ч. КОДО ЗНАКОСКОГО*
Т.А. СТОНИН ЛИН'АНЬ 922 27	
15/4 0300*	

ВСЕ ПИНГВИНЫ СТАЛИ МЛЕКОПИТАЮЩИМИ ЯИЦ НЕ БУДЕТ ТЧК
ВЕРНУЛИСЬ РОДНОЕ ПОЛУШАРИЕ ПРОХОДИМ ЛИБЕРИЮ
ШТИЛЬ ЖАРА ТЧК ОЗВЕРЕЛ ЗВЕРСКИ СОСУЧИЛСЯ ОБНИМАЮ
= ВИКТОР — »

Телеграмма Виктора Конецкого Шкловским с т/х «Эстония». 1979 год: «ВСЕ ПИНГВИНЫ СТАЛИ МЛЕКОПИТАЮЩИМИ ЯИЦ НЕ БУДЕТ ТЧК ВЕРНУЛИСЬ РОДНОЕ ПОЛУШАРИЕ ПРОХОДИМ ЛИБЕРИЮ ШТИЛЬ ЖАРА ТЧК ОЗВЕРЕЛ ЗВЕРСКИ СОСУЧИЛСЯ ОБНИМАЮ = ВИКТОР — »

объясняется просто: Вы, наверное, презираете Виктора Гюго, а я, несмотря на его мощное детское воображение, до сих пор перечитываю его с интересом. Впрочем, интересно уже то, что мы разные люди.

Книгу я еще не дочитал и, может быть, напишу Вам еще одно письмо, убедившись в том, что она не так грустна, как мне показалось...

Обнимаю Вас. Вениамин Каверин, 7.12.87

Р. С. Воспоминания о Колбасьеве — превосходно!».

В книге В. Б. Шкловского «Энергия заблуждения» (М.: Сов. пис., 1981) Виктор Викторович сохранил письмо товарища по литературе Сергея Сергеевича Тхоржевского. Это письмо никогда Виктором Конечким не публиковалось.

«4.11.81.

Виктор, я хотел позвонить тебе по телефону — поделиться впечатлением, но подумал, что для телефонного разговора это слишком длинно, поэтому пишу.

Твое сочинение о Шкловском я прочел с большим интересом, причем увидел в нем два портрета: привлекательный — твой, и непривлекательный — Шкловского. Хотя, кажется, ты хотел его показать в лучшем виде.

Ты приводишь свое письмо, в котором храбро признаешься в кокетстве, но во всем, что ты написал, мне представляется кокетливым только вот это письмо. Когда писатель пишет: ах, какой я не такой — это, по-моему, и есть кокетство. А вот для Шкловского кокетство настолько, видимо, органично, что он без кокетства не умеет, без кокетства ему неинтересно.

Ты цитируешь набросок рассказа, сделанного Шкловским, и в нем есть такая фразочка: «Заря была на небе набекрень». Я прочел и вспомнил, как лет двадцать назад он выступал у нас в Доме писателей, говорил два часа без передышки, говорил занятно, остроумно, и в какой-то момент, как бы вспоминая, медленно проговорил: «Была заря... косым венком...». И вот эти его «заря набекрень», и «заря косым венком», на мой взгляд, нестерпимо манерны, да и невыразительны. Это не художественная ткань, это экзема. И у Шкловского она до сих пор чешется.

Шкловский В. Гамбургский счет. Л.: Изд-во писателей в Л-де, 1928.

На задней обложке книги записи Виктора Конецкого:

«17 — Федин между статуэтками
24 — Рейснер — к Колбасеву
36! — у Р. Щедрина — по балетам».

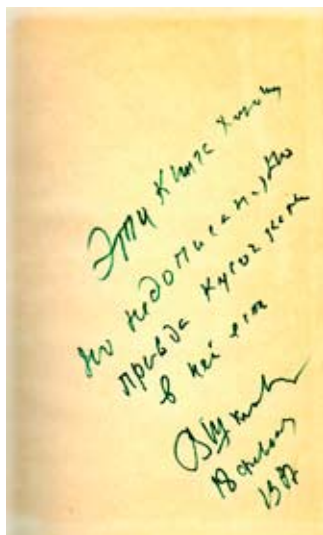
На указанных страницах подчеркнута по тексту: «Видал карточку (кажется) К. Федина. Он сидит за столом между статуэтками Толстого и Гоголя. Сидит — привыкает». «...Трудное дело революция для интеллигента. Он ревнует ее, как жену. Не узнает ее. Бойтся. Эстетическое признание революции, когда она слаба, легче. Не трудней было миноносцам Раскольникова пройти через Мариинскую систему на Каспий, чем писателю, ученику символистов, другу акмеистов, Ларисе Рейснер, итти через быт и победы революции...» «...Нехорошо изучать русскую литературу (социологически) по операм»

Из той давней речи Шкловского мне запомнилась только одна его мысль, действительно серьезная и высказанная, кстати говоря, без всяких метафор. Он сказал, что пятнадцать лет не писал книг и предполагал, что напишет их потом. Но пятнадцать лет прошло, и он понял: все, что он теперь напишет, будет уже нечто другое, никак не то самое. Что он отодвигал, откладывая все эти годы. Так что, ничего откладывать нельзя.

Конечно, умный, мыслящий человек, но совершенно ясно, почему ему не пишут читатели. Потому что его проза может удивлять

Шкловский В. За и против.
Заметки о Достоевском. М.:
Сов. пис., 1957

На правой стороне форзаца: «Эта книга хорошая, но недописанная, но правда кусочками в ней есть. В. Шкловский. 18 февраля 1977»

и даже восхищать, но она никого не задевает за живое. Читая его книги, невозможно — ничему — сопереживать. Уметь заставить читателя сопереживать — это дар, которым ты обладаешь в высокой степени, а Шкловский не обладает начисто.

Он умеет поразить броской фразой, но это не задевает глубоко. «Женщина — полезная плесень. Как пенициллин» — лихо сказано, но, вероятно, сам Шкловский не считает женщин полезной плесенью, а сказал — так, ради красного словца.

Да, Зощенко однажды отозвался о Шкловском лестно. Но, по-моему, Шкловский этого отзыва не заслужил.

Вот в твоём сочинении, в авторской речи, есть типичный образчик манеры Шкловского:

«Сейчас Виктору Борисовичу — восемьдесят восемь.

Мне пятьдесят два.

Иногда он называет меня мальчиком».

Тут у тебя три фразы разбиты на три абзаца. А если свести их в один абзац, ощущение манеры Шкловского пропадет. Потому что отличает Шкловского не короткая фраза. А короткий абзац.

Шкловский В. Энергия заблуждения. Книга о сюжете. М.: Сов. пис., 1981. В книге В. Шкловского на с. 189 подчеркивание и запись Виктора Конецкого (глава «История написания «Анны Карениной», письмо С. А. Толстой Т. А. Кузминской): «...Левочка что-то занулся и говорит: «Ты на меня не ворчи, что я не пишу, у меня голова тяжела», — и ушел зайцев стрелять». Здесь запись Виктора Конецкого: «Где бы мне зайцев найти?!»

Впрочем, в книге М. Чудаковой «Мастерство Юрия Олеши» показано, что и это формальное новшество принадлежит не Шкловскому, а Власу Дорошевичу, который уже в начале нашего столетия «ввел воздух в свои статьи» и писал так:

«Словно лес осыпается осень.

Осыпается жизнь.

Даже Париж становится неинтересным».

Конечно, разница между Дорошевичем и Шкловским есть, но не в длине фразы или абзаца.

Как же Шкловский относится к тебе? Вот он написал: «А я отношусь к тебе не как к траве, а как к дереву. Деревья не боятся ветра. Ветер их причесывает». И ты не разозлился, ты к такому его стилю привык. Но ведь эти строки написаны им вовсе не для тебя, а для собственного полного собрания сочинений. Но как же все-таки он относится к тебе? Прости, но у меня создалось впечатление,

Виктор Коневский. 1981 год

что он, сознавая, что ты куда талантливее, чем он, ухватился за тебя, как за шанс не оказаться забытым на другой день после конца своей долгой жизни.

Может быть, ты излишне обкарнал его письма, вычеркнув те места, где он проявляет к тебе живой человеческий интерес, но в приведенных цитатах из писем он выглядит черствым эгоцентриком, который бесконечно рисуется, позирует, и ни разу ему не приходит в голову спросить, здоров ли ты, как живешь... Когда же ты сказал ему что-то печальное о своей жизни, он ответил: «А ты думаешь, у меня жизнь? У меня ад?». То есть опять-таки повернул на себя, ибо он постоянно сосредоточен на себе. И тут не видно, действительно ли его жизнь — ад, правда ли это или так, художественное преувеличение.

Есть еще деталь в одном из писем Шкловского, которая, на мой взгляд, убивает его наповал. Он замечает вскользь, что брил мертвого Тынянова. И если не врет, то он толстокож, как носорог. Побрить — живого или мертвого — можно только недрогнувшей рукой. Если волнуешься и переживаешь — не побреешь. А если Шкловский смог — значит уж такой невпечатлительный.

Тхоржевский С. И. Стенька Разин. Исторический очерк. СПб: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1923. (Образы человечества)

Тхоржевский С. И. Пугачевщина в помещичьей России. Восстание на правой стороне Волги в июне-октябре 1774 года. По неизданным материалам с приложением карты распространения восстания и документов. М.: Изд-во всесоюзного общества политкаторжан и сс.-поселенцев, 1930. (Историко-революционная библиотека. № 1). На форзаце книги: «Моему другу Виктору Конецкому. С. Тхоржевский (не тот Тхоржевский, который написал эту книгу, а его сын, тоже человек писучий)»

Как видишь, все мое недовольство — Шкловским, а не тобой. Собственно к тебе у меня одно замечание: цитата из Горького (о смерти Маяковского) повисла в воздухе, осталась просто чужим текстом, пришпиленным сбоку, ни с того, ни с сего. Вычеркни эту цитату. Или окружи ее собственным текстом, чтобы она прилипла.

Обнимаю. Сергей.

P. S. Да, заглянул я в этом номере «Невы» в роман Пикуля. Читать не стал, т.к. я уже читал рукопись, однако перелистал, посмотрел по диагонали. И увидел, что мои многочисленные замечания на полях рукописи оказались бесполезными: он ничего не вычеркнул и не исправил... Но что ему, классику вагонного чтения, всякие там замечания!»

В предисловии к рассказу Михаила Лохвицкого «Ираклий» (Огонек. 1990. № 32) Виктор Конецкий вспоминал: «Довелось мне как-то присутствовать на дне рождения Виктора Шкловского. Дело отмечалось шумно, а по левую руку от юбиляра сидел Ираклий Андроников. «Сценическую площадку», конечно, держали эти два гиганта. Друг друга они не щадили при наличии чуть ли не столетнего товарищества. Хотя один совсем ничего не пил, а другой разрешал себе легкое грузинское. Но языки у обоих работали так, как в начале века. То есть пух и перья летели с обеих сторон.

Остальные — человек около сотни — просто внимали и покатывались. Боюсь ошибиться, но суть пикировки заключалась в том, что ни тот, ни другой гигант не считали себя ни писателями, ни теоретиками литературоведения, ни просто даже относящимися к литературе людьми...»

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962. / Испр. и доп. СПб: Журнал «Нева», Харьков: Фолио, 1996

О ВИКТОРЕ ШКЛОВСКОМ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Подчеркнуто Конечким

«...Анна Андреевна [Ахматова] спросила, слышала ли я о скандале, происшедшем с Ираклием [Андрониковым] на вечере памяти Тынянова. Я могла ей сообщить с чужих слов, что Ираклий в своем выступлении сильно, будто бы, подчеркивал «ошибки» Тынянова, за что и был неистово обруган Шкловским:

— Искусство — дело кровавое! — кричал будто бы Шкловский. — С искусством надо пуд соли съесть, прежде чем заслужить право каяться в ошибках учителя».

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962

«А. А. говорила: «Когда я о себе читаю в печати «А. А. Ахматова», я не сразу догадываюсь о ком речь». «Если я поэт, — говорила она, — то я — Анна Ахматова, как Пастернак — Борис или как Блок — Александр. Каждый сам выбирает свое литературное имя для себя».

(Здесь на полях рукой Виктора Конецкого: «И моя неприятность». («Виктор Конецкий — мое литературное имя, «В. Конецкий» на обложке книги — недопустимо» — говорил Виктор Викторович своим издателям. — Т. А.)

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962

«Анна Андреевна прочитала «Старика и море». По этому случаю последовал монолог о Хемингуэе:

— Нет, книга мне не понравилась. Я читала и думала: «Мне бы ваши заботы, господин учитель». Ведь это он сам и его дама появляются в конце, с их позиции все и написано... Все такое надмирное... В «Прощай, оружие!» ему было что сказать — свое, категорическое, а тут — нет, не слышу. Больше всего я люблю у него «Прощай, оружие!» и «Снега Килиманджаро»... А вы заметили — он совсем не американец? Он европеец, парижанин, кто хотите. У него и Штатов почти нет, все больше другие страны. И вы заметили, какие в его вещах все люди одинокие — без родных, без родителей? В «Прощай, оружие!» говорится про кого-то «у него даже был где-то отец». Полная противоположность Прусту: у Пруста все герои опутаны тетками, дядями, папами, мамами, родственниками кухарки».

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962

(«Мне бы ваши заботы, господин учитель» — любимая присказка В. В. Конецкого. — Т. А.)

«...Недавно в Ленинграде я получила письмо от одной своей сверстницы. Сначала похвалы мне, тоже очень много цитат, а потом, черным по белому: «никогда не забуду тот дом на Пряжке, так и стоит он перед моими глазами, где «в спальне горели свечи равнодушно-желтым огнем». Это она уже меня прямо в спальню к Блоку засовывает! Мне, конечно, все равно, хоть в Сандуновские бани, но зачем же врать? Я хотела было позвонить ей по телефону, но мне рассказали, что инсульт, я представила себе скрюченную ручку, скрюченную ножку — и отменила звонок...

Я напомнила, что существуют ведь и другие читатели.

— Да, пишут, конечно, худшие. Это известно».

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962

«Анна Андреевна вспомнила свое свидание с Шолоховым, насколько я поняла, уже довольно давнишнее. По поводу Левы [Гумилева].

— Он был совершенно пьян. Ничего не понимал и не помнил. Но я должна быть ему благодарна, он твердо помнил две вещи: что я хорошая и что он мне действительно обещал. И обещанное он исполнил, хотя, с пьяных глаз, перепутал все, что мог».

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962

«[Ахматова] О рассказе Шкловского [«Портрет»]:

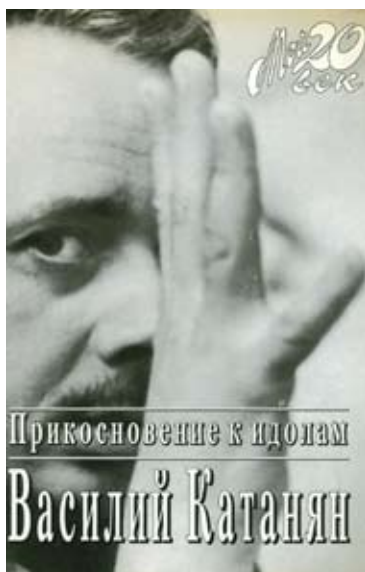
— Совершенное ничто. Недоразумение какое-то. Полный ноль. Однажды Мейерхольд сказал мне про Любовь Дмитриевну Блок: «Я никогда не видел женщины, менее приспособленной для игры на сцене». То же я могу сказать о Шкловском: «Я никогда не видела человека, менее приспособленного для литературной деятельности».

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962

«Иракий Луарсабович Андроников (1908–1990) — литературовед и артист. «Основные литературоведческие работы и рассказы Андроникова, — пишет о нем КЛЭ, — посвящены изучению биографии и творчества М. Ю. Лермонтова, а также архивным и текстологическим разысканиям». К этому следует добавить, что в молодости И. Л. Андроников был учеником Б. М. Эйхенбаума и Ю. Н. Тынянова: вот почему В. Б. Шкловский с такой горячностью напал на него за его излишне осторожную, отступническую речь о Тынянове».

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962

«Все, кто знал Сергея Параджанова, помнят, как он сразу, легко и весело сходил с людьми. Правда, иной раз он уже через день забывал о новом знакомстве, в другом же случае это была дружба до гробовой доски. Так было с Лилей Юрьевной Брик и моим отцом Василием Абгаровичем. Они посмотрели в «Повторном» «Тени забытых предков», естественно, поразились и захотели познакомиться с режиссером. Я им часто рассказывал о Сереже, его причудах и вкусах, а тут еще Шкловский начал с ним работать

Катанян В. Прикосновение к идолам. М.: Вагриус, 1997. (Мой 20 век)

и был восхищен, о чем не раз говорил Лиле Юрьевне по телефону (они были очень старые, и видеться им было трудно).

Катанян В. Прикосновение к идолам

«В семидесятых началось их сотрудничество с Виктором Шкловским....Параджанов предложил писать сценарий «Демона». Решили, что каждый напишет свой, а потом их соединят, взяв лучшее из того и другого.

«С. Параджанов. «Демон». Сценарий написан для экспериментальной студии. Москва. 1971 год». перелистываю полуслепой машинописный текст. «Демон» волновал Параджанова и личностью Лермонтова, которого он собирался играть еще в юности, и природой Кавказа, где он родился и вырос, и тем пространством поэмы, которое вдохновляло его фантазию...

...Но Виктор Шкловский пишет ему в письме: «Дорогой Сергей, мы не можем снять немую ленту. Люди должны говорить, и это главное препятствие». А ведь Сергей снял «Саят-Нову» —

Мариенков А. «Бессмертная трилогия». М.: Вагриус, 1998. (Мой 20 век)

немую ленту, ленту без слов! Я уверен, что снял бы и эту, вопреки «не можем» Шкловского...

Шкловский предложил: «Зимний дворец. Лермонтов перед императрицей, женой Николая Первого, читает «Демона». Она зеваёт, закрывает рот веером. Ей нравится Лермонтов, но ей не нравится «Демон». И «Демон» не проходит. Потом его осуществляет Параджанов».

Катанян В. Прикосновение к идолам

«Виктор Шкловский был человеком благородным, хоть и не слишком мужественным. В жилах его текла кровь революционера. Тем не менее Сталин его почему-то не посадил. В конце тридцатых годов это удивляло и самого не посаженного, и его друзей.

Округляя и без того круглые глаза свои, притихший формалист шепотом говорил:

— Я чувствую себя в нашей стране, как живая чернобурка в меховом магазине».

Мариенков А. «Бессмертная трилогия»

Олег Даль. Фото из архива Виктора Конечного

«Я не знаю человека более стремительного, неожиданного, более живого в своем творчестве.

Теоретик искусства, историк и теоретик литературы, прозаик, критик, кинодраматург, публицист, в последние годы выступивший с серией новаторских телефильмов, Виктор Шкловский принадлежал к числу оригинальных писателей нашего времени.

Сверстник и близкий друг Маяковского, друг Тынянова, Эйхенбаума, соратник Эйзенштейна, Довженко, Пудовкина, он шел рядом с ними. Виктор Борисович Шкловский был в авангарде этого блистательно начавшего нашу советскую культуру времени» — писал в некрологе В. Б. Шкловскому Иракий Андроников.

«В жизни я мало знал Виктора Борисовича, — сетовал, прощаясь со В. Б. Шкловским, профессор Б. И. Бурсов. — Встречался с ним 3–4 раза. Но в память мою врезалась первая наша встреча. То было, вероятно, близко к середине 50-х годов. Я жил в одном доме с Борисом Михайловичем Эйхенбаумом. Поднимаясь на пятый этаж известной в то время в Ленинграде «писательской надстройки» на канале Грибоедова, я буквально столкнулся на лестничной площадке со Шкловским, спускавшимся от Эйхенбаума. Не будучи знакомым с ним, я хотел, было, обойти его, но он остановил меня своим каким-то повелительным взглядом. Завязался разговор.

— А я вас знаю, — начал он. — От Бори (то есть Эйхенбаума)... Он чего-то ждет от вас...

— Обычно не находчивый, тут я неожиданно нашелся:

— Поздновато, Виктор Борисович. Мне уже скоро пятьдесят.

— Ну, какая ерунда, — парировал он. — Кто уже в пути, тому никогда не поздно. И потом — вы идете не за мной, а навстречу мне.

— Да, — снова нашелся я. — Мы только и делаем, что встречаемся на нашем пути друг с другом.

Он ответил так, что продолжать разговор стало уже невозможным:

— И провожаем друг друга в дорогу. А дороге этой нет конца...»

Профессор Борис Иванович Бурсов в последние годы своей жизни был нашим соседом по писательскому дому на улице Ленина. Его квартира располагалась над бывшей квартирой Эйхенбаумов. До переезда в Москву в ней жили дочь профессора Б. М. Эйхенбаума Ольга Борисовна и ее дочь Лиза с мужем — актером Олегом Далем.

Олега Даля не стало в марте 1981 года. Виктор Конецкий рассказывал:

«Я прилетел в Москву хоронить Олега Даля. Олег очень любил Виктора Борисовича и даже стащил потихоньку от Серафимы Густавовны портрет молодого Шкловского.

И Виктор Борисович любил Олега.

К Шкловским я приехал вечером накануне похорон.

Серафима Густавовна и Виктор Борисович лежали на кроватях лицами вверх.

Шкловский попросил сесть к нему на кровать, взял за руку, прижал ее к все еще широкой, но слабо-пухлой груди и тяжело заплакал.

Прошептал:

— А ты думаешь, у меня жизнь? У меня ад»...

ПУШКИН. ЛЕРМОНТОВ. ЧЕХОВ

В эссе о Сергее Колбасьеве «Он поэмы этой капитан» Виктор Конецкий пересказал одно воспоминание:

«Колбасьев погиб одновременно с Тухачевским и Бабелем, Блюхером и Кольцовым.

Сохранились воспоминания человека, который встретился с ним в обстоятельствах для обоих ужасных: в камере «Крестов». Колбасьев начал подозревать собеседника в провокаторстве и, как ныне модно говорить, тестировал его, задав вопрос:

— Кого больше любите — Пушкина или Лермонтова?

Собеседник смешался. Ведь каждый русский знает, что выше Александрийского столпа вознес непокорную голову только Пушкин. И все-таки каждый в разные этапы своей жизни имеет полное право колебаться между двумя этими великими именами.

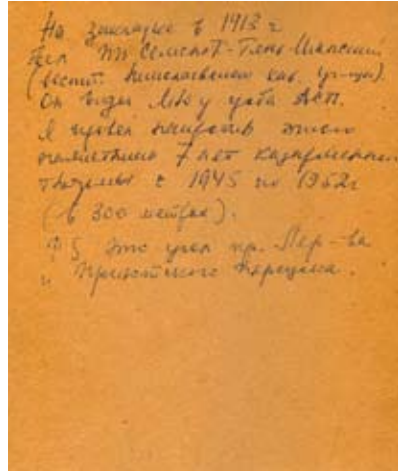
— Знаете, Пушкин — это более чем гениально, но, не знаю почему, больше всех люблю Лермонтова, — таков был ответ.

— И вам не стыдно признаться?

— Иногда неловко, но что поделаешь?

А. С. Пушкин. Автопортрет. Виктор Конецкий любил рисунки Пушкина и лишь по ним судил о внешности поэта

На книжной полке библиотеки Виктора Конецкого стоит фотография памятника поэту у бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (угол Лермонтовского проспекта и Морского переулка (б. Приютского)

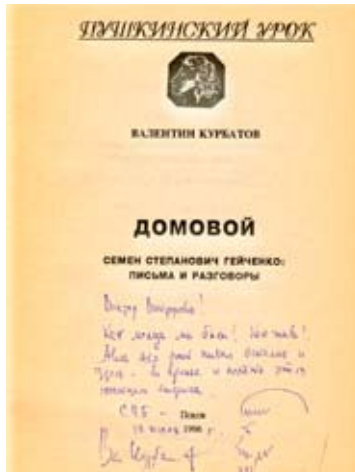
— Ну так можете успокоиться, — сказал Колбасьев, успокаиваясь сам, ибо лихорадка подозрительности отпустила его. — И я в этом грешен: необыкновенно люблю Лермонтова».

Насколько я могу судить по многочисленным высказываниям Виктора Викторовича, по его пристрастию к цитированию пушкинских строк, по той взволнованности, которая всегда овладевала им, как только упоминалось имя Пушкина, для него дилеммы — Пушкин или Лермонтов — никогда не существовало.

Пушкин в его глазах был явлением настолько особенным, настолько недостижимым и грандиозным, что имя его не подлежало обсуждению или каким-либо оценкам. Оно было для него вне законов, вне сравнений, вне каких-либо сопоставлений. Все, что было как-нибудь связано с Пушкиным, было священно — все, что непосредственно относилось к Пушкину-человеку, не только к поэту.

Такое — особо трепетное отношение — у Виктора Викторовича было, пожалуй, лишь к Чехову.

На книжной полке рядом с книгами Лермонтова у Виктора Викторовича всегда стояла фотография памятника М. Ю. Лермонтову. На ее обороте запись: «На закладке в 1913 г. был П. П. Семенов».

Курбатов В. ДОМОВОЙ. Семен Степанович Гейченко:
Письма и разговоры. Псков, 1996.

На титуле книги: «Виктор Викторович! Как молоды мы были! Как живы!.. А вот эхо этой жизни осталось и здесь — во вранье и полете этого юнейшего старика. Вал. Курбатов. СПб. 10 июля. 1996 г.»

Тянь-Шанский (воспит[анник] Николаевского кав[алерийского] уч-ща). Он видел М[ихайла]Ю[рьевича] у гроба А[лександра]С[ергеевича] П[ушкина]. Я провел напротив этого памятника 7 лет казарменной тюрьмы с 1945 по 1952 г (в 300 метрах). P. S. Это угол пр. Лер[монто]ва и Приютского переулка».

Виктор Викторович не переставал поражаться мудрости 14-летнего Лермонтова, читая «Бородино»... Однажды прочитал мне наизусть сцену дуэли Печорина и Грушницкого — любимые страницы «Героя нашего времени». И как прочитал!.. Стихотворение Лермонтова «Завещание» — любимое и глубоко личное для него — просил выучить наизусть...

В своих книгах Виктор Конецкий вспоминал Пушкина и Лермонтова постоянно. В не меньшей степени — и любимого Чехова.

Особую радость вызывала у него встреча в море с Пушкиным — теплоход «Александр Пушкин» ходил по Мировому океану под советским флагом.

Т/х «Михаил Лермонтов» погиб в 1985 году. Я помню письмо Д.С. Лихачева, в котором он благодарил Конецкого за присланную в подарок книгу о кораблекрушениях и выражал Виктору

Пушкин А. С. Сочинения. / Ред., биограф. очерк и прим. Б. Томашевского, вступит. ст. В. Десницкого. Л.: Худ. лит., 1936. 976 с.

Викторовичу соболезнование — «как моряку» — по поводу гибели судна...

Виктор Конецкий писал, что «любой русский даже не читая Пушкина, за него умрет».

Представляю, каким ударом по его гордости было бы увидеть телешоу «Имя Россия»: народ-богоносец Пушкину предпочел Сталина.

«...Нашего сердца и нашей памяти хватает ненадолго. Ни любовь, ни дружество, ни даже чувство утраты уже не проникают сердце насквозь — скорее отмечаются в нем будто в книге приезжих. Мы теперь скорее знаем чувства, чем переживаем их. Душа почти нарочито делается забывчива, будто защищается, чтобы полегче переносить слишком подвижную, нравственно нечистую жизнь. Учишься защищаться от зла, а теряешь память» — видно, прав Валентин Курбатов. Это строки из книги В. Курбатова «Домовой» — она рассказывает о подвижнике пушкинских мест Семёне Степановиче Гейченко.

Концевский был строг и пристрастен к критикам поэта. Особенно, к тем, кто «ничтоже сумняшеся» брался судить о частной жизни поэта. Как радовался он, когда видел и узнавал эту строгость в других людях! Валентин Курбатов вспоминает в книге «Домовой» свой разговор с С. С. Гейченко (подчеркнуто Концевским):

«Кого вы считаете сейчас настоящим поэтом? Я думаю, что, может быть, последним был Ярослав Васильевич Смеляков. Это был большой поэт. Однажды мы с ним подрались. Да-да. Он пришел как-то во время Пушкинского праздника. «Дайте, — говорит, — попить или выпить — все равно чего». Я дал. Он хватил водки, и мы разговорились. И я говорю: «Как вам не стыдно! Что вы такое написали про Наталью Николаевну? Будь жив Пушкин, он бы давно вас застрелил, потому что обычный кодекс чести предполагал, чтобы твою жену не полоскали по ветру. — А что, разве не правда? — Не знаю, — говорю. — Правду знал один человек, которого Пушкин пригласил за день до смерти, чтобы исповедоваться перед переселением в неведомый мир, куда надо приходиться чистым, но этот человек знал свои обязанности и унес эту правду в могилу. А что же, — говорю, — вы-то с поэтом так обращаетесь?» Ну, тут он завелся и толкнул меня. Тогда я ему сразу — бац! справа здоровой рукой. Хорошо, влетела жена. Потом появилось его стихотворение «Извинение перед Натали». Иногда пушкинисту нужны и такие аргументы».

«Пушкин, — говорил Концевский, — существует в нас почти с рождения и до смерти».

Самой дорогой для Виктора Викторовича была книга «Сочинений» Пушкина, изданная к 100-летию со дня гибели поэта в 1936 году. Эту книгу он держал в руках накануне своего ухода.

ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Прочитано Конечким

Сочинения А. С. Пушкина. Т. 2. Драматическия произведения. Изд-е 3. СПб: Изд-е А. С. Суворина, 1887.

Сочинения А. С. Пушкина. Т.3. Стихотворения. Изд-е 3. СПб: Изд-е А. С. Суворина, 1887.

Сочинения А. С. Пушкина. Т.4. Стихотворения. Изд-е 3. СПб: Изд-е А. С. Суворина, 1887.

Сочинения А. С. Пушкина. Т.5. Евгений Онегинъ. Изд-е 3. СПб: Изд-е А. С. Суворина, 1887.

Сочинения А. С. Пушкина. Т.6. Повести. Изд-е 3. СПб: Изд-е А. С. Суворина, 1887.

Сочинения А. С. Пушкина. Т.7. Историческия сочинения и Путешествие въ Арзрумъ. Изд-е 3. СПб: Изд-е А. С. Суворина, 1887.

Сочинения А. С. Пушкина. Т.8. Письма. Изд-е 3. СПб: Изд-е А. С. Суворина, 1887.

Сочинения А. С. Пушкина. Т.10. Лицейския стихотворения и отрывки. Изд-е 3. СПб: Изд-е А. С. Суворина, 1887.

Никольский В. Н. Идеалы Пушкина. СПб: Тип-я И. Н. Скороходова, 1887.

Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. СПб: Книгоизд-во «Шиповник», 1912.

Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. / 2-е изд., испр. Петроград: «Лит. Кн. Лавка, 1917.

Пушкин. Письма. Т.1. 1815–1825. / Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. (Труды Пуш. Дома АН СССР).

Пушкин. Письма. Т.2. 1826–1830. / Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. М.-Л.: Гос. изд-во, 1928. (Труды Пуш. Дома АН СССР).

Благой Д. Социология творчества Пушкина. Этюды. М.: Федерация, 1929.

Пушкин А. С. Сочинения. / Ред., биограф. очерк и прим. Б. Томашевского, вступит. ст. В. Десницкого. Л.: Худ. лит., 1936.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 6 тт. Т. 6. История Петра. М.: ОГИЗ, 1946.

Литературные памятные места Ленинграда. Очерки / Под общ. ред. А. М. Докусова. Л.: Лениздат, 1953.

Пушкин А. Полное собрание сочинений. Т.8. Письма (1815–1830). М.: Биб-ка «Огонек», изд-во «Правда», 1954.

Благой Д. Социология творчества Пушкина. Этюды. М.: Федерация, 1929

Пушкин. Письма. Т. 1. 1815-1825. / Под ред. и с прим. Б.Л. Модзалевского. М.-Л.: Гос. изд-во, 1926. (Труды Пушкинского Дома АН СССР)

Пушкин А. Полное собрание сочинений. Т.9. Письма (1831-1837). М.: Биб-ка «Огонек», изд-во «Правда», 1954.

Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М.: Изд-во Всесоюзной Кн. палаты, 1962.

Гордин А. Пушкинский заповедник. Л.-М.: Искусство, 1963.

Пушкин А.С. Медный всадник. Петербургская повесть. / Илл. Александра Бенуа. М.-Л.: Худ. лит., 1964.

Гейченко С.С. Пушкинские горы. Краткий путеводитель. / Худ. В.М. Звонцов. Л.: Художник РСФСР, 1965. (МК РСФСР. Гос. Пушкинский заповедник).

Гейченко С.С. Тригорское. Краткий путеводитель. / Худ. В.М. Звонцов. Л.: Художник РСФСР, 1965. (МК РСФСР. Гос. Пушкинский заповедник).

Гессен А. Все волновало нежный ум... Пушкин среди книг и друзей. М.: Наука, 1965.

Никольский В. Н. Идеалы Пушкина. СПб: Тип-я И. Н. Скороходова, 1887

Щеголев П. Е. Пушкин. Очерки. СПб: Книгоизд-во «Шиповник», 1912

Пушкин А. С. Стихотворения. / Сост. К. Чуковский. Оформл. В. Фаворского. М.: Дет. лит, 1968.

Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968.

ПУШКИН. Письма последних лет. 1834–1837. Л.: Наука, 1969. (АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом).

Пушкин в Болдине. 1830. 1833. 1834. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1974.

Ободовская И., М. Дементьев. Вокруг Пушкина. Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых./ Ред., автор вступит. ст. Д. Д. Благой. М.: Сов. пис., 1975.

А. С. Пушкин о литературе. Избранное. М.: Дет. лит., 1977.

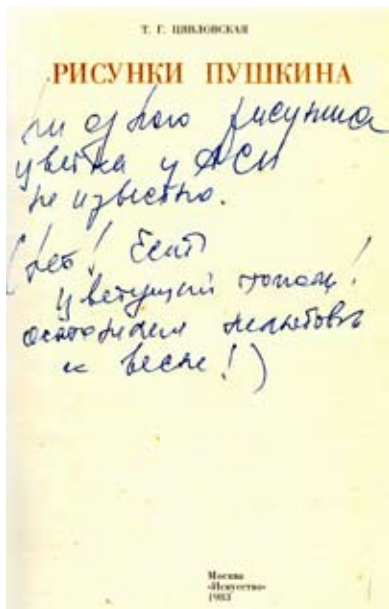
Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л.: Наука, 1977.

Дань признательной любви. Русские писатели о Пушкине. Л.: Лениздат, 1979.

Попова Н. И. Музей-квартира А. С. Пушкина. Путеводитель. Л.: Лениздат, 1979.

Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина.
 М.: Ис-во, 1983.
 На титуле книги запись Викто-
 ра Конецкого: «Ни одного рисун-
 ка цветка у А[лександра] С[ер-
 геевича] П[ушкина] не известно.
 (Нет! Есть цветущий тополь!
 Осатонелая нелюбовь к весне!)»

А. С. Пушкин. Пирамидальный тополь. Из книги Т.Г. Цявловской «Рисунки Пушкина»

Зленко Г. Д. Одесские тетради: Литературовед. очерки и разыскания. Одесса: Маяк, 1980.

Цветаева М. Мой Пушкин. / Изд-е 3-е, доп. М.: Сов. пис., 1981.

Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л.: Наука, 1983. (АН СССР. Отд-е лит. и языка. Пушкинская комиссия).

Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М.: Искусство, 1983.

Февчук Л. П. Портреты и судьбы. Из ленинградской Пушкинианы. Л.: Лениздат, 1984.

Последний год жизни Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. / Сост., вступит. ст. и прим. В. В. Кунина. М.: Правда, 1988.

Тынянов Ю. Пушкин. М.: Книга, 1988.

Бурсов Б. И. Судьба Пушкина. Л.: Сов. пис., 1989. (Б-ка произведений, удостоенных Гос. премии СССР).

Шубин Б. М. Дополнение к портретам. Скорбный лист, или История болезни Александра Пушкина. Доктор Чехов. М.: Знание, 1989.

Иезуитова Р. В., Лекович Я. Л. Пушкин в Петербурге. Л.: Лениздат, 1991. (Выдающиеся деятели науки и культуры в Петербурге — Петрограде — Ленинграде).

Пушкин А. С. Гавриилиада. / Ред., прим. и ком. Б. Томашевского. / Худ. В. Конашевич. М.: Худ. лит., 1991.

Пушкин А. Тень Баркова: Баллада. СПб, 1991.

Фридкин В. М. Пропавший дневник Пушкина. Изд-е 2-е, доп. М.: Знание, 1991.

Бартенева П. И. О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М.: Сов. Россия, 1992.

Беляев М. Д. Наталья Николаевна Пушкина в портретах и отзывах современников. СПб: Ассоциация «Нов. лит.», изд-во «Опыты», 1993.

МИР ПУШКИНА. Т. 1. Письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к их дочери Ольге Сергеевне Павлицевой. 1828–1835. СПб: Пушкинский фонд, 1993. (Фамильные бумаги).

МИР ПУШКИНА. Т. 2. Письма Ольги Сергеевны Павлицевой к мужу и к отцу. 1831–1837. СПб: Пушкинский фонд, 1994. (Фамильные бумаги).

Курбатов В. ДОМОВОЙ. Семен Степанович Гейченко: Письма и разговоры. Псков, 1996.

Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное воспроизведение. СПб: Logos, 1999.

Пушкинская энциклопедия. 1799–1999. Москва: АСТ, 1999.

Витале С. Пуговица Пушкина. / Пер. с англ. Е. М. Емельяновой. Калининград: Янтар. сказ., 2001.

Тайные записки А. С. Пушкина. 1836–1837. / Пер. с франц. Публ. М. Армалинского. М.: «Ладомир», 2001.

ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Прочитано Конечким

Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. 1- 4 тт. / Под ред. Арс. И. Введенского. СПб: Изд-е А. Ф. Маркса, 1891.

Лермонтов М. Полное собрание сочинений. Т.1. Стихотворения. / Предисл. И. Л. Андроникова. М.: Правда, Биб-ка «Огонек», 1953.

Лермонтов М. Полное собрание сочинений. Т.2. Поэмы и повести в стихах. / Под наблюд. И. Андроникова. М.: Правда, Биб-ка «Огонек», 1953.

Лермонтов М. Полное собрание сочинений. Т.4. Проза. / Под наблюд. И. Андроникова. М.: Правда, Биб-ка «Огонек», 1953.

Попов А. В. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь: Кн. изд-во, 1954.

Селегей П. Государственный музей Домик Лермонтова. Путеводитель. Ставрополь: Кн. изд-во, 1958.

М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. / Сост., подготовка текстов, вступит. ст., прим. М. И. Гиллельсона и В. А. Мануйлова. М.: Худ. лит., 1964. (Серия лит. мемуаров).

М. Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. (АН СССР. Институт рус. лит. (Пушкинский дом)).

Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энцикл., 1981.

Дуэль Лермонтова с Мартыновым. По материалам следствия и военно-судного дела 1941 года. / Сост. Д. А. Алексеев. М.: Руслит, 1992.

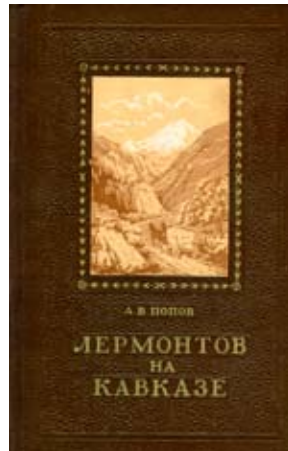
М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. / Сост., подготовка текстов, вступит. ст., прим. М. И. Гиллельсона и В. А. Мануйлова. М.: Худ. лит., 1964. (Серия лит. мемуаров)

Лермонтовская энциклопедия. / Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энци-я, 1981

Дуэль Лермонтова с Мартыновым. По материалам следствия и военно-судного дела 1941 года. / Сост. Д. А. Алексеев. М: Руслит, 1992

Попов А. В. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь: Кн. изд-во, 1954

Мануйлов В. А. *Записки счастливого человека. Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов.* / Пред. Д. С. Лихачева. Под ред. Н. Ф. Будановой. СПб: Фонд рег. развития СПб, Европейский Дом, Европейский ун-т в СПб, 1999. (Дневники и воспоминания петербургских ученых). Виктор Андроникович Мануйлов (1903–1987) — ученый, «хранитель Пушкинского Дома», известный лермонтовед и пушкинист. Его «Лермонтовскую энциклопедию» — результат 24-летнего труда — Виктор Конецкий ценил очень высоко. В энциклопедии многочисленные подчеркивания его рукой. «Записки счастливого человека» — одна из последних книг, приобретенных Виктором Конецким

ЧЕХОВСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Прочитано Конецким

А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам. / Сост. В. Фейдер. Л.: ACADEMIA, 1928. (Лит. быт и тв.-во рус. писателей по воспоминаниям, дневникам и письмам).

М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. / Под ред. С. Д. Балухатого. М.-Л.:Изд-во АН СССР, 1937. (АН СССР — Ин-т лит.).

А. П. Чехов о литературе. М.: Худ. лит., 1953.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 1 Рассказы. 1880–1882. М.: Худ. лит., 1954.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 2. Рассказы. 1882–1881. М.: Худ. лит., 1954.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 3. Повести и рассказы. 1884–1885. М.: Худ. лит., 1955.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 4. Рассказы. 1886. М.: Худ. лит., 1955.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 5. Рассказы. 1887. М.: Худ. лит., 1955.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 6. Повести и рассказы. 1888–1891. М.: Худ. лит., 1955.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 7. Повести и рассказы. 1888–1891. М.: Худ. лит., 1956.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 8. Повести и рассказы. 1895–1903. М.: Худ. лит., 1956.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 9. Пьесы. 1886–1904. М.: Худ. лит., 1956.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 10. Из Сибири. Остров Сахалин. Фельетоны, статьи. Записные книжки. Дневники. 1882–1904. М.: Худ. лит., 1956.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 11. Письма. 1877–1892. М.: Худ. лит., 1956.

Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 12. Письма. 1893–1904. М.: Худ. лит., 1957.

Чуковский К. Чехов. М.: Гос. изд-во дет. лит., 1958.

А. П. Чехов в воспоминаниях современников. / Под общ. ред. С. Н. Голубова, В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия и др. М.: Худ. лит., 1960. (Серия лит. мемуаров).

Сысоев Н. Чехов в Крыму. 4-е изд., исправл. и доп. Симферополь: Крымиздат, 1960.

Чехов М. П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления. М.: Москов. рабочий, 1960.

Чехова М. П. Из далекого прошлого / Запись Н. А. Сысоева. М.: Худ. лит., 1960.

Чуковский К. О Чехове. М.: Худ. лит., 1967.

Видуэцкая И. П. А. П. Чехов и его издатель А. Ф. Маркс. М.: Наука, 1977. (АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького).

Чехов и его время. М.: Наука, 1977. (АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А. М. Горького).

Шубин Б. М. Доктор А. П. Чехов. М.: Знание, 1977.

Чехов. А. Жалобная книга. / Послесл. Д. Заславского. Художник Е. Нестеров. Пермь: Кн. изд-во, 1978.

А. П. Чехов. литературный быт и творчество по мемуарным материалам. / Сост. Вал. Фейдер. Л.: ACADEMIA, 1928. (Лит. быт и тв-во рус. писателей по воспоминаниям, дневникам и письмам)

Течение мелиховской жизни. А. П. Чехов в Мелихове. 1892–1899 годы. М.: Планета, 1989.

Антон Чехов. Записные книжки. М.: Вагриус, 2000.

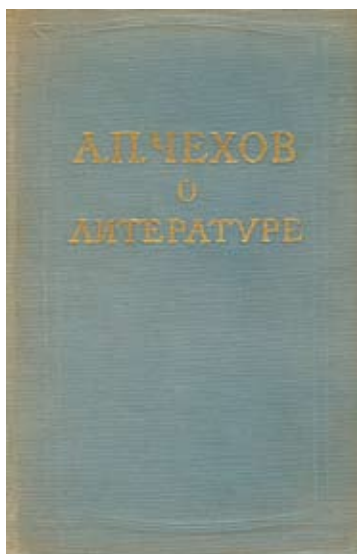
А. П. ЧЕХОВ. ИЗ ПИСЕМ

Подчеркнуто Конечким

«...Если пожелаешь прочесть нескудное путешествие, прочти «Фрегат Паллада» Гончарова и т.д...»

Из письма А. П. Чехова — брату М. П. Чехову, 1876 год, «А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам»

«... Что дозволено сегодня, из-за того придется съездить в [цензурный] комитет завтра, и близко время, когда даже чин «купец» станет недозволенным фруктом. Да, непрочный кусок хлеба дает

А. П. Чехов о литературе. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955

литература, и умно Вы сделали, что родились раньше меня, когда легче и дышалось и писалось...»

А. П. Чехов — Н. А. Лейкину, 1885 год, с. «А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам»

«Батенька, неужели нам уже скоро 30 лет? Ведь это свинство! За 30-ю идет старость...»

А. П. Чехов — В. В. Билибину, 1886 год, «А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам»

«...Мне кажется, что не беллетристы должны решать такие вопросы, как бог, пессимизм и т.п. Дело беллетриста изобразить только, кто, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о боге или пессимизме. Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем. Я слышал беспорядочный, ничего не решающий разговор двух русских людей о пессимизме и должен передать этот разговор в том самом виде, в каком слышал, а делать оценку ему будут присяжные, т.е. читатели. Мое дело только в том, чтобы быть

талантливым, т.е. уметь отличить важные показания от неважных, уметь освещать фигуры и говорить их языком».

*А. П. Чехов — А. С. Суворину, 30 мая, 1888 год,
«А. П. Чехов о литературе»*

«...Погодите, «Русская мысль» будет выкидывать еще и не такие фортели! Под флагом науки, искусства и угнетаемого свободомыслия у нас на Руси будут царить жабы и крокодилы, каких не знавала даже Испания во времена инквизиции. Вот Вы увидите! Узкость, большие претензии, чрезмерное самолюбие и полное отсутствие литературной и общественной совести сделают свое дело. Все эти Гольцевы и К. напустят такой духоты, что всякому свежему человеку литература опротивеет, как черт знает что, а всякому шарлатану и волку в овечьей шкуре будет где лгать, лицемерить и умирать «с честью»...»

*А. П. Чехов — А. Н. Плещееву, 27 августа 1888 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

(Здесь на полях запись Виктора Конецкого: «бедная В. В. Знает она?» О какой В. В. идет речь, сказать не могу. — Т. А.)

Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) — публицист, литературный критик, редактор журнала «Русская мысль».

«... Для специальных вопросов существуют у нас специалисты; их дело судить об общине, о судьбах капитала, о вреде пьянства, о сапогах, о женских болезнях...

Требую от художника сознательного отношения к работе, Вы правы, но Вы смешиваете два понятия: *решение вопроса* и *правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника...»

*А. П. Чехов — А. С. Суворину, 27 октября 1888 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

«...Мне кажется, что всеми русскими беллетристами и драматургами чувствовалась потребность рисовать унылого человека и что все они писали инстинктивно, не имея определенных образов и взгляда на дело...»

*А. П. Чехов — А. С. Суворину, 7 января 1889 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

«Получаю по поводу «Иванова» анонимные и не анонимные письма. Какой-то социалист (повидимому) негодует в своем анонимном письме и шлет мне горький упрек: пишет, что после моей пьесы погиб кто-то из молодежи, что моя пьеса вредна и проч.. Все письма толкуют «Иванова» одинаково. Очевидно, поняли, чему я был рад...»

*А. П. Чехов — А. С. Суворину, 3 февраля 1889 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

(Здесь запись Виктора Конецкого: «Скептик: А[нтон] П[авлович] узнал, что из-за его пьесы погиб человек. И спокоен, весел. («Туда ему и дорога»)).»

«...Мой совет: в пьесе старайся быть оригинальным и по возможности умным, но не бойся показаться глупым; нужно вольнодумство, а только тот вольнодумец, кто не боится писать глупостей. Не зализывай, не шлифуй, а будь неуклюж и дерзок. Краткость — сестра таланта. Памятуй кстати, что любовные объяснения, измены жен и мужей, вдовьи, сиротские и всякие другие слезы давно уже описаны. Сюжет должен быть нов, а фабула может отсутствовать...»

*А. П. Чехов — Ал. П. Чехову, 11 апреля 1889 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

«Билибин писал мне, что Вы часто видаетесь с ним. Он милый человек, но немножко сухарь и немножко чиновник. Он очень порядочен и, в чем я убежден уже давно, талантлив. Талант у него большой, но знания жизни ни на грош, а где нет знания, там нет и смелости...»

*А. П. Чехов — И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 12 апреля 1889 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

«...Прежде всего, материалистическое направление — не школа и не направление в узком газетном смысле; оно не есть ничто случайное, преходящее; оно необходимо и неизбежно и не во власти человека. Все, что живет на земле, материалистично по необходимости. В животных, в дикарях, в московских купцах все высшее, неживотное обусловлено бессознательным инстинктом, все же остальное материалистично в них и, конечно, не по их воле.

Существа высшего порядка, мыслящие люди, — материалисты тоже по необходимости. Они ищут истину в материи, ибо искать ее больше им негде, так как видят, слышат и ощущают они одну только материю. По необходимости они могут искать истину только там, где пригодны их микроскопы, зонды, ножи... Воспретить человеку материалистическое направление равносильно запрещению искать истину. Вне материи нет ни опыта, ни знаний, значит нет и истины...

Спиритуалисты — это не ученое, а почетное звание. Они не нужны как ученые. Во всем же, что они делают и чего добиваются, они такие же материалисты по необходимости, как и сам Сикст. Если, что невозможно, они победят материалистов и сотрут их с лица земли, то этой одной победой они явят себя величайшими материалистами, так как разрушат целый культ, почти религию.

Говорить о вреде и опасности материалистического направления, а тем паче воевать против него, по меньшей мере, преждевременно. У нас нет достаточно данных для состава обвинения. Теорий и предположений много, но фактов нет, и вся наша антипатия не идет дальше фантастического жупела...»

*А. П. Чехов — А. С. Суворину, 7 мая 1889 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

«...Теперь о моей пьесе. Ты задался целью изобразить неноющего человека и испужался. Задача представляется мне ясной. Не ноет только тот, кто равнодушен. Равнодушны же или философы, или мелкие, эгоистические натуры. К последним должно относиться отрицательно, а к первым положительно... Главное, берегись личного элемента. Пьеса никуда не будет годиться, если все действующие лица будут похожи на тебя...

...Еще один совет: сходи раза три в театр и присмотришься к сцене. Сравнишь, а это важно. Первый акт может тянуться хоть целый час, но остальные не дольше 30 минут. Гвоздь пьесы — 3 акт, но не настолько гвоздь, чтоб убить последний акт. В конце концов памятью о цензуре. Строга и осторожна...»

*А. П. Чехов — Ал. П. Чехову, 8 мая 1889 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

«Отвечаю на Ваше письмо о Бурже. Буду краток. Вы пишете между прочим: «Пускай наука о материи идет своим чередом,

но пусть также остается что-нибудь такое, где можно укрыться от этой сплошной материи». Наука о материи идет своим чередом, и те места, где можно укрыться от сплошной материи, тоже существуют своим чередом, и, кажется, никто не посягает на них. Если кому и достается, то только естественным наукам, но не святым местам, куда прячутся от этих наук. В моем письме вопрос поставлен правильнее и безобиднее, чем в Вашем, и я ближе к «жизни духа», чем Вы. Вы говорите о праве тех или других знаний на существование, я же говорю не о праве, а о мире. Знания всегда пребывали в мире. И анатомия и изящная словесность имеют одинаково знатное происхождение, одни и те же цели, одного и того же врага — черта, и воевать им положительно не из-за чего(...).

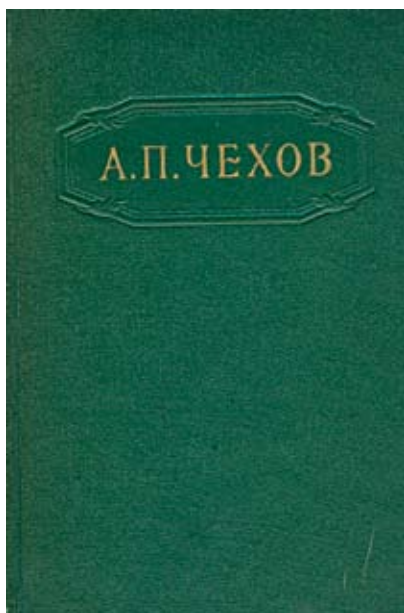
Бурже увлекателен для русского читателя, как гроза после засухи, и это понятно. Читатель увидел в романе героев и автора, которые умнее его, и жизнь, которая богаче его жизни; русские же беллетристы глупее читателя, героини их бедны и ничтожны, третируемая ими жизнь скудна и неинтересна. Русский писатель живет в водосточной трубе, ест мокриц, любит халд и прачек, не знает он ни истории, ни географии, ни естественных наук, ни религии родной страны, ни администрации, ни судопроизводства... одним словом, черта лысого не знает(...)

*А. П. Чехов — А. С. Суворину, 16 мая 1889 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

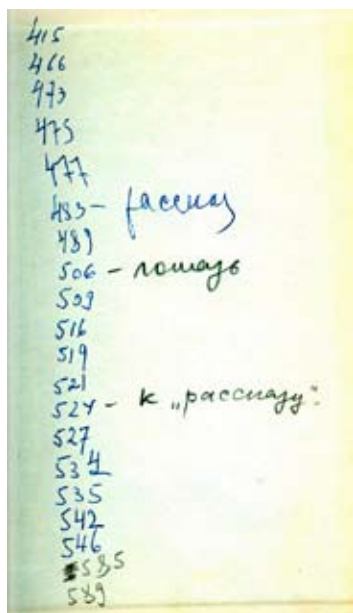
«Повесть, как и сцена, имеет свои условия. Так, мне мое чутье говорит, что в финале повести или рассказа я должен искусственно сконцентрировать в читателе впечатление от всей повести и для этого хотя мельком, чуть-чуть упомянуть о тех, о ком раньше говорил. Быть может, я и ошибаюсь».

*А. П. Чехов — А. Н. Плещееву, 30 сентября 1889 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

«...Когда я в одном из своих последних писем писал Вам о Бурже и Толстом, то меньше всего думал о прекрасных одалисках и о том, что писатель должен изображать одни только тихие радости. Я хотел только сказать, что современные лучшие писатели, которых я люблю, служат злу, так как разрушают... Неужели они заставляют «обновляться»? Нет, они заставляют Францию вырождаться, а в России они помогают дьяволу размножать слизняков

Чехов А. П. Собрание сочинений
в 12 тт. Т.11. Письма. 1877–1892.
М.: Худ. лит., 1956

Пометки Виктора Конецкого
на форзаце книги

и мокриц, которых мы называем интеллигентами. Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция, которая никак не может придумать для себя приличного образца для кредитных бумажек, которая не патриотична, уныла, бесцветна, которая пьянеет от одной рюмки и посещает пятидесяतिकопеечный бордель, которая брюзжит и охотно отрицает *всё*, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать, которая не женится и отказывается воспитывать детей и т.д. Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях — а все это в силу того, что жизнь не имеет смысла, что у женщин ..... и что деньги — зло.

Где вырождение и апатия, там половое извращение, холодный разврат, выкидыш, ранняя старость, брюзжащая молодость, там падение искусств, равнодушие к науке, там *несправедливость* во всей своей форме. Общество, которое не верует в бога, но боится примет и черта, которое отрицает *всех* врачей и в то же время

*Газета «Советский Сахалин» от 21 февраля 1990 года
со статьей В. Карнаухова о А. П. Чехове «Два путешествия
на Сахалин»*

(вложена Виктором Концецим в книгу Б. Шубина «Доктор А. П. Чехов»)

лицемерно оплакивает Боткина и поклоняется Захарьину, не смеет и заикаться о том, что оно знакомо с справедливостью...»

*А. П. Чехов — А. С. Суворину, 27 декабря 1889 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

«Наши гг. геологи, ихтиологи, зоологи и проч. ужасно необразованные люди. Пишут таким суконным языком, что не только скучно читать, но даже временами приходится фразы переделывать, чтобы понять. Но зато важности и серьезности хоть отбавляй. В сущности это свинство».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 28 февраля 1890 года, Москва. СС т. 11

«...Купил я гречневой крупы и кусочек копченой свинины, велел сварить размазню; не вкусно, но делать нечего, надо есть. Весь вечер искали по деревне, не продаст ли кто курицу, и не нашли... Зато водка есть! Русский человек большая свинья. Если спросить, почему он не ест мяса и рыбы, то он оправдывается отсутствием привоза, путей сообщения и т.п., а водка между тем есть даже в самых глухих деревнях и в количестве, каком угодно. А между тем, казалось бы, достать мясо и рыбу гораздо легче, чем водку, которая

и дороже и везти ее труднее. Нет, должно быть, пить водку гораздо интереснее, чем трудиться ловить рыбу в Байкале или разводить скот...»

*А. П. Чехов — М. П. Чеховой, 13 июня 1890 года,
ст. Лиственничная. СС т. 11*

«Я писал уже вам, что мы сидим на мели...

Капитан, его помощник и агент — верх любезности. Китайцы, сидящие в III классе, добродушны и смешны. Вчера один китаец сидел на палубе и пел дискантом что-то очень грустное; в это время профиль у него был смешнее всяких карикатур. Все глядели на него и смеялись, он — ноль внимания. Попел дискантом и стал петь тенором: боже, что за голос! Это овечье или телячье бляенье... Китайцы напоминают мне добрых, ручных животных. Косы у них черные, длинные, как у Натальи Михайловны. Кстати о ручных животных; в уборной живет ручная лисица-щенок. Умываешься, а она сидит и смотрит. Если долго не видит людей, то начинает скулить...

На пароходе воздух накаляется докрасна от разговоров. Здесь не боятся говорить громко. Арестовывать здесь некому и ссылать некуда, либеральничай сколько влезет. Народ все больше независимый, самостоятельный и с логикой. Если случается какое-нибудь недоразумение в Усть-Каре, где работают каторжные (между ними много политических, которые не работают), то возмущается весь Амур. Доносы не приняты. Бежавший политический свободно может проехать на пароходе до океана, не боясь, что его выдаст капитан. Это объясняется отчасти и полным равнодушием ко всему, что творится в России. Каждый говорит: какое мне дело?»

*А. П. Чехов — М. П. Чеховой, 23 июня 1890 года,
от ст. Покровской до Благовещенска. СС т. 11*

«Китайцы возьмут у нас Амур — это несомненно. Сами они не возьмут, но им отдадут его другие, например, англичане, которые в Китае губернаторствуют и крепость строят. По Амуру живет очень насмешливый народ; все смеются, что Россия хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла об Амуре. Не расчетливо и не умно...»

*А. П. Чехов — А. С. Суворину, 27 июня 1890 года,
Благовещенск. СС т. 11*

«Когда вышли из Гонг-Конга, нас начало качать. Пароход был пустой и делал размахи в 38 градусов, так что мы боялись, что он опрокинется. Морской болезни я не подвержен — это открытие меня приятно поразило. По пути к Сингапуру бросили в море двух покойников. Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море. Заболел у нас рогатый скот. По приговору доктора Щербака и вашего покорного слуги, скот убили и бросили в море.

(Здесь на полях запись Виктора Конецкого: «рассказ»).

Сингапур я плохо помню, так как, когда я объезжал его, мне почему-то было грустно; я чуть не плакал. Затем следует Цейлон — место, где был рай. Здесь в раю я сделал больше 100 верст по железной дороге и по самое горло насытился пальмовыми лесами и бронзовыми женщинами... От Цейлона безостановочно плыли 13 суток и обалдели от скуки. Жару выношу я хорошо. Красное море уныло; глядя на Синай, я умилялся.

Хорош божий свет. Одно только не хорошо: мы. Как мало в нас справедливости и смирения, как дурно понимаем мы патриотизм! Пьяный, истасканный забуддыга-муж любит свою жену и детей, но что толку от этой любви? Мы, говорят в газетах, любим нашу великую родину, но в чем выражается эта любовь? Вместо знаний — нахальство и самомнение паче меры, вместо труда — лень и свинство, справедливости нет, понятие о чести не идет дальше «чести мундира», мундира, который служит обыденным украшением наших скамей для подсудимых. Работать надо, а все остальное к черту. Главное — надо быть справедливым, а остальное все приложится».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 9 декабря 1890 года, Москва. СС т. 11

«...До поездки [на Сахалин] «Крейцера соната» [Л. Н. Толстого] была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошел — черт меня знает».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 17 декабря 1890 года, Москва. СС т. 11

«...В случае, если Вы не поедете в Феодосию, то дайте надлежащее распоряжение, дабы мои письма не пошли к черту. Также

не забудьте, что в начале июня пароход «Петербург» привезет яванскую лошадь, которую я заказал для Вас в Сингапуре и которую пароходные офицеры обещали мне довести до Одессы. Это, если ее привезут, удивительная лошадь. Не забудьте написать в Одессу, в книжный магазин, чтобы там поручили кому-нибудь побывать на пароходе в день его прихода, взять лошадь и спровадить ее в Феодосию, в теплый климат».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 13 мая 1891 года, Алексин. СС т. 11

«Вы пишете, что в последнее время «девочки стали столь откровенно развратны». Ах, не будьте Жителем! Если они и развращены, то время тут положительно ни при чем. Прежде развратнее даже были: ибо сей разврат как бы узаконивался. Вспомните Екатерину, которую хотела женить Мамонова на 13-летней девочке. Пушкин в своем «Станционном смотрителе» целуется взасос с 14-летней девочкой, а героини Шекспира все в возрасте от 14 до 16 лет. И не столько уж у Вас случаев, чтобы делать обобщения».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 27 мая 1891 года, Богимово. СС т. 11

«А что «человека мало колотят по голове — он заслуживает плетей», я, пожалуй, готов согласиться с Вами, если Вы докажете, что человек до сих пор наслаждался блаженством и что он не забит и не заколочен до отупения судьбой».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 18 августа 1891 года, Богимово. СС т. 11

«Вам рассказ понравился, ну, слава богу. В последнее время я стал чертовски мнителен. Мне все кажется, что на мне штаны скверные, и что я пишу не так, как надо, и что даю больным не те порошки. Это психоз, должно быть...

...У меня в сарае холодно. Я бы хотел теперь ковров, камина, бронзы и ученых разговоров. Увы, никогда я не буду толстовцем! В женщинах я прежде всего люблю красоту, а в истории человечества — культуру, выражающуюся в коврах, рессорных экипажах и остроте мысли. Ах, поскорее бы сделаться старичком и сидеть бы за большим столом!».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 30 августа 1891 года, Богимово. СС т. 11

«...У Ноя было три сына: Сим, Хам и, кажется, Афет. Хам заметил только, что отец его пьяница, и совершенно упустил из виду, что Ной гениален, что он построил ковчег и спас мир. Пишущие не должны подражать Хаму. Наматайте это себе на ус. Я не смею просить Вас, чтобы Вы любили гинеколога и профессора, но смею напомнить о справедливости, которая для объективного писателя дороже воздуха».

А. П. Чехов — Е. М. Шавровой, 16 сентября 1891 года, Москва. СС т. 11

«...Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровке, с мангусом. Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита — это не жизнь, а какой-то ..... и больше ничего».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 19 октября 1891 года. СС т. 11

«...Боборыкин отмахивается обеими руками от Гоголя и не хочет считать его родоначальником Тургенева, Гончарова, Толстого... Он ставит его особняком, вне русла, по которому тек русский роман. Ну, я этого не понимаю. Коли уж становиться на точку зрения естественного развития, то не только Гоголя, но даже собачий лай нельзя ставить вне русла, ибо все в природе влияет одно на другое, и даже то, что я сейчас чихнул, не останется без влияния на окружающую природу».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 30 ноября 1891 года, Москва. СС т. 11

«Был у меня вчера кн[язь] Урусов, сидел от 7 до 12 1/2 ночи и рассказывал про французских литераторов. Это упитанный, богатый, умеющий увлекаться Флобером и ....., и, повидимому, очень довольный собою человек...»

Вчера какой-то, повидимому, очень молодой человек прислал мне из Воронежа рукопись листов в 40, мелко исписанную. Роман. Название очень новое: «Нищие духом»... Другой, но уже не юный, а отставной полковник, принес мне две рукописи... Во второй рукописи изображен идейный молодой человек, который из нужды пошел в извозчики (укор равнодушному обществу, доводящему своих лучших представителей до такого ужасного положения);

ну, извозчик сидит на козлах и разговаривает со своими седоками о Марксе, Бокле и логике Милля».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 3 декабря 1891 года, Москва. СС т. 11

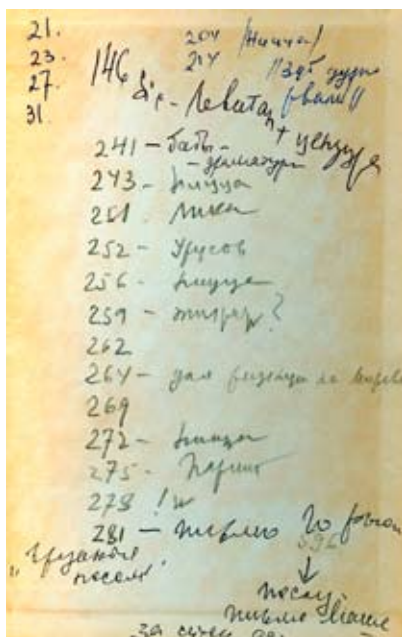
«...Ведь Ваш рассказ отчасти имеет целью утратить читателя и испортить ему дюжину нервов, зачем же Вы говорите о «нашем нервном веке»? Ей-богу, никакого нет нервного века. Как жили люди, так и живут, и ничем теперешние нервы не хуже нервов Авраама, Исаака и Иакова. Откиньте конец, но эпитафия оставьте».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 13 декабря 1891 года. СС т. 11

«Вам нужна моя биография? Вот она. Родился я в Таганроге в 1860 г. В 1879 г. кончил курс в таганрогской гимназии. В 1884 г. кончил курс в Московском университете по медицинскому факультету. В 1888 г. получил Пушкинскую премию. В 1890 г. совершил путешествие на Сахалин через Сибирь и обратно морем. В 1891 г. совершил турне по Европе, где пил прекрасное вино и ел устриц. В 1892 г. гулял на именинах с В. А. Тихоновым. Писать начал в 1879 г. в «Стрекозе». Сборники мои суть: «Пестрые рассказы», «В сумерках» («В утренних сумерках» — название одного из первых рассказов В. Конецкого — Т. А.), «Рассказы», «Хмурые люди» и повесть «Дуэль». Грешил и по драматической части, хотя и умеренно. Переведен на все языки, за исключением иностранных. Впрочем, давно уже переведен немцами. Чехи и сербы также одобряют. И французы не чужды взаимности. Тайны любви постиг я, будучи 13 лет. С товарищами, как врачами, так ровно и литераторами, пребываю в отличнейших отношениях. Холост. Желал бы получить пенсию. Медициной занимаюсь и даже настолько, что, случается, летом произвожу судебно-медицинские вскрытия, коих не совершал уже года 2–3. Из писателей предпочитаю Толстого, а из врачей — Захарьина».

А. П. Чехов — В. А. Тихонову, 22 февраля 1892 года, Москва. СС т. 11

«О холерных бунтах уже ничего не слышно. Говорят о каких-то арестах, о прокламациях и проч.. Говорят, что литератор Астырев приговорен в 15-летней каторге. Если наши социалисты в самом деле будут эксплуатировать для своих целей холеру, то я стану

Пометки Виктора Конецкого на форзаце 12 тома
«Собрания сочинений» А. П. Чехова»

презирать их. Отвратительные средства ради благих целей делают и самые цели отвратительными. Пусть выезжают на спинах врачей и фельдшеров, но зачем лгать народу? Зачем уверять его, что он прав в своем невежестве и что его грубые предрассудки — святая истина? Неужели прекрасное будущее может искупить эту подлую ложь? Будь я политиком, никогда бы я не решился позорить свое настоящее ради будущего, хотя бы мне за золотник подлой лжи обещали сто пудов блаженства».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 1 августа 1892 года, Мелихово. СС т. 11

«...Мне нестерпимо хочется есть, пить, спать и разговаривать о литературе, т.е. ничего не делать и в то же время чувствовать себя порядочным человеком. Впрочем, если Вам противно мое безделье, то я могу пообещать написать с Вами или около Вас пьесу, повесть... А? Не хотите? Ну бог с Вами».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 16 августа 1892 года, Мелихово. СС т. 11

«...Наука и техника переживают теперь великое время, для нашего же брата это время рыхлое, кислое, скучное, сами мы кислы и скучны, умеем рождать только гуттаперчевых мальчиков, и не видит этого только Стасов, которому природа дала редкую способность пьянеть даже от помоев... Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение(...)

*А. П. Чехов — А. С. Суворину, 25 ноября 1892 года,
«А. П. Чехов о литературе»*

«Вы воронежский уроженец? Моя фамилия тоже ведет свое начало из воронежских недр, из Острогжского уезда. Мои дед и отец были крепостными у Черткова, отца того самого Черткова, который издает книжки».

А. П. Чехов — А. И. Эртелю, 11 марта 1893 года, Мелихово. СС т. 12

«...Детство отравлено у нас ужасами, нервы скверные до гнусности, денег нет и не будет, смелости и умения жить тоже нет, здоровье скверное, настроение хорошее для нас почти уже недоступно — короче говоря, не будьте благомысленны, как говорил ... Мишка Черемис».

А. П. Чехов — Ал. П. Чехову, 4 апреля 1893 года, Мелихово. СС т. 12

«Денег! Денег! Будь деньги, я уехал бы в Южную Африку, о которой читаю теперь очень интересные письма. Надо иметь цель в жизни, а когда путешествуешь, то имеешь цель.

У нас поспели огурцы. Бром влюбился в m-elle Мерилиз. Живем мирно. Водку уже не пьем, и не курим, но почему-то все-таки после ужина всякий раз сильно хочется спать, и в комнате пахнет сигарой...»

*А. П. Чехов — Л. С. Мизиновой, 13 августа 1893 года,
Мелихово. СС т. 12)*

«Новостей нет, или есть, но неинтересные или печальные. Много говорят о чуме и войне, о том, что синод и министерство

просвещения сливаются воедино. Художник Левитан (пейзажист), повидимому, скоро умрет. У него расширение аорты.

А мне не везет. Я написал повесть из мужицкой жизни, но говорят, что она не цензурна и что придется сократить ее наполовину. Значит, опять убытки.

В Москве, если будет хорошая весенняя погода, съездим на Воробьевы горы и в монастырь. Из Москвы вместе поедем в Петербург, где мне придется хлопотать по одному делу».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 1 марта 1897 года. СС т. 12

«Вы пишете, что Вам досадно на Золя, а здесь у всех такое чувство, как будто родился новый, лучший Золя. В этом своем процессе он, как в скипидаре, очистился от наносных сальных пятен и теперь засиял перед французами в своем настоящем блеске (*приняв участие в защите Дрейфуса — Т. А.*). Это чистота и нравственная высота, каких не подозревали...

Да, Золя не Вольтер, и все мы не Вольтеры, но бывают в жизни такие стечения обстоятельств, когда упрек в том, что мы не Вольтеры, уместен менее всего. Вспомните Короленко, который защищал мултановских язычников и спас их от каторги. Доктор Гааз тоже не Вольтер, и все-таки его чудесная жизнь протекла и кончилась совершенно благополучно.

Я знаком с делом [Дрейфуса] по стенограф[ическому] отчету, это совсем не то, что в газетах, и Золя для меня ясен. Главное, он искренен, т.е он строит свои суждения только на том, что видит, а не на призраках, как другие. И искренние люди могут ошибаться, это бесспорно, но такие ошибки приносят меньше зла,

A photograph of a handwritten note on aged, yellowish paper. The text is written in cursive and reads: "Я почему-то не люблю, что он [Чехов] строил школы".

Запись Виктора Конецкого на форзаце 12 тома «Собрания сочинений» А. П. Чехова: «Я почему-то не люблю, что он [Чехов] строил школы»

чем рассудительная неискренность, предубеждения или политические соображения. Пусть Дрейфус виноват, — и Золя все-таки прав, так как дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виновных, раз они уже осуждены и несут наказание. Скажут: а политика? Интересы государства? Но большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее. Обвинителей, прокуроров, жандармов и без них много, и во всяком случае роль Павла им больше к лицу, чем Савла. И какой бы ни был приговор, Золя все-таки будет испытывать живую радость после суда, старость его будет хорошая старость, и умрет он с покойной или по крайней мере облегченной совестью... Как ни нервничает Золя, все-таки он представляет на суде французский здравый смысл, и французы за это любят его и гордятся им, хотя и аплодируют генералам, которые, в простоте души, ругают их то честью армии, то войной».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 6 февраля 1898 года, Ницца, СС т. 12

«Да, Вы правы, бабы с пьесами размножаются не по дням, а по часам, и, я думаю, только одно есть средство для борьбы с этим бедствием: звать всех баб в магазин Мюр и Мерилиза и магазин сжечь».

А. П. Чехов — Т. Л. Щепкиной-Куперник, 1 октября 1898 года, Ялта. СС т. 12

«...Ходим без пальто и все-таки жарко. Крымское побережье красиво, уютно и нравится мне больше, чем Ривьера; только одна беда — культуры нет. В Ялте в культурном отношении пошли даже дальше, чем в Ницце, тут есть прекрасная канализация, но окрестности — это сплошная Азия».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 8 октября 1898 года, Ялта. СС т. 12

«Откуда Вы взяли, что в меня лысина? Что за дерзости? Понимаю: это Вы мстите мне за то, что когда-то в одном из своих писем я дружески, совсем не желая оскорбить Вас, указал Вам на вашу кривобокость, благодаря которой Вы до сих пор еще, к сожалению, не вышли замуж.

М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. / Под ред. С. Д. Балухатого. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. (АН СССР — Ин-т лит.).

На обложке книги штамп «г. Мурманск. ЭПРОН».

ЭПРОН — экспедиция подводных работ особого назначения — организация, созданная для подъема затонувших судов и выполнения аварийно-спасательных и подводно-технических работ в 1923 году, в 1941 году вошла в состав аварийно-спасательной службы ВМФ СССР

Будьте здоровы и счастливы. Не забывайте Вашего старого обожателя».

А. П. Чехов — Л. С. Мизиновой, 24 октября 1898 года, Ялта. СС т. 12

«Здесь адвокат кн[язь] Урусов. Интересно рассказывает. Хочет тоже покупать участок. Скоро в Ялте не останется ни одного клочка, все торопятся покупать. Купить мой участок мне помогла моя литература. Только потому, что я литератор, мне продали дешево и в долг».

А. П. Чехов — М. П. Чехову, 26 октября 1898 года, Ялта. СС т. 12

«...Я каждую весну буду ездить в Париж».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 16 ноября 1898 года, Ялта. СС т. 12

«...В Ялте погода очень хорошая, теплая; в природе полнейшее благоутробие. Пароходы то приходят, то уходят».

А. П. Чехов — Ал. П. Чехову, 28 ноября 1898 года, Ялта. СС т. 12

«Говорить теперь о недостатках? Но это не так легко. Говорить о недостатках таланта — это все равно, что говорить о недостатках большого дерева, которое растет в саду; тут ведь главным образом дело не в самом дереве, а во вкусах того, кто смотрит на дерево. Не так ли?»

А. П. Чехов — М. Горькому, 3 декабря 1898 года. СС т. 12

«...Ты говоришь в своем письме о бесполезности, ненужности писаний, но все же ты веришь в это писание в лучшие минуты жизни, ты не бросаешь их и никогда не бросишь, — и пусть будет по вере твоей, пусть теперь, после юбилея, писания твои будут твоею радостью и принесут тебе ряд утешений...»

А. П. Чехов — К. С. Баранцевичу, 2 января 1899 год, Ялта. СС т. 12

«Вы самоучка? В своих рассказах Вы вполне художник, при том интеллигентный по настоящему... Единственный недостаток — нет сдержанности, нет грации. Когда на какое-нибудь определенное действие человек затрачивает наименьшее количество движений, то это грация. В Ваших же затратах чувствуется излишество.

Описания природы художественны; Вы настоящий пейзажист. Только частое уподобление человеку (антропоморфизм), когда море дышит, небо глядит, степь нежится, природа шепчет, говорит, грустит и т.п. — такие уподобления делают описания несколько однотонными, иногда слащавыми, иногда не ясными; красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т.д. — и эта простота свойственна Вам в сильной степени, как редко кому из беллетристов».

А. Чехов — М. Горькому, 2 января 1899 года, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«Теперь о бродяжничестве. Это, т.е. бродяжничество, очень хорошая, заманчивая штука, но с годами как-то тяжелеешь, присасываешься к месту. А литературная профессия сама по себе

Будьте здоровы и счастливы.

Ваш А. Чехов

48

М. ГОРЬКИЙ — А. ЧЕХОВУ

[Вторая половина августа 1900 г. Мануйловка, Полтавской губ.]

Сим извещаю вас, дорогой Антон Павлович, что драма М. Горького, доведенная им, в поте лица, до третьего акта, благополучно скончалась. Ее разорвало со скуки и от обилия ремарок. Разорвав ее в мелкие клочечки я вздохнул от удовольствия и в данное время сочиняю из нее повесть.

Говоря серьезно — мне очень неприятна эта неудача. И не столько сама по себе, сколько при мысли о том, с какой рожей я встречу Алексеева и Данченко. Пред вами я — оправдаюсь, т. е. драму все-таки напишу. Непременно! Это, знаете, очень любопытно как дисциплина, очень учит дорожить словами. Хочется сказать „он с усмешкой посмотрел на шкаф“; — а нельзя. Сначала я чувствовал себя так, как будто кто-то неотступно торчит за моей спиной и готов крикнуть — „не смей!“ Думаю, что это письмо не застанет вас в Ялте. Но надеюсь, что его перешлют вам. Через несколько дней я уезжаю отсюда в Нижний и Суду в Москве. Если вы там, я вас найду. Но если

61

Запись Виктора Конецкого: «Парнюги!! Эх! Кабы лапти вам, парни, можно пожать!» — у текста письма Максима Горького А. П. Чехову: «Сим извещаю вас, дорогой Антон Павлович, что драма М. Горького, доведенная им, в поте лица, до третьего акта, благополучно скончалась. Ее разорвало от скуки и от обилия ремарок. Разорвав ее в мелкие клочечки я вздохнул от удовольствия и в данное время сочиняю из нее повесть». (М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания. / Под ред. С. Д. Балухатого. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. (АН СССР — Ин-т лит.)

засасывает. За неудачами и разочарованиями быстро проходит время, не видишь настоящей жизни, и прошлое, когда я был так свободен, кажется уже не моим, а чьим-то чужим».

А. П. Чехов — А. М. Пешкову (М. Горькому), 3 января 1899 года,
Ялта. СС т. 12

«Дорогой Василий Михайлович, большое Вам спасибо за письмо. Что о Париже и о французах вообще нельзя судить по газетам — в этом я убедился прошлой весной, когда был в Париже.

Это лучший курорт в свете, и нигде русские не чувствуют себя так здорово, как в Париже».

А. П. Чехов — В. М. Соболевскому, 6 января 1899 года, Ялта. СС т. 12

«...Я сам против общины. Община имеет смысл, когда приходится иметь дело с внешними неприятелями, делающими частые набеги, и с дикими зверями, теперь же — это толпа, искусственно связанная, как толпа арестантов. Говорят, Россия сельскохозяйственная страна. Это так, но община тут ни при чем, по крайней мере в настоящее время. Община живет земледелием, но раз земледелие начинает переходить в сельскохозяйственную культуру, то община уже трещит по всем швам, так как община и культура — понятия несовместимые. Кстати сказать, наше всенародное пьянство и глубокое невежество — это общинные грехи».

А. П. Чехов — А. С. Суворину, 17 января 1899 года, Ялта. СС т. 12

«Пришлите и Вы мне свой портрет. Ваши строки насчет паровоза, рельсов и носа, въехавшего в землю, очень милы, но несправедливы. Врываются в землю носами не оттого, что пишут; наоборот, пишут оттого, что врезаются носами и что идти дальше некуда».

А. П. Чехов — А. М. Пешкову (М. Горькому), 18 января 1899 года, Ялта. СС т. 12

«Третьего дня я был у Л. Н. Толстого; он очень хвалил Вас, сказал, что Вы «замечательный писатель». Ему нравится Ваша «Ярмарка» и «В степи» и не нравится «Мальва». Он сказал: «Можно выдумывать все, что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у Горького попадают именно психологические выдумки, он описывает то, чего не чувствовал». Вот Вам...»

А. Чехов — М. Горькому, 25 апреля 1899 года, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«Зачем Вы все хандрите, драгоценный Алексей Максимович? Зачем Вы браните неистово своего Фому Гордеева? Тут, мне кажется, кроме всего прочаго, с Вашего позволения, две причины. Вы начали с успеха, начали шумно и теперь все, что представляется Вам обыденным и заурядным, не удовлетворяет и томит Вас.

Это раз. Во вторых, литератору нельзя безнаказанно проживать в провинции. Что бы Вы там ни говорили, Вы вкусили от литературы, Вы отравлены уже безнадежно, Вы литератор, литератором и останетесь. Естественное же состояние литератора — это всегда держаться близко к литературным сферам, жить среди пишущих, дышать литературой...»

А. Чехов — М. Горькому, 22 июня 1899 года, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

(Здесь на полях запись Виктора Конецкого: «к чтению Пау[стовского]»)

«...Здесь, в благословенной Ялте без писем можно было бы околеть. Праздность, дурацкая зима с постоянной температурой выше ноля, совершенное отсутствие интересных женщин, свиные рыла на набережной — все это может изгадить и износить человека в самое короткое время. Я устал, мне кажется, что зима тянется уже десять лет».

А. Чехов — М. Горькому, 3 февраля 1900 года, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

(Здесь на полях рукой Виктора Конецкого: «!»)

«Скоро у вас весна настоящая русская, а у нас уже крымская весна в самом разгаре; здешняя весна, как красивая татарка — любоваться ею можно, и все можно, но любить нельзя».

А. Чехов — М. Горькому, 18 марта 1901 года, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«Мысль» Л. Андреева — это вечное претенциозное, неудобопонятное и, повидимому, ненужное, но талантливо исполненное. В Андрееве нет простоты, и талант его напоминает пение искусственного соловья. А вот Скиталец воробей, но за то живой, настоящий воробей».

А. Чехов — М. Горькому, 29 июля 1902 года, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«В своем письме Вы упоминаете о Горьком, вот кстати: как нравится Вам Горький? Мне не все нравится, что он пишет, но есть вещи, которые очень, очень нравятся, и для меня не подлежит

сомнению, что Горький сделан из того теста, из которого делаются художники. Он настоящий. Человек он хороший, умный, думающий, и вдумчивый, но на нем и в нем много не нужного груза, напр., его провинциализм».

«А. Чехов — Ф. Д. Батюшкову, 24 января, 1900 год, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«...Места в «Фоме [Гордееве]» [Горького] есть чудесные. Из Горького выйдет большущий писателище, если только он не утомится, не охладет, не обленится».

«А. Чехов — В. А. Поссе, 20 февраля, 1900 год, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«...И напрасно Горький с таким серьезным лицом творит (не пишет, а именно творит), надо бы полегче, немножко бы свысока».

«А. Чехов — В. А. Поссе, 3 марта, 1901 год, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«...А [лексей] М [аксимович] не изменился, все такой же порядочный и интеллигентный, и добрый. Одно только в нем, или вернее, на нем не складно — это его рубаха. Не могу к ней привыкнуть, как к камергерскому мундиру».

«А. Чехов — О. Л. Книппер-Чеховой, 17 ноября, 1901 год, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«...Писатель должен много писать, но не должен спешить».

«А. Чехов — О. Л. Книппер-Чеховой, 20 января, 1902 год, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«Горький моложе нас с тобой, у него своя жизнь. Что же касается нижегородского театра, то это только частность; Горький попробует, понюхает и бросит. Кстати сказать, и народные театры, и народная культура — все это глупость, все это народная карамель. Надо не Гоголя опускать до народа, а народ подымать к Гоголю».

«А. Чехов — В. И. Немировичу-Данченко, 2 ноября, 1903 год, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

(Здесь на полях запись Виктора Конецкого: «(о частушках — статья о вкусе)»).

*А. П. Чехов с любимыми собаками — Бромом и Хиной.
Фотография с книжного стеллажа Виктора Конецкого*

«Ни одной прилично одетой немки, безвкусица, наводящая уныние».

*А. П. Чехов — М. П. Чеховой, 23 июня 1904 года,
Баденвейлер. СС т. 12*

О ЧЕХОВЕ

Подчеркнуто Конецким

«...Не подделываем ли мы слово — серебро, влагая в него искусственно подогретые чувства? Вот, например, искренность — она почти всегда фальшивая у нас. И всякий знает, сколько он лжет даже тогда, когда говорит о правде, о необходимости любви к ближнему, уважения к человеку...

*«М. Горький «Литературные заметки. По поводу рассказа А. П. Чехова
«В овраге», «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка,
статьи и высказывания»*

(Здесь на полях запись Виктора Конецкого: «о себе говорит»).

«В одном из писем к старику А. С. Суворину Чехов сказал: «Нет ничего скучнее и непоэтичнее, так сказать, как прозаическая борьба за существование, отнимающая радость жизни и вгоняющая в апатию».

Этими словами выражено очень русское настроение, вообще, на мой взгляд, не свойственное А[нтону] П[авловичу]. В России, где всего много, но нет у людей любви к труду, так мыслит большинство. Русский любит энергию, но — плохо верит в нее. Писатель активного настроения — например, Джек Лондон — невозможен в России. Хотя книги Лондона читаются у нас охотно, но я не вижу, чтоб они побуждали волю русского человека к деятельности, они только раздражают воображение...

Рассказывая, Чехов досмеялся до слез и отирая слезы продолжал:

— Я говорю: Горький добрый. А он, нет, я знаю. У него утиный нос, такие носы бывают только у несчастных и злых. И женщины не любят его, а у женщин, как у собак, есть чутье к хорошему человеку. Вот Сулер (*Сулержицкий* — Т. А.) — он обладает действительно драгоценной способностью бескорыстной любви к людям. В этом он — гениален. Уметь любить значит — всё уметь...

Как-то при мне Толстой восхищался рассказом Чехова, кажется — «*Душенькой*» («*Душечка*» — Т. А.). Он говорил:

— Это — как бы кружево, сплетенное целомудренной девушкой; были в старину такие девушки кружевницы, «вековуши», они всю жизнь свою, все мечты о счастье влагали в узор. Мечтали узорами о самом милом, всю неясную, чистую любовь свою вплетали в кружево. — Толстой говорил очень волнуясь, со слезами на глазах. А у Чехова в этот день была повышенная температура, он сидел с красными пятнами на щеках и, наклоня голову, тщательно протирал пенснэ. Долго молчал, наконец, вздохнул, сказал тихо и смущенно:

— Там — опечатки...»

«М. Горький об А. Чехове», 1905 г. — 1923 г. «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«Учитесь у Чехова, вот писатель, у которого нет лишних слов».

«Высказывания М. Горького об А. Чехове», 1900–1901 гг. «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«Займитесь серьезно русским языком, читайте Лескова, Тургенева, Чехова, Короленко, старайтесь понять КАК они писали, чем отличаются друг от друга в языке и в построении фразы».

*«Высказывания М. Горького об А. Чехове», Ф. Сотникову, 1908 год,
«М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»*

«В Гаспре, в 1901 году, Л. Н. [Толстой] говорил Чехову:

«Тургенев сделал великое дело тем, что написал удивительные портреты женщин. Может быть, таких, как он писал, и не было, но когда он написал их, они появились. Это — верно; я сам наблюдал потом тургеневских женщин в жизни.

...А Тургенев был хороший писатель, у него просто честный язык, настоящий русский. Вот вы тоже знаете, что надобно писать честным русским языком, без загогулин и капризов...».

«Высказывания М. Горького об А. Чехове», М. Горький «Издалека», 1912 год, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«Дама, изящная как статуэтка на подзеркальнике, спрашивает Ляхова:

— Вы читали «Скучную историю»?

Я смотрю на нее с досадой и думаю:

— У вас, сударыня, слова рождают мысли, а не мысли слова...»

«Высказывания М. Горького об А. Чехове», 1889 год, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

(Здесь запись Виктора Конецкого: «страшновато»).

«Я очень внимательно присматривался к Толстому, потому что искал, до сих пор ищу и по смерть буду искать человека живой, действительной веры. И еще потому, что однажды А. П. Чехов, говоря о некультурности нашей, пожаловался:

— Вот за Гете каждое слово записывалось, а мысли Толстого теряются в воздухе. Это, батенька, нестерпимо по-русски. После схватятся за ум, начнут писать воспоминания и — наврут.

...А. П. Чехов сказал мне, уходя от него: «Не верю я, что он не был счастливым».

— Я — старик и, может, теперешнюю литературу уже не могу понять, но мне все кажется, что она — не русская. Стали писать какие-то особенные стихи, — я не знаю, почему эти стихи и для кого.

Надо учиться стихам у Пушкина, Тютчева, Шеншина (Фет — Т. А.). Вот вы, — он [Толстой] обратился к Чехову, — вы русский! Да, очень, очень русский.

И, ласково улыбаясь, обнял А[антона] П[авловича] за плечо, а тот сконфузился и начал баском говорить о своей даче, о татарах.

Чехова он любил и всегда, глядя на него, точно гладил лицо А[нтона] П[авловича] взглядом своим, почти нежным в эту минуту...»

«Высказывания М. Горького об А. Чехове», 1919 год, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

«В свое время критика мимоходом отметила странный факт: если русский писатель хотел изобразить человека сильной воли, он брал или болгарина, как Тургенев в «Накануне», или немца, как Гончаров в романе «Обломов», как Чехов в повести «Дуэль». Потребность в человеке волевым чувствовалась, но сам русский литератор был, очевидно, человеком, в котором волевое начало не очень сильно развито, и возможно даже, что оно не прельщало его, потому что пугало, а пугало потому, что волю он видел воплощенной в самодержавии и видел ее реакционность, ее глупость и бездарность».

«Высказывания М. Горького об А. Чехове», 1932 год, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

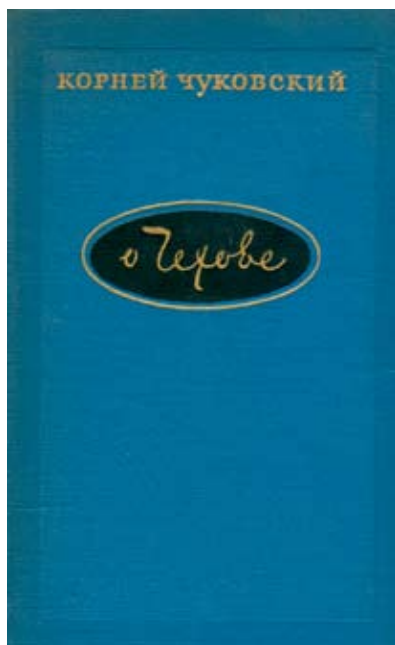
«Я не представляю, чему мог бы научиться у Островского современный молодой драматург. Другой наш крупнейший деятель театра А. П. Чехов создал — на мой взгляд — совершенно оригинальный тип пьесы — лирическую комедию. Когда его изящные пьесы играют как драмы, они от этого тяжелеют и портятся. Герои его пьес — интеллигенты их тех, которые всю жизнь свою старались понять: почему так неудобно сидеть в одно и то же время на двух стульях? Меньше всего сейчас нам необходима лирика».

«Высказывания М. Горького об А. Чехове», 1933 год, «М. Горький и А. П. Чехов. Переписка, статьи и высказывания»

(Здесь запись Виктора Конецкого: «Это 33 год. Теперь обратное, лирика — школа красоты и вкуса. К статье»).

Чуковский К. Чехов. М.:
Гос. изд-во дет. лит., 1958

Чуковский К. О Чехове. М.:
Худ. лит., 1967

«Учился Чехов неважно, и из 23 учеников выпускного класса занимал одиннадцатое место. За сочинения по русскому языку дальше тройки не шел, но всегда отличался в латыни и в законе божьем, получая за них пятерки...»

Из воспоминаний М.Д. Кукушкина, 1916 год, «А.П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам»

«...Но вот, наконец, Антон Павлович приехал к нам снова. В своем кабинете, на горке книг он установил человеческий череп, наводивший страх и трепет на всех обитателей дома. Чехов не любил, чтобы ходили к нему в комнату, и череп в достаточной мере обеспечивал его от посетителей... Его труды — рукописи, заметки, письма и т.п. — хранились в маленьком чемоданчике, стоявшем в его комнате. Мы видели, что нередко Антон Павлович уединялся или в отдаленном уголку сада, или в своей комнате, — и мы догадывались, что он пишет. Наша матушка как то пригрозила:

Шубин Б. М. Доктор А. П. Чехов. М.: Знание, 1977

— Я тебе, Антоша, твой чемоданчик с бумагами сожгу. Будешь знать, как над людьми смеяться...

Прошло немного времени и чемоданчик, действительно, исчез. Антон Павлович опечалился; видно было, что в чемоданчике хранилось нечто действительно для него ценное... В похищении участвовала, служившая у нас в доме, деревенская девушка Ольга. Антон Павлович составил целый план воздействия на нее. Ночью он стал пугать ее черепом, пригрозил, что сделает с нею то же, что сделано с черепом, и т.д. Ольга не выдержала всех этих ужасов, разрыдалась и указала, где находится чемоданчик. Мы немедленно отправились в старый, полуразрушенный шалаш в саду и, действительно, нашли там похищенное...

*Из беседы с В. Зембулатовым «А. П. Чехов в юности», 1904 год,
«А. П. Чехов. Литературный быт и творчество
по мемуарным материалам»*

«Был еще у Антона Павловича драматический этюд в одном действии, написанный им в 1884 г., под названием «На большой дороге». Этюд этот был запрещен драматической цензурой потому, что в нем был выведен пропившийся помещик. Я помню, как в вернушемся из Петербурга цензуrowанном экземпляре этой пьесы всюду было многозначительно подчеркнуто синим карандашом слово «барин», очевидно слово это тогда считалось священным, и пропившийся барин не мог быть выводимым на сцене в кабаке...»

*М. П. Чехов «Антон Чехов, театр, актеры и «Татьяна Репина»,
1924 год,
«А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным
материалам»*

«...Но ярче всего эта могучая воля сказывается в писательстве Чехова. Великолепная самостоятельность всех его вкусов и мнений, его дерзкое презрение к тогдашним интеллигентским — уже окостенелым — идеалам и лозунгам, которое так отпугивало от него кружковую либеральную критику, деспотически требовавшую, чтобы он подчинял свое вольное творчество ее сектантским канонам, — какой нужен был для этого сильный характер!

Какая в самом деле нужна была сила духа, чтобы среди нетерпимых, узколобых людей, воображающих себя либералами, развернуть свое знамя, на котором написано крупными буквами:

«Мое святое святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновенье, любовь и абсолютнейшая свобода — свобода от силы и лжи... Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я ненавижу ложь, насилие во всех их видах...»

Чуковский К. «Чехов»

«Сам он [Чехов] мечтал о новой пьесе, совершенно нового для него направления. Действительно, сюжет задуманной им пьесы был, как будто бы, не чеховский... Два друга, оба молодые, любят одну и ту же женщину. Общая любовь и ревность создают сложные взаимоотношения. Кончается тем, что оба они уезжают в экспедицию на Северный полюс. Декорации последнего действия изображает громадный корабль, запертый в льдах. В финале пьесы оба приятеля видят белый призрак, скользящий по снегу.

Очевидно это тень или душа скончавшейся далеко на родине любимой женщины.

Вот все, что можно было узнать от Антона Павловича о новой задуманной пьесе...»

К. С. Станиславский «Моя жизнь в искусстве», «А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам»

«Даже за четыре месяца до смерти прикованный к постели писатель не переставал напоминать, что он был и остается врачом:

«...Как я тебе уже говорил, я врач, я друг Женских медицинских курсов. Когда был объявлен «Вишневый сад», то курсистки обратились ко мне с просьбой, как к врачу, — устроить для их вспомогательного общества один спектакль: бедность у них страшная, масса уволенных за невзнос платы и проч. и проч.», — пишет он О. Л. Книппер-Чеховой».

Шубин Б. М. «Доктор А. П. Чехов»

«В последний год жизни у Антона Павловича была мысль написать пьесу. Она была еще неясна, но он говорил мне, что герой пьесы, ученый — любит женщину, которая или не любит его, или изменяет ему, и этот вот ученый уезжает на дальний север. Третий акт ему представлялся именно так: стоит пароход, затертый льдами, северное сияние, ученый одиноко стоит на палубе, тишина, покой и величие ночи, и вот на фоне северного сияния он видит — проносится тень любимой женщины...»

«О. Книппер-Чехова «Артисты МХТ за рубежом», «А. П. Чехов. Литературный быт и творчество по мемуарным материалам» (Здесь запись Виктора Конецкого: «О. Книппер»).

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ПИСАТЕЛЯХ И ЛИТЕРАТУРНОМ ТРУДЕ

Подчеркнуто Конецким

«Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклиная грозных властителей и передавали друг другу свои сетования. Таковой же пример видели мы

Эти книги Виктор Конецкий называл «учебниками» своей литературной юности:

*Русские писатели о литературном труде. Т. 1–3. Л.: Сов. пис., 1954–1955.
Русские писатели о языке: Хрестоматия. / Под общ. ред. А. М. Докусова.
Л.: Просвещение, 1954*

...разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности.

1836. «Об обязанностях человека». Сочинения Сильвио Пеллико. Соч., т. XII, стр. 100.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и соразмерности.

1827. Отрывки из писем, мысли и замечания. Соч., т. XI, стр. 52.

Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы.

1828. Письмо к издателю «Московского Вестника». Соч., т. XI, стр. 66.

Кстати о грамматике. Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*; *татаре*, а не *татары*. Почему? потому что все им<ена> сущ<ествительные>, кончающиеся на *анин, янин, арин* и *ярин*, имеют свой род<ительный> во множ<ественном> на *ан, ян, ар* и *яр*, а им<енительный> множ<ественного> на *ане, яне, аре* и *яре*. Все же сущ<ествительные>, конч<ающиеся> на *ан* и *ян, ар* и *яр*, имеют во множ<ественном> им<енительный> <на> *аны, яны, ары* и *яры*, а род<ительный> на *анов, янов, аров, яров*. Единственное исключение: имена собственные. <...>

Иностранные собств<енные> им<ена>, кончающиеся на *e, и, o, y*, не склоняются. Кончающиеся на *a, ъ* и *ь* склоняются в мужском роде, а в женск<ом> нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гетем и проч.

Как надобно писать: *турков* или *турок*? то и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны.

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо):

1. останавливал взор на *отдаленные громады*
2. на *теме* гор (темена)
3. *воил* вместо *выл*
4. *был отказан* вместо *ему отказали*
5. *игумену* вместо *игумну*

в новейшей Греции. Какое действие имеет на поработанный народ сохранение его языка? Рассмотрение сего вопроса завлекло бы нас слишком далеко. Как бы то ни было, едва ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенною собственностью несчастного нашего отечества».

*А. С. Пушкин «Вопросы истории русского языка»,
«Русские писатели о языке»*

«Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

*А. С. Пушкин «Вопросы истории русского языка»,
«Русские писатели о языке»*

(Здесь запись Виктора Конецкого: «Надо вырабатывать это в общении с мастером»).

«...Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка».

*А. С. Пушкин «Язык и литература»,
«Русские писатели о языке»*

«Избегайте ученых терминов; и старайтесь их переводить, т.е. перефразировать, это будут и приятно неучам и полезно нашему младенчеству языку».

А. С. Пушкин «Язык и литература», «Русские писатели о языке»
(Здесь запись Виктора Конецкого: «Для любой спец[иальной] терминологии»).

«Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и фр[анцузской] утонченности. Грубость и простота более ему пристали».

А. С. Пушкин «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

«Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслию — такова смелость Шекспира, Dante, Milton, а Гете в «Фаусте», Мольера в «Тартюфе».

А. С. Пушкин «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

Мережковский Д. С. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. Гоголь. Творчество, жизнь и религия. Петроград: Книгоизд-е Тов-во «Просвещение», 1911

(Здесь запись Виктора Конецкого: «Тематико-образная смелость?»).

«В «В[естнике] Е[вропы] с негодованием говорили о сравнении Нулина с котом, цапцарапствующим кошку (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствует). Правда во всем графе Нулине этого сравнения не находится, так же как и глагола цапцарапствую; но хоть бы и было, что за беда?

Слова *усы, визжать, вставай, рассветает, ого, пора* казались критикам *низкими, бурлацкими*; (низкими словами я, как В[ильгельм] К[юхельбекер] почитаю те, которые подлым образом выражают какие-нибудь понятия; например, нализаться вместо напиться пьяным и т.п.), но никогда не пожертвую искренностию и точностию выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и т.п.»

А. С. Пушкин «Язык и литература», «Русские писатели о языке»
(Здесь запись Виктора Конецкого: «Хочу цапцарапствовать!! — до чего хорошо!»).

«...Что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами? Эти люди никогда не скажут *дружба* — не прибавляя: сие священное чувство, коего благородный пламень и пр. Должно бы сказать: рано поутру — а они пишут: Едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба — ах как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только, что длиннее...

Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат.

А. С. Пушкин *«Язык и литература»*, *«Русские писатели о языке»*

«Как ландыш под серпом убийственным жнеца». — Не под серпом, а под косяю: ландыш растет в лугах и рощах — не на пашнях засеянных».

А. С. Пушкин *«Язык и литература»*, *«Русские писатели о языке»*
(Здесь запись Виктора Конецкого: «Точность!»).

(В библиотеке Виктора Конецкого много книг о флоре и фауне России, русского Севера — он считал, что писатель должен знать, чувствовать, уметь передавать на бумаге запахи, цвет, оттенки живой природы, а если не знает или не имеет возможности увидеть и почувствовать «в живую» — «смотри в справочнике» — Т. А.)

«И вот один единственный человек в русской литературе, до конца не смирившийся — Лермонтов.

Потому ли, что не успел смириться? — Едва ли.

Источник Лермонтовского бунта — не эмпирический, а метафизический. Если бы продолжить этот бунт в бесконечность, он, может быть, привел бы к иному, более глубокому, истинному смирению, но, во всяком случае, не к тому, которого требовал Достоевский, и которое смешивает свободу сынов Божиих с человеческим рабством. Ведь уже из того, как Лермонтов начал свой бунт, видно, что есть в нем какая-то религиозная святыня, от которой не отречется бунтующий, даже под угрозой вечной гибели, той «преисподней, где пляшут красные черти».

«Лермонтов», Мережковский Д. С.
«Лермонтов. Поэт сверхчеловечества»

«Судьба Кая — судьба Гоголя: кажется, и ему попал в глаз и в сердце осколок проклятого зеркала. И его бесконечная возня со своими добродетельными правилами, тоже своего рода «правильными остроконечными льдинами», безнадежное «устройство души своей» — что-то в роде «китайской головоломки». И он, сидя на обледенелых развалинах его же собственным смехом разрушенного мира, складывает и не может сложить из плоских льдин то, что ему особенно хотелось бы, — слова *Вечность*, *Вечная Любовь*. И когда он утешает себя: «в глубинах холодного смеха могут отыскаться искры *вечной любви*», — то все-таки чувствует, что искры эти не растопят его собственного сердца, которое превратилось в «кусок льда»...»

«Гоголь», Мережковский Д. С. «Гоголь. Творчество, жизнь и религия»

«В Пушкине была донине вся Россия; но «нельзя повторять Пушкина», «другие дела начались для поэзии», вот главная мысль Гоголя-критика. Тут увидел он дальше Достоевского, который все-таки желал повторить Пушкина и не видел за ним нечего».

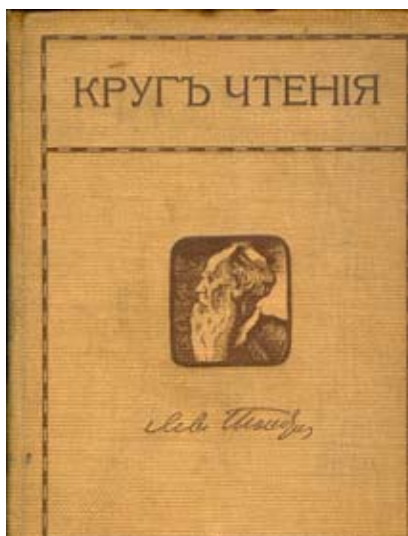
«Гоголь», Мережковский Д. С. «Гоголь. Творчество, жизнь и религия» (Здесь запись Виктора Конецкого: «Неправда»).

...Он [Гоголь] первым заговорил о Боге не отвлеченно, не созерцательно, не догматически, а жизненно, действительно — так, как еще никто никогда не говорил в русском светском обществе...

В духовном завещании обращается к «друзьям своим», то есть ко всем русским людям: «будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом». Это последние слова Гоголя, обращенные к нам: в них весь смысл его жизни, и он имел право их сказать, потому что заплатил за это право жизнью.

Он почувствовал до смертной боли и смертного ужаса, что христианство для современного человечества все еще остается чем-то сказанным, но не сделанным, обещанным, но не исполненным. «Церковь, — говорит он, — созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь». (*Здесь на полях пометка Виктора Конецкого: «!»*) — «Христиане!...Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, на место того, чтобы призвать его в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане».

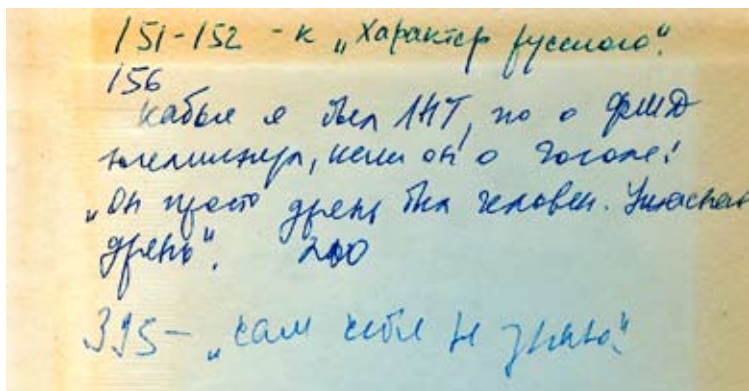
Христианство не входит в жизнь, и жизнь не входит в христианство: они разошлись и с каждым днем все более расходятся.

Толстой Л. Н. Собрание сочинений.
М.: Изд-е В. М. Сытина, 1911.
(Круг чтения)

Полное собрание сочинений Льва
Николаевича Толстого. / Под ред.
и с прим. П. И. Бирюкова. СПб:
Изд-е Т-ва И. Д. Сытина, 1913

Пометки Виктора Конецкого на форзаце книги Толстой Л. Н.
Собрание сочинений. Т.19. Дневники. 1847-1894 гг. М.: Худ. лит., 1965:
«151-152 — к «характер русского». 156 Кабы я был Л[ев] Н[иколаевич]
Т[олстой], то о Ф[едоре] М[ихайловиче] Д[остоевском] воскликнул, еже-
ли он о Гоголе: «Он просто дрянь был человек. Ужасная дрянь». 200 395 —
«сам себя не знаю».

Христианство оказалось величайшим отрицанием жизни, жизнь — величайшим отрицанием христианства. Христианство сделалось безжизненным, бесплотным, бездейственным, а жизнь, плоть, действие — не-христианскими. Всё современное европейское человечество раздирается этим противоречием».

«Гоголь», Мерезковский Д. С. «Гоголь. Творчество, жизнь и религия»

«В чем же собственно главная мысль о.Матфея, его исходная точка?

Это — главная мысль всего уединяющего, монашеского, «черного» христианства. Мысль самого Гоголя: «жить в Боге значит жить вне самого тела»; святость значит безтелесность; плоть значит грех; дух противопоставляется плоти, как она абсолютная сущность другой, столь же абсолютной, как начало божеское началу бесовскому, как вечное добро вечному злу — в неразрешимом противоречии. Отсюда вывод: «не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; ибо все, что в мире — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская. Не есть от Отца, но от мира сего. — Весь мир лежит во зле».

«Гоголь», Мерезковский «Д. С. Гоголь. Творчество, жизнь и религия» (Здесь запись Виктора Конецкого: «То, что может спасти»).

«...Назначение мое, сколько мог я понять из 10-летнего опыта, не есть практическая деятельность; поэтому хозяйство более всего несообразно с моим направлением. Нынче мне пришла мысль отдать свое имение в аренду зятю. Я этим способом достигну трех целей, развяжусь с заботами хозяйства и привычками молодости, ограничу себя и развяжусь с долгами. Написал нынче около листа «Юности».

...Правду говорит Тургенев, что нашему брату литераторам надо одним чем-нибудь заниматься, а в этой должности я буду более в состоянии заниматься литературой, чем в какой-либо. Подавлю тщеславие — желание чинов, крестов, это самое глупое тщеславие, особенно для человека, уже открывшего свою карьеру...»

Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т. 19. Дневники. 1847–1894 гг.

«Начинаю сильно лениться. Теперь только настало для меня время истинных искушений тщеславия. Я много бы мог выиграть в жизни, ежели бы захотел писать не по убеждению».

Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т. 19. Дневники. 1847–1894 гг.

«...Думал о том, что я вожусь с своим писаньем «Крейцеровой сонаты» из-за тщеславия; не хочется перед публикой явиться не вполне отделанным, нескладным, даже плохим. И это скверно. Если что есть полезного, нужного людям, люди возьмут это из плохого. В совершенстве отделанная повесть не сделает доводы мои убедительнее. Надо быть юрдивым и в писании».

Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т. 19. Дневники. 1847–1894 гг.

«...Биограф знает писателя и описывает его! Да я сам не знаю себя, понятия не имею. Во всю длинную жизнь свою только изредка, изредка кое-что из меня виднелось мне...».

Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т. 19. Дневники. 1847–1894 гг.

«...Вы, писатели, всегда должны галлюцинировать, т.е. научиться видеть, то, что вы описываете. Чем отчетливее вы будете видеть создания вашей фантазии, тем точнее и вернее будет язык вашего произведения. Это путь к созданию алмазного языка. Это язык фольклора нашего народа, это язык зрячих, видящих и полнокровно чувствующих».

Л. Н. Толстой «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

«Нужна скупость выражения, скупость слов, отсутствие эпитетов... Эпитет надо употреблять с большим страхом, только тогда, когда он нужен, когда без него нельзя обойтись, когда он дает какую-то интенсивность слову, когда вернее, слово настолько заезжено, или настолько обще, что нужно подчеркнуть его эпитетом».

Л. Н. Толстой «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

«Давно ли Вы перечитывали прозу Пушкина? Сделайте мне дружбу — прочтите с начала все повести Белкина. Их надо изучать и изучать каждому писателю. Я на днях это сделал и не могу Вам передать того благодетельного влияния, которое имело на меня это чтение».

Изучение это чем важно? Область поэзии бесконечна, как жизнь; но все предметы поэзии предвечно распределены по известной иерархии, в смещение низших с высшими, или принятие низшего за высший есть один из главных камней преткновения. У великих поэтов, у Пушкина, эта гармоническая правильность распределения предметов доведена до совершенства. Я знаю, что анализировать этого нельзя, но это чувствуется и усваивается. Чтение даровитых, но негармонических писателей (то же музыка, живопись) раздражает и как будто поощряет к работе и расширяет область; но это ошибочно; а чтение Гомера, Пушкина сжимает область и если возбуждает к работе, то ошибочно».

*Л. Н. Толстой «Русские писатели»,
«Русские писатели о литературном труде». Т. 3*

«...Я, наконец, понял тайну построения художественной фразы: ее форма обусловлена внутренним состоянием рассказчика, повествователя, за которым следует движение, жест и, наконец, глагол, речь, где выбор слов и расстановка их адекватны жесту».

*Л. Н. Толстой «Язык и литература», «Русские писатели о языке»
(Здесь Виктором Конецким подчеркнуто слово «адекватны», далее запись: «Почему не «подобны»?»).*

«Прочел я «Накануне». Вот мое мнение: писать повести вообще напрасно, а еще более таким людям, которым грустно и которые не знают хорошенько, чего они хотят от жизни... Вообще меня всегда удивляет в Тургеневе, как он с своим умом и поэтическим чутьем не умеет удержаться от банальности, даже от приемов. — Больше всего этой банальности в отрицательных приемах, напоминающих Гоголя. Нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет. Это как-то больно жюрирует с тоном и смыслом либерализма всего остального. Это хорошо было при царе Горохе и при Гоголе (да и еще надо сказать, что, ежели не жалеть своих самых ничтожных лиц, надо их уж ругать так, чтобы небу жарко было, или смеяться над ними так, чтобы животики подвело), а не так, как одержимый хандрою и диспепсией Тургенев. Вообще же сказать, никому не написать теперь такой повести, несмотря на то, что она успеха иметь не будет».

Л. Н. Толстой «Реализм, жизненная правдивость, идейность искусства и литературы», «Русские писатели о литературном труде». Т. 3

«Довольно» [Тургенева] мне не понравилось. Личное — субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тут субъективность, полная безжизненности страдания».

Л. Н. Толстой «Реализм, жизненная правдивость, идейность искусства и литературы», «Русские писатели о литературном труде». Т. 3

«Как я работаю над языком? Я стараюсь увидеть нужный мне предмет (вещь, человека, животное). Вещь я определяю по признаку, характеризующему ее отличительное бытие среди окружающих вещей (пример: в изящной комнате стоит крашенный стул. Я не стану описывать ни его формы, ни материала — определю только: «крашенный»). В человеке я стараюсь увидеть жест, характеризующий его душевное состояние, и жест подсказывает мне ГЛАГОЛ, чтобы дать движение, вскрывающее психологию. Если одного движения недостаточно для характеристики, — ищу наиболее замечательную особенность (скажем — руку, прядь волос, нос, глаза и тому подобное) и, выделяя на первый план эту часть человека определением (по примеру «крашеного стула»), даю ее опять-таки в движении, т.е. вторым глаголом детализирую и усиливаю впечатление от первого глагола...

Работать над стилем — значит, во-первых, сознательно ощущать это соответствие, затем уточнять определения и глаголы, затем беспощадно выбрасывать все лишнее: ни одного звука «для красоты». Одно прилагательное лучше двух, если можно выбросить наречие и союз — выбрасывайте. Отсеивайте весь мусор, сдирайте всю тусклость с кристаллического ядра. Не бойтесь, что фраза холодна, — она сверкает...

Меняю ли текст при последующих изданиях? Да. Сколько изданий — столько и текстов. Некоторые романы («Чудаки», «Хромой барин») по три раза переписывал заново. Брошу переделывать, когда дело пойдет под гору, но — откуда вижу ошибки, значит, еще расту».

Л. Н. Толстой «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

«Литературным языком допетровской эпохи был церковнославянский. На нем писали духовные писатели и небольшое количество светских. С Петра церковнославянский язык умирает, так как им нельзя было выразить все то новое, что пришло с новой эпохой: ни техники, ни науки, ни экономики и пр. Но откуда было взять новый литературный язык? И вот стали брать немецкие,

голландские, французские слова и обороты речи. Стали переносить на русскую почву сложность придаточных предложений немецкого и французского языков».

Л. Н. Толстой «Язык и литература», «Русские писатели о языке»
(Здесь запись Виктора Конецкого: «Посмотреть бы, есть ли они у голландцев?» и стрелка к словам «придаточных предложений»).

«...А то мы лелеем отражение жизни, а самой жизнью пренебрегаем. А хотим ли мы или не хотим того, она, есть художественное произведение, потому что действует на других людей, созерцается ими».

Л. Н. Толстой «Реализм, жизненная правдивость, идейность искусства и литературы», «Русские писатели о литературном труде». Т. 3

«...Какая гадость чиновничий язык! Исходя из того положения... с одной стороны... с другой стороны — и все это без всякой надобности. «Тем не менее» и «по мере того» чиновники сочинили. Я читаю и отплевываюсь. Особенно паршиво пишет молодежь. Неясно, холодно и неизящно; пишет, сукин сын, точно холодный в гробу лежит».

А. П. Чехов «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

«Рутинность приемов вообще в описаниях: «Этажерка у стены пестрела книгами». Почему не сказать просто: “этажерка с книгами”...»

А. П. Чехов «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

«Я учусь писать «рассуждения» и стараюсь уклоняться от разговорного языка. Прежде чем приступить к роману, надо приучить свою руку свободно передавать мысль в повествовательной форме. Этой дрессировкой я и занимаюсь теперь».

А. П. Чехов «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

«...В небольшом рассказе кажутся шероховатыми не только провинциализмы, но даже редко употребляемые слова, вроде «разнокалиберный»

А. П. Чехов «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

О ВНИМАНИИ К УСТНОЙ РЕЧИ. ОБ ИСКУССТВЕ СЛОВА

Я хочу учиться у Лейского читать и говорить. Мне кажется, что из меня, если бы я не был косноязычен, выработался бы неплохой адвокат. Умею коротко говорить о длинных предметах.

*Из письма к Е. М. Липтваревой 23 ноября 1888 г.
Соч., т. 14, стр. 239.*

В Московском университете с конца прошлого года преподается студентам декламация, т. е. искусство говорить красиво и выразительно. Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению. Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном запустении. В земских и дворянских собраниях, ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим, или же говорим вяло, беззвучно, тускло «уткнув бороды», не зная куда девать руки; нам говорят слово, а мы в ответ — десять, потому что не умеем говорить коротко и не знакомы с той грацией речи, когда при наименьшей затрате сил достигается известный эффект <...>. У нас много присяжных поверенных, прокуроров, профессоров, преподавателей ораторскую жилку, у нас много учреждений, которые называются «говорящими», потому что в них по обязанности службы много и долго говорят, но у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто. В обеих столицах насчитывают всего-навсего настоящих ораторов пять-шесть, а о провинциальных златоустах что-то не слыхать. На кафедрах у нас сидят занки и шептуны, которых можно слушать и понимать только приспособившись к ним, на литературных вечерах дозволяется читать даже очень плохо, так как публика давно уже привыкла к этому и, когда читает свои стихи какой-нибудь поэт, то она не слушает, а только смотрит. Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собирался прочесть длинную речь, но выговорил «будь здоров!», крикнул — и больше ничего не сказал. Нечто подобное рассказывают про почтенного В. В. Стасова, который несколько лет назад в Клубе художников, желая прочесть лекцию, минут пять изображал из себя молчаливую, смущенную статую, стоял на эстраде, помялся, да с тем и ушел, не сказав ни одного слова. А сколько анекдотов можно было бы рассказать про адвокатов, вызывавших своим косноязычием смех даже у подсудимого, про жрецов науки, которые «изводили» своих слушателей и в конце концов возбуждали к науке полнейшее отвращение. Мы люди бесстрастные, скучные; в наших жилах давно уже запеклась кровь от скуки. Мы не гоняемся за наслаждениями и не ищем их, и нас поэтому несколько не тревожит, что мы, равнодушные к ораторскому искусству, лишаем себя

Борискину шушкету новенький?
Ваш брат кофано. (Сондодулин)

«...Вот Вам мой читательский совет: когда изображаете горе-мык и бесталанных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднее — это дает чужому горю как бы фон, на котором оно вырисуется рельефнее. А то у Вас и герои плачут, и Вы вздыхаете».

А. П. Чехов «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

«...Стройте фразу, делайте ее сочной, жирней, а то она у Вас похожа на ту палку, которая просунута сквозь закопченного сига. Надо рассказ писать 5–6 дней и думать о нем все время, пока пишешь, иначе фразы никогда себе не выработаете. Надо, чтобы каждая фраза, прежде чем лечь на бумагу, пролежала в мозгу дня два и обмаслилась. Само собою разумеется, что сам я по лености не придерживаюсь сего правила; но Вам, молодым, рекомендую его тем более охотно, что испытал не раз на себе самом его целебные свойства и знаю, что рукописи всех настоящих мастеров испачканы, перечеркнуты вдоль и поперек, потерты и покрыты латками, в свою очередь перечеркнутыми и изгаженными...»

А. П. Чехов «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

«В Московском университете с конца прошлого года преподается студентам декламация, т.е. искусство говорить красиво и выразительно. Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению. Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне...

...Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собирался прочесть длинную речь, но выговорил «будь здоров», крикнул — и ничего не сказал».

А. П. Чехов «Язык и литература», «Русские писатели о языке»

(Здесь на полях запись Виктора Конецкого: «Больной перед смертью потел?» — «Да.» — «Вот это хорошо!» (ожидавший [смерти больного] врач)).

«Вспомните, что писатели, которых мы называем вечными или просто хорошими и которые пьянят нас, имеют один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и вас зовут туда же, и вы чувствуете не умом, а всем своим существом, что у них есть

какая-то цель, как у тени отца Гамлета, которая недаром приходила и тревожила воображение. У одних, смотря по калибру, цели ближайшиe — крепостное право, освобождение родины, политика, красота или просто водка, как у Дениса Давыдова, у других цели отдаленные — бог, загробная жизнь, счастье человечества и т.п. Лучшие из них реальны и ищут жизнь такою, какая она есть, но оттого, что каждая строчка пропитана, как соком, сознанием цели, вы, кроме жизни, какая есть, чувствуете еще ту жизнь, которая должна быть, и это пленяет вас».

А. П. Чехов «Общие вопросы художественного творчества», «Русские писатели о литературном труде». Т. 3

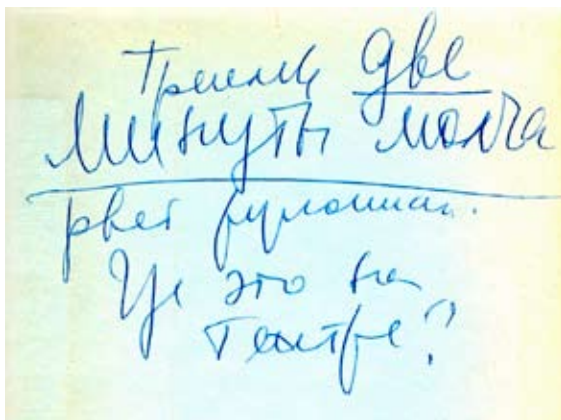
«Мне жаль Салтыкова. Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочной дух, который живет в мелком, измощенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения».

А. П. Чехов «Реализм», «Русские писатели о литературном труде». Т. 3

«В погоне за эффектами наши бедные, родные драматурги уже начинают, кажется, заговариваться до зеленых чертей и белых слонов. Что ж, пора!

Все, что только есть в природе самого страшного, самого горького, самого кислого и самого ослепительного, драматургами уж перебрано и на сцену перенесено. Глубочайшие овраги, лунные ночи, трели соловья, воющие собаки, дохлые лошади, паровозы, водопады... все это давно уже «се sont de пустяки», которые ни-почем даже сызранским и чухломским бутафорам и декораторам, не говоря уж о столичных... Герои и героини бросаются в пропасти, топяся, стреляются, вешаются, заболевают водобоязнью... Умирают они обыкновенно от таких ужасных болезней, каких нет даже в самых полных медицинских учебниках.

Что касается психологии и психопатии, на которых так падки все наши новейшие драматурги, то тут идет дым коромыслом... Тут те же провалы, пропасти, скачки с пятого этажа. Взять к примеру хоть такой фокус: героиня может в одно и то же время плакать,

Запись Виктора Конецкого на форзаце 9 тома «Собрания сочинений»
А. П. Чехова (Пьесы. 1886–1904): «Трешка две минуты молча рвет
ручиси. Где это на театре?»

смеяться, любить, ненавидеть, бояться лягушек и стрелять из шестиствольного револьверища системы Бульдог... и все это в одно и то же время!

Но «мания эффектов» не довольствовалась этим и не застыла на одном месте...»

А. П. Чехов «Драматургия и театр»,
«Русские писатели о литературном труде». Т.3

«...Ради создателя, бросьте и скобки и кавычки! Для вводных предложений есть отличный знак, это двойное тире (– имярек —). Кавычки употребляются двумя сортами писателей: робкими и бес-талантными. Первые пугаются своей смелости и оригинальности, а вторые (Нефедовы, отчасти Боборыкины), заключая какое-нибудь слово в кавычки, хотят этим сказать: гляди, читатель, какое оригинальное, смелое и новое слово я придумал!...»

А. П. Чехов «Воспитание и формирование молодых писателей»,
«Русские писатели о литературном труде». Т. 3

«...Но дело в том, что у товарища Панферова, несмотря на его бесспорную талантливость, отношения с литературным языком вообще неблагоприятны. Он почему-то думает, что над русской

Набоков В. Лекции по русской литературе. Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М.: Независ. газ., 1996

литературой все еще тяготеет словарь Даля, который вообще не тяготел над ней, и он как будто забыл, что литература наша обладает богатым языковым материалом «народников», а также лексиконами таких своеобразных стилистов, как Герцен, Некрасов, Тургенев, Салтыков, Лесков, Г. Успенский, Чехов. С этим прекрасным наследством наши молодые писатели плохо знакомы и как будто не хотят знакомиться, удовлетворяясь такими пошлыми образцами «словотворчества», как, например, «катись колбаской», «дать пять» и т.д.».

*М. Горький «Язык как общественное явление»,
«Русские писатели о языке»*

(Здесь запись Виктора Конецкого: «Истинно, что горбатого могила исправит» (о Панферове — Т. А.)

Панферов Федор Иванович (1898–1960) — русский советский писатель; член КПСС с 1926 года; главный редактор журнала «Октябрь» (1931–1960 гг., с небольшими перерывами); лауреат

Государственной премии (1948 г.), автор романа «Бруски», трилогии «Борьба за мир» и др..

«Никогда не начинайте рассказов «диалогом»-разговором, это прием старинный и неудачный. Нужно, чтобы читатель сначала видел, *где говорят и кто говорит*, то есть беседе, голосам нужно предпослать маленькое описание обстановки, а также дать очерки лиц, фигур беседующих людей. Толстый, рыжеватый, босой говорит с маленьким, суетливым, остроносом и так далее. Место действия — изба; надо показать в ней что-либо характерное, что сразу осталось бы в памяти читателя.

Когда вы ему дадите фигуры и обстановку, дальше он сам, своим воображением, дополнит картину. Этим вы как бы заставите читателя быть одним из действующих лиц в вашем рассказе, участником событий, которые вы изображаете. Надобно именно изображать, показывать, а не только рассказывать».

*М. Горький «Язык как общественное явление»,
«Русские писатели о языке»*

«Начинать рассказ разговорный фразой можно только тогда, когда у литератора есть фраза, способная своей оригинальностью, необычностью тотчас же приковать внимание читателя к рассказу.

Вот пример. Летом этим на волжском пароходе какой-то пассажир третьего класса произнес:

«Я тебе, парень, секрет скажу: человек помирает от страха. Старики, — они, конечно, от разрушения тела мрут...»

Конца фразы я не слышал и человека — не видел; это было ночью, я стоял вверху, на корме, он — внизу.

Начинать рассказы речью такого оригинального смысла и можно и следует, но всегда лучше начать картиной — описание места, времени, фигур, сразу ввести читателя в определенную обстановку».

*М. Горький «Язык как общественное явление»,
«Русские писатели о языке»*

«Я испытываю чувство некоторой неловкости, говоря о Достоевском. В своих лекциях я обычно смотрю на литературу под единственным интересным мне углом, то есть как на явление мирового искусства и проявление личного таланта. С этой точки зрения Достоевский писатель не великий, а довольно посредственный,

со вспышками непревзойденного юмора, которые, увы, чередуются с длинными пустошами литературных банальностей...»

Набоков В. Лекции по русской литературе. «Федор Достоевский»

«...Его вторая повесть «Двойник» (1846) — лучшая и, конечно, значительно более совершенная, чем «Бедные люди», — была принята довольно холодно. Но Достоевский уже успел возомнить о себе невесть что и, наивный, неотесанный, плохо воспитанный, не раз умудрился поставить себя в глупое положение и перессорился со своими новыми друзьями и поклонниками. Тургенев прозвал его прыщом на носу русской литературы».

Набоков В. Лекции по русской литературе. «Федор Достоевский»

«Джозеф Конрад, английский романист польского происхождения, в письме от 10 июня 1902 г. к Эдуарду Гарнетту, писателю средней руки, обмолвился: «Напомни обо мне своей жене, чей перевод «Анны Карениной» мне кажется великолепным. О самой же книге я невысокого мнения, так что перевод придал ей некоторого блеска». Я никогда не прощу Конраду этого вздора. На самом деле перевод Гарнетт очень слабый».

Набоков В. Лекции по русской литературе. «Лев Толстой»

«Это я должен был бы написать «роман» о Пушкине! [— говорил Бунин. —] Разве кто-нибудь другой может так почувствовать? Вот это, наше, мое, родное, вот это, когда Александр Сергеевич, рыжеватый, быстрый, соскакивает с коня, на котором ездил к Смирновым или к Вульффу, входит в сени, где спит на ларе какой-нибудь Сенька и где такая вонь, что вздохнуть трудно, проходит в свою комнату, распахивает окно, за которым золотистая луна среди облаков, и сразу переходит в какое-нибудь испанское настроение... да, сразу для него ночь лимоном и лавром пахнет... Но ведь этим надо жить, родиться в этом!»

Бунин И. А. Бабореко А. «И. А. Бунин. Материалы для биографии. С 1870 по 1917»

(Здесь запись Виктора Конецкого: «Очень плохо»).

«Лев Николаевич [Толстой] спросил, пишет ли он что-нибудь. Бунин ответил:

— Нет, Лев Николаевич, почти не пишу. И все, что прежде писал, кажется теперь таким, что лучше и не вспоминать.

Он оживился:

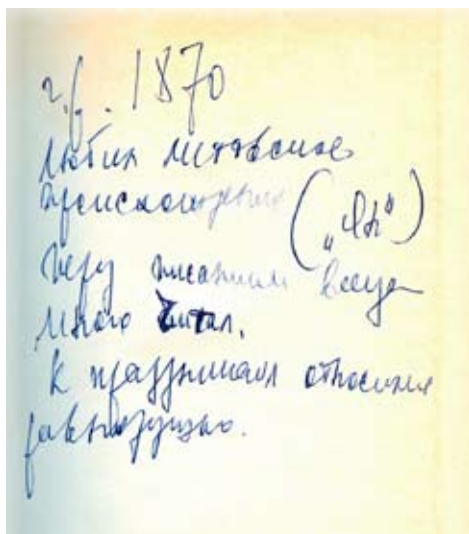
— Ах, да. Да, прекрасно знаю это!

— Да и нечего писать, — прибавил я.

Он посмотрел на меня как-то нерешительно, потом точно вспомнил что-то.

— Как же так нечего? — спросил он. — Если нечего, напишите тогда, что вам нечего писать и почему нечего. Подумайте, почему именно нечего, и напишите. Да, да, попробуйте сделать так, — сказал он твердо».

Бунин И. А. Бабореко А. «И. А. Бунин. Материалы для биографии. С 1870 по 1917»

Бабореко А. И. А. Бунин. Материалы для биографии с 1870 по 1917. 2-е изд.

М.: Худ. лит., 1983. Записи Виктора Конецкого на форзаце книги:

« г[од] р[ождения] [Бунина] 1870

Любил литовское происхождение («Ян»)

Перед писанием всегда много ЧИТАЛ.

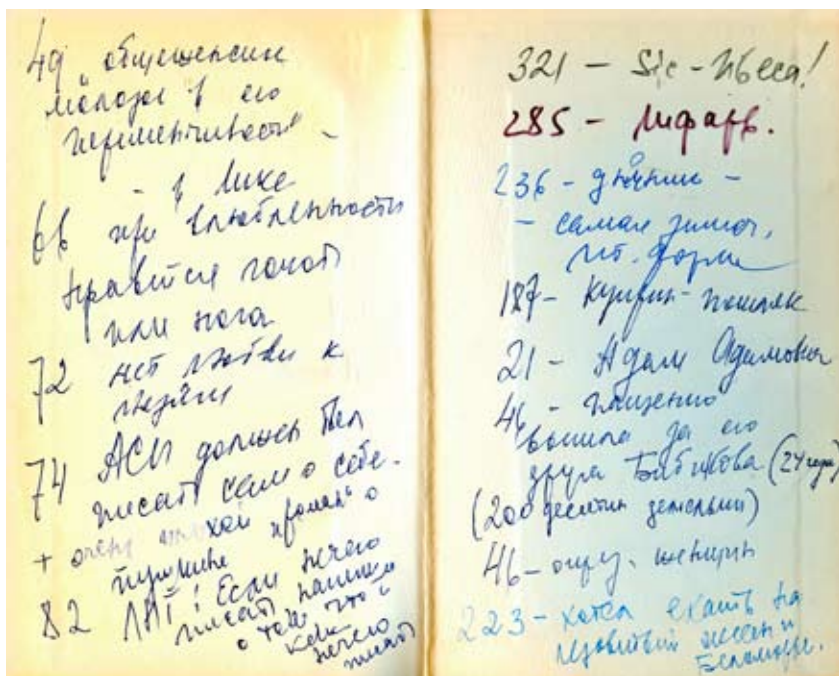
К праздникам относился равнодушно»

«Перечитываю Куприна. Какая пошлая легкость рассказа, какой дешевый бойкий язык, какой дурной и совершенно не самостоятельный тон...»

Бунин И. А. Бабореко А. «И. А. Бунин. Материалы для биографии. С 1870 по 1917»

«...дневник одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие».

Бунин И. А. Бабореко А. «И. А. Бунин. Материалы для биографии. С 1870 по 1917»

Пометки Виктора Конецкого на форзаце книги Бабореко «А. И. А. Бунин. Материалы для биографии с 1870 по 1917»

ДОСТОЕВСКИЙ

Со всей определенностью можно сказать, что роман Достоевского «Братья Карамазовы» был перечитан Виктором Конецким в 1974 году — завершив чтение романа, он сделал запись в книге: «21.11.74. Двое суток до Нью-Йорка».

Виктор Викторович Конецкий брал книгу в рейс — в 1974 году работал на т/х «Новодружеск» старшим помощником капитана. Судно шло на Америку, Конецкому предстояло впервые увидеть Соединенные Штаты.

ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ. БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ

Подчеркнуто Конецким

«...В большинстве случаев люди, даже злодеи, гораздо наивнее и простодушнее, чем мы вообще о них заключаем. Да и мы сами тоже».

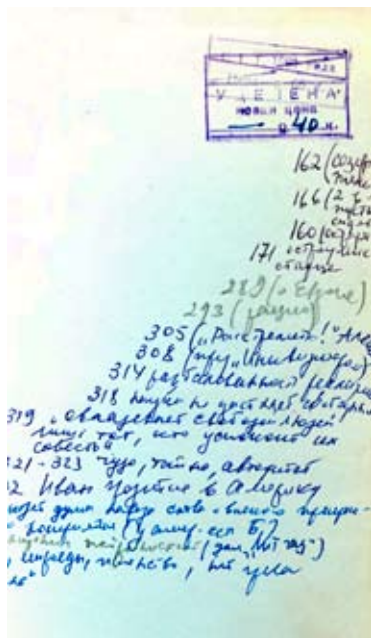
«...В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры(...)».

«...У живописца Крамского есть одна замечательная картина, под названием «Созерцатель»: изображен лес зимой, и в лесу, на дороге, в оборванном кафтанишке и лаптишках стоит один-единешенек, в глубочайшем уединении забредший мужичонко, стоит и как бы задумался, но он не думает, а что-то «созерцает». Если б его толкнуть, он вздрогнул бы и посмотрел на вас точно проснувшись, но ничего не понимая. Правда, сейчас бы и очнулся, а спросили бы его, о чем он это стоял и думал, то наверно бы ничего не припомнил, но зато наверно бы затаил в себе то впечатление, под которым находился во время своего созерцания. Впечатления же эти ему дороги, и он наверно их копит, неприметно и даже не сознавая, — для чего и зачем, конечно тоже не знает: может вдруг, накопив впечатлений за многие годы, бросит все и уйдет в Иерусалим, скитаться и спасаться, а может, и село родное вдруг спалит, а может быть, случится и то и другое вместе. Созерцателей в народе довольно(...)»

«... — Слушай, Алеша, я старцу твоему давеча грубость сделал. Но я был в волнении. А ведь в старце этом есть остроумие, как ты думаешь, Иван?»

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. Т.9. Братья Карамазовы. Роман в четырех частях с эпилогом. М.: Худ. лит., 1958

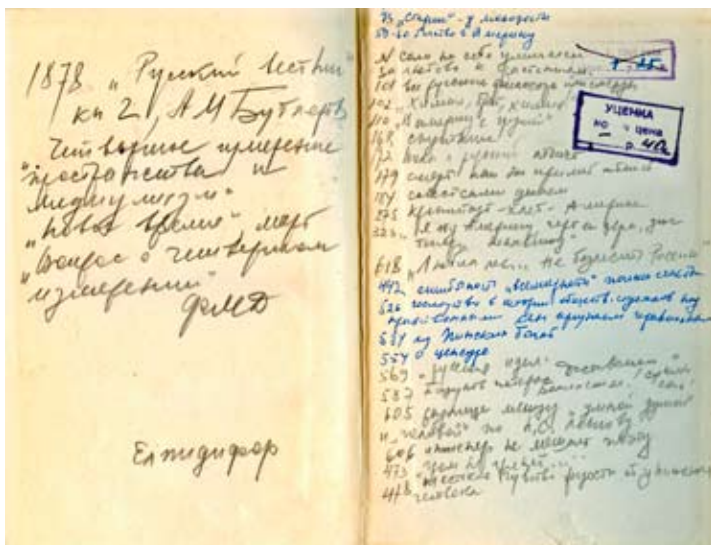

Пометки Виктора Конецкого на форзаце 9 тома собрания сочинений Ф. М. Достоевского

«...— Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище и никак не более. И не от отчаяния буду плакать, а лишь просто потому, что буду счастлив пролитыми слезами моими. Собственным умилением упьюсь. Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что! Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь... Понимаешь ты что-нибудь в моей ахинее, Алешка, аль нет? — засмеялся вдруг Иван.

Достоевский Ф. М. Собрание сочинений. Т.10. Братья Карамазовы. Часть 4. Эпилог. Произведения. 1873–1880. М.: Худ. лит., 1958

Пометки Виктора Конецкого на форзаце 10 тома собрания сочинений Ф. М. Достоевского.

— Слишком понимаю, Иван: нутром и чревом хочется любить — прекрасно ты это сказал, и рад я ужасно за то, что тебе так жить хочется, — воскликнул Алеша. — Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить.

— Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?

— Непременно так, полюбить прежде логики, как ты говоришь, непременно, чтобы прежде логики, и тогда только я и смысл пойму(...)

«... — Ведь русские мальчики как до сих пор орудуют? Иные то есть? Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол. Всю жизнь прежде не знали друг друга, а выйдут из трактира, сорок лет опять не будут знать друг друга, ну и что ж, о чем они будут рассуждать, пока поймали минутку в трактире-то? О мировых вопросах, не иначе: есть ли бог, есть ли бессмертие? А которые в бога не веруют, ну те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца. И множество, множество самых оригинальных русских мальчиков только и делают, что о вековых вопросах говорят у нас в наше время. Разве не так?

— Да, настоящим русским вопросы о том: есть ли бог и есть ли бессмертие, или, как вот ты говоришь, вопросы с другого конца, конечно первые вопросы и прежде всего, да так и надо, — проговорил Алеша, все с тою же тихой и испытывающею улыбкой вглядываясь в брата».

«... — Я смиренно сознаюсь, что у меня нет никаких способностей разрешать такие вопросы, у меня ум эвклидовский, земной, а потому где нам решать о том, что не от мира сего. Да и тебе советую об этом никогда не думать, друг Алеша, а пуще всего насчет бога: есть ли он, или нет? Все это вопросы совершенно несвойственные уму, созданному с понятием лишь о трех измерениях(...) Оговорясь: я убежден, как младенец, что страдания заживут и сгладятся, что весь обидный комизм человеческих противоречий исчезнет, как жалкий мираж, как гнусенькое измышление малосильного и маленького, как атом, человеческого эвклидовского ума, что, наконец, в мировом финале, в момент вечной гармонии, случится и явится нечто до того драгоценное, что хватит его на все сердца, на утоление всех негодований, на искупление

всех злодейств людей, всей пролитой ими их крови, хватит, чтобы не только было возможно простить, но и оправдать все, что случилось с людьми, — пусть это все будет и явится, но я-то этого не принимаю. И не хочу принять!»

«... Чем глупее, тем и яснее. Глупость коротка и нехитра, а ум виляет и прячется. Ум подлец, а глупость пряма и честна.(...)»

«... — Выводят мальчика из кутузки. Мрачный, холодный, туманный осенний день, знатный для охоты. Мальчика генерал велит раздеть, ребеночка раздевают всего донага, он дрожит, обезумел от страха, не смеет пикнуть... «Гони его!» — командует генерал, «беги, беги!» — кричат ему псары, мальчик бежит... «Ату его!» — вопит генерал и бросает на него всю стаю борзых собак. Затравил в глазах матери, и псы растерзали ребенка в клочки!.. Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну... что же его? Расстрелять? Для удовлетворения нравственного чувства расстрелять? Говори, Алешка!

— Расстрелять! — тихо проговорил Алеша, с бледною, перекосившеюся какою-то улыбкой подняв взор на брата.

— Bravo! — завопил Иван в каком-то восторге, — уж коли ты сказал, значит... Ай да схимник! Так вот какой у тебя бесенок в сердечке сидит, Алешка Карамазов!

— Я сказал нелепость, но...

— То-то и есть что но... — кричал Иван. — Знай, послушник, что нелепости слишком нужны на земле. На нелепостях мир стоит, и без них, может быть, в нем совсем ничего бы и не произошло. Мы знаем что знаем!»

«... — И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв, остаться навеки счастливыми?

— Нет, не могу допустить, брат, — проговорил вдруг с засверкавшими глазами Алеша, — ты сказал сейчас: есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Но существо это есть, и оно может все простить, всех и вся и за все, потому что само отдало неповинную кровь свою за всех и за все. Ты забыл о нем, а на нем-то и созиждается здание, и это ему воскликнут: «Прав ты, господи, ибо открылись пути твои».

«... Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу

к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделиться между собою!(...) Но овладеет свободой людей тот, кто успокоит их совесть. С хлебом тебе давалось бесспорное знамя: даешь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба, но если в то же время кто-нибудь овладеет совестью помимо тебя — о, тогда он даже бросит хлеб твой и пойдет за тем, который обольстит его совесть(...)

«...Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете(...)

«...Кто не верит в бога, тот и в народ божий не поверит. Кто же уверовал в народ божий, тот узрит и святыню его, хотя бы и сам не верил в нее до того вовсе. Лишь народ и духовная сила его грядущая обратит отторгнувшихся от родной земли атеистов наших. И что за слово Христово без примера? Гибель народа без слов божия, ибо жаждет душа его слова и всякого прекрасного восприятия(...)

«...Имеешь потребности, а потому насыщай их, ибо имеешь права такие же, как и у знатнейших и богатейших людей. Не бойся насыщать их, но даже приумножай» — вот нынешнее учение мира. В этом и видят свободу. И что же выходит из сего права на приумножение потребностей? У богатых уединение и духовное самоубийство, а у бедных — зависть и убийство, ибо права-то дали, а средств насытить потребности еще не указали(...) И не дивно, что вместо свободы впали в рабство, а вместо служения братолюбия и человеческому уединению впали, напротив, в отъединение и уединение, как говорил мне в юности моей таинственный гость и учитель мой. А потому в мире все более и более угасает мысль о служении человечеству, о братстве и целостности людей и воистину встречается мысль сия даже уже с насмешкой, ибо как отстать от привычек своих, куда пойдет сей невольник, если столь привык утолять бесчисленные потребности свои, которые сам же и навывдумал? В уединении он, и какое ему дело до целого. И достигли того, что вещей накопили больше, а радости стало меньше».

«Боже, кто говорит, и в народе грех. А пламень растления умножается даже видимо, ежечасно, сверху идет. Наступает и в народе

уединение: начинаются кулаки и мироеды; уже купец все больше и больше желает почестей, стремится показать себя образованным, образования не имея нимало, а для сего гнусно пренебрегает древним обычаем и стыдится даже веры отцов. Ездит ко князьям, а все-то сам мужик порченный. Народ загноился от пьянства и не может уже отстать от него. А сколько жестокости к семье, к жене, к детям даже; от пьянства все(...) Но спасет бог Россию, ибо хоть и развратен простолюдин и не может уже отказать себе во смрадном грехе, но все же знает, что проклят богом его смрадный грех и что поступает он худо, греша. Так что неустанно еще верует народ наш в правду, бога признает, умилительно плачет. Не то у высших. Те вослед науке хотят устроиться справедливо одним умом своим, но уже без Христа, как прежде, и уже провозгласили, что нет преступления, нет уже греха(...)

«— Много будешь знать, скоро состаришься».

«... — Я тоже, например, считаю, что бежать в Америку из отечества — низость, хуже низости — глупость. Зачем в Америку, когда и у нас можно принести пользы для человечества? Именно так. Целая масса плодотворной деятельности. Так я и отвечал.

— Как отвечали? Кому? Разве вас кто-нибудь уже приглашал в Америку?

— Признаюсь, меня подбивали, но я отверг. Это, разумеется, между нами, Карамазов, слышите, никому ни слова. Это я вам только. Я совсем не желаю попасть в лапки Третьего отделения и брать уроки у Цепного моста(...)

«... — Я ему сейчас вот говорил: «Карамазовы не подлецы, а философы, а ты хоть и учился, а не философ, ты смерд». Смеется, злобно так. А я ему: де мыслибус non est disputandum (о мыслях не спорят — лат.), хороша острота? По крайней мере и я в классицизм вступил, — захохотал вдруг Митя».

«— Что бога-то жалко? Химия, брат, химия! Нечего делать, ваше преподобие, подвиньтесь немножко, химия идет! (...)

«... — Алеша, слушай: брат Иван мне предлагает бежать. Подробности не говорю: все предупреждено, все может устроиться. Молчи, не решай. В Америку с Грушей. Ведь без Груши жить

не могу! Ну как ее ко мне там не пустят? Каторжных разве венчают? Брат Иван говорит, что нет. А без Груши я там под землей с молотком-то? Я себе только голову раздроблю этим молотком! А с другой стороны, совесть-то? От страдания ведь убежал! Было указание — отверг указание, был путь очищения — поворотил налево кругом. Иван говорит, что в Америке «при добрых наклонностях можно больше пользы принести, чем под землей. Ну, а гимн-то наш подземный где состоится? Америка что, Америка опять суета! Да и мошенничества тоже, я думаю, много в Америке-то. От распятия убежал! Потому ведь говорю тебе, Алексей, что ты один понять это можешь, а больше никто(...)

«— Что станется в пространстве с топором? *Quelle idée* (Какая идея! — франц.)! Если куда попадет подальше, то примется, я думаю, летать вокруг земли, сам не зная зачем, в виде спутника. Астрономы вычислят восхождение и захождение топора, Гатцук внесет в календарь, вот и все».

«...Возьми душу русского просвещенного атеиста и смешай с душой пророка Ионы, будирувавшего во чреве китове три дня и три ночи, — вот тебе характер этого улегшегося на дороге мыслителя».

«...Раз человечество отречется поголовно от бога (а я верю, что этот период, параллельно геологическим периодам, совершится), то само собою, без антропофагии, падет все прежнее мировоззрение и, главное, вся прежняя нравственность, и наступит все новое. Люди совокупятся, чтобы взять от жизни все, что она может дать, но непременно для счастья и радости в одном только здешнем мире. Человек возвеличится духом божеской, титанической гордости и явится человеко-бог. Ежечасно побеждая уже без границ природу, волею своею и наукой, человек тем самым ежечасно будет ощущать наслаждение столь высокое, что оно заменит ему все прежние упования наслаждений небесных. Всякий узнает, что он смертен весь, без воскресения, и примет смерть гордо и спокойно как бог. Он из гордости поймет, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновение, и возлюбит брата своего уже безо всякой мзды. Любовь будет удовлетворять лишь мгновению жизни, но одно уже сознание ее мгновенности усилит огонь

— Карамзюв! — крикнул Коля, — неужели и вправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

— Непременно встанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, — подусмеясь, полу в восторге ответил Алеша.

— Ах, как это будет хорошо! — вырвалось у Коли.

— Ну, а теперь кончим речи и пойдемте на его поминки. Не смущайтесь, что блины будем есть. Это ведь старинное, вечное, и тут есть хорошее, — засмеялся Алеша. — Ну пойдемте же! Вот мы теперь и идем рука в руку.

— И вечно так, всю жизнь рука в руку! Ура Карамзюву! — еще раз восторженно прокричал Коля, и еще раз все мальчики подхватили его восклицание.

21. II. 74.

Жил сущим до
Нью-Йорка

*Запись Виктора Конецкого в 10 томе собрания сочинений
Ф. М. Достоевского (после «Эпилога» «Братьев Карамазовых»): «21. II. 74.
Двое суток до Нью-Йорка»*

ее настолько, насколько прежде расплывалась она в упованиях на любовь загробную и бесконечную(...)

«— Дразнил меня! И знаешь, ловко, ловко: «Совесь! Что совесь? Я сам ее делаю. Зачем же я мучаюсь? По привычке. По всемирной человеческой привычке за семь тысяч лет. Так отвыкнем и будем боги». Это он говорил, это он говорил!»

«— Да в английском парламенте уж один член вставал на прошлой неделе, по поводу нигилистов, и спрашивал министерство: не пора ли ввязаться в варварскую нацию, чтобы нас образовать. Ипполит это про него, я знаю, что про него. Он на прошлой неделе об этом говорил.

— Далек куликам.

— Каким куликам? Почему далеко?

— А мы запрем Кронштадт, да и не дадим им хлеба. Где они возьмут?

— А в Америке? Теперь в Америке.

— Врешь».

«...Я эту Америку, черт ее дери, уже теперь ненавижу. Пусть Груша будет со мной, но посмотри на нее: ну американка ль она? Она русская, вся до косточки русская, она по матери родной земле затоскует, и я буду видеть каждый час, что это она для меня тоскует, для меня такой крест взяла, а чем она виновата? А я-то разве вынесу тамошних смердов, хоть они, может быть, все до одного лучше меня? Ненавижу я эту Америку уж теперь! И хоть будь они там все до единого машинисты необъятные какие, али что — черт с ними, не мои они люди, не моей души! Россию люблю, Алексей, русского бога люблю, хоть я сам и подлец! Да я там издохну! — воскликнул он вдруг, засверкав глазами. Голос его задрожал от слез.

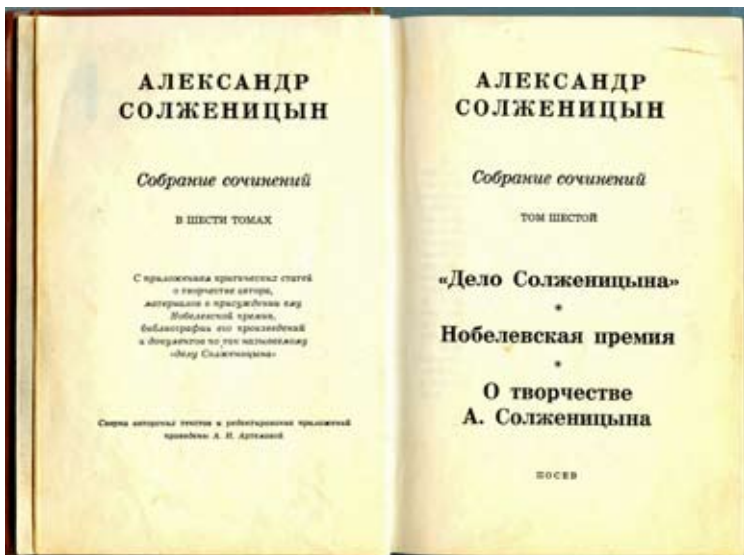
— Ну так вот как я решил, Алексей, слушай! — начал он опять, подавив волнение, — с Грушей туда приедем — и там тотчас пахать, работать, с дикими медведями, в уединении, где-нибудь подальше. Ведь и там же найдется какое-нибудь место подальше! Там, говорят, есть такие краснокожие, где-то там у них на краю горизонта, ну так вот в тот край, к последним могикам. Ну и тотчас за грамматику, я и Груша. Работа и грамматика, и так чтобы года три. В эти три года английскому языку научимся как самые что ни на есть англичане. И только что выучимся — конец Америке! Бежим сюда, в Россию, американскими гражданами. Не беспокойся, сюда в городишко не явимся. Спрячемся куда-нибудь подальше, на север али на юг. Я к тому времени изменюсь, она тоже, там, в Америке, мне доктор какую-нибудь бородавку подделает, недаром же они механики. А нет, так я себе один глаз проколю, бороду отпущу в аршин, седую (по России-то поседею) — авось не узнают. А узнают, пусть ссылают, все равно, значит не судьба! Здесь тоже будем где-нибудь в глуши землю пахать, а я всю жизнь американца из себя представлять буду. Зато порем на родной земле. Вот мой план, и сие непреложно. Одобряешь?»

**«МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО»
(ИЗ «ПРИМЕЧАНИЙ» Л. ГРОССМАНА
К 10 ТОМУ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО)**

Подчеркнуто Конецким

«В Литве, в Минской области, в районе Пинских болот находилось имение Достоево фамилии Достоевских».

«...Я говорил о цензуре, об ее непомерной строгости в наше время и сетовал об этом, ибо чувствовал, что произошло какое-то недоразумение, из которого вытекает натянутый, тяжелый для литературы порядок вещей. Мне грустно было, что звание писателя унижено в наше время каким-то темным подозрением и что на писателя уже заранее, прежде чем он написал что-нибудь, цензура смотрит как будто на какого-то естественного врага правительству и принимается разбирать рукопись уже с очевидным предубеждением...»

Александр Солженицын. Собрание сочинений. Т. 6. «Дело Солженицына». Нобелевская премия. О творчестве А. Солженицына. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1973. В книге опубликовано «Письмо В. Конецкого в Президиум IV Всесоюзного съезда советских писателей»

Я, капитан дальнего
плавания. Дмитриев
Евгений Михайло-
вич, приобрел эту
книгу в п. Ванку-
вер (Канада) и
в п. Находка из-за
наших Советских
Стукачей мне
прихлопнули — 1982
визу. Я остался
безработным
дарю эту книгу
в Ленинграде

30.07.89.
Виктору Конецко-
му на память
о тех смутных
временах.

30.07.89.
Д.М.И.
А.А.Любовский
Уважением и
любовью
= Дмитриев =

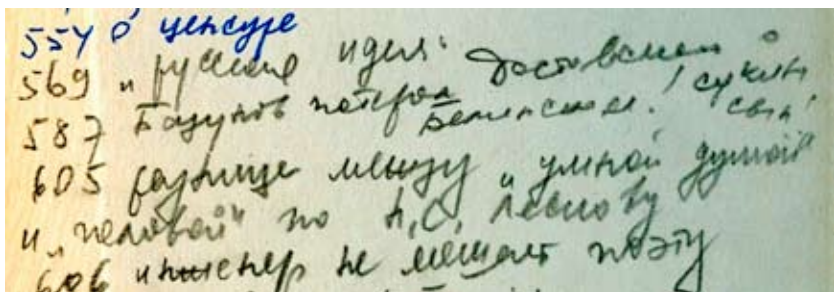
Надпись на форзаце 6 тома собрания сочинений А. И. Солженицына: «Я, капитан дальнего плавания, Дмитриев Евгений Михайлович, приобрел эту книги в п.Ванкувер (Канада) и в п.Находка из-за наших советских стукачей мне прихлопнули — [в] 1982 [году] визу. Я остался безработным. Дарю эту книгу в Ленинграде 30.07.89 Виктору Конецкому на память о тех смутных временах. 30.07.89. С глубоким уважением и любовью Дмитриев»

(Эта мысль выражена и в открытом письме Виктора Конецкого IV съезду писателей в защиту А. И. Солженицына от 20 мая 1967 года — Т. А.)

...Литературе трудно существовать при таком напряженном положении. Целые роды искусства должны исчезнуть: сатира, трагедия уже не могут существовать. Уже не могут существовать при строгости нынешней цензуры такие писатели, как Грибоедов, Фонвизин и даже Пушкин. Сатира осмеивает порок, и чаще всего порок под личиною добродетели. Как может быть теперь хоть какое-нибудь осмеяние? Цензор во всем видит намек, заподозревает, нет ли тут какой личности, нет ли желчи, не намекает ли писатель на чье-либо лицо и на какой-нибудь порядок вещей...» (Из показаний Ф.М. Достоевского следственной комиссии, 1849 год).

«Реформа Петра Великого нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом... После реформы был между ним и нами, сословием образованным, один только случай соединения — двенадцатый год, и мы видели, как народ заявил себя... Мы убедились наконец, что мы тоже отдельная национальность в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал... Русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях...» (Ф. М. Достоевский. Из программного объявления о журнале «Время», 1860 год).

«Писатель Бабилов, предпринимая издание какого-то сборника, просил Ф[едора] М[ихайловича] написать статью и уплатил вперед 150–200 р. Ф[едор] М[ихайлович] решил написать о Белинском. Закончил он ее в Дрездене и был ею доволен. Статья эта была отослана А. Н. Майкову, который читал ее и очень хвалил в одном из своих писем к Ф[едору] М[ихайловичу]. По словам А. Н. Майкова, статья была передана книгопродавцу Базунову, как этого желал Бабилов. Но куда она исчезла — неизвестно: Бабилов умер, а Базунов, за множеством дел, не помнил, кому ее передал». (Из воспоминаний А. Г. Достоевской, 1867 год).

Бабушка Виктора Конецкого по материнской линии — Мария Павловна — была из семьи известных книгоиздателей Базуновых. Один из трех братьев Базуновых — Александр Федорович — был издателем Ф. М. Достоевского. Имя А. Ф. Бабунова подчеркнуто Виктором Конецким во многих книгах его библиотеки. Одна из пометок Виктора Конецкого на форзаце 10 тома собрания сочинений Ф. М. Достоевского: «587 Базунов потерял [статью] Достоевского о Белинском! Сукин сын!»

«Меня то же мучило, что и Вас, еще с шестнадцати, может быть, лет, но я как-то уверен был, что рано или поздно, а непременно выступлю на поприще, а потому (безошибочно вспоминаю это) не беспокоился очень. Насчет же места, которое займу в литературе, был равнодушен: в душе моей был своего рода огонь, в который я и верил, а там, что из этого выйдет, меня не очень заботило, ну вот и весь мой опыт, про который Вы спрашиваете.

Но могу ли знать в точности Вашу душу? Если хотите мое мнение, то продолжайте твердо верить в Ваше влечение, и, может быть, судьба Вас поставит на поприще. Желания Ваши к тому же очень скромны, то есть быть непременно второстепенным тружеником. Но вот что прибавлю: мое влечение меня в мое время несколько не отвлекало от реального взгляда на жизнь, и я, будучи поэтом, а не инженером, до самого последнего года в инженерном училище был из первых в классе постоянно; затем некоторое время служил, и хоть знал, что рано ли, поздно ли, я оставлю службу, но до срока не видел ничего в общественных моих занятиях слишком непреодолимо враждебного моему будущему; напротив, твердо был уверен, что будущее все-таки будет мое и что я один ему господин». (Ф. М. Достоевский. Из письма А. П. Н-у, 1877 год).

«Любил лес, пусть все продают, а я не продам, из принципы не продам, чтоб не безлесить Россию». (Из черновых записей А. Г. Достоевской о муже, 1881 год).

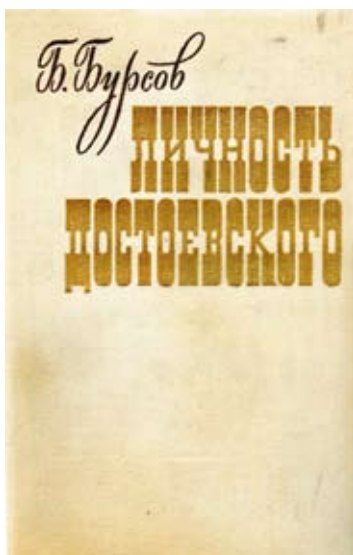
ИЗ КНИГИ БОРИСА БУРСОВА «ЛИЧНОСТЬ ДОСТОЕВСКОГО»

Подчеркнуто Конечким

«...Не высидев мыслию, нельзя приступить [к новой книге], да и вдохновения нет в такой тоске, а оно главное» (Из письма Ф. М. Достоевского жене, 22 июня 1875 года).

«По поводу сцены в «Братьях Карамазовых», где Иван встречается с Чертом, Достоевский, боясь, что цензура будет придирааться, писал Н. А. Любимову, одному из редакторов «Русского вестника», где печатался роман: «Но простите моего Черта: это только черт, мелкий бес, а не сатана с «опаленными крыльями»... Не думаю... чтобы хоть

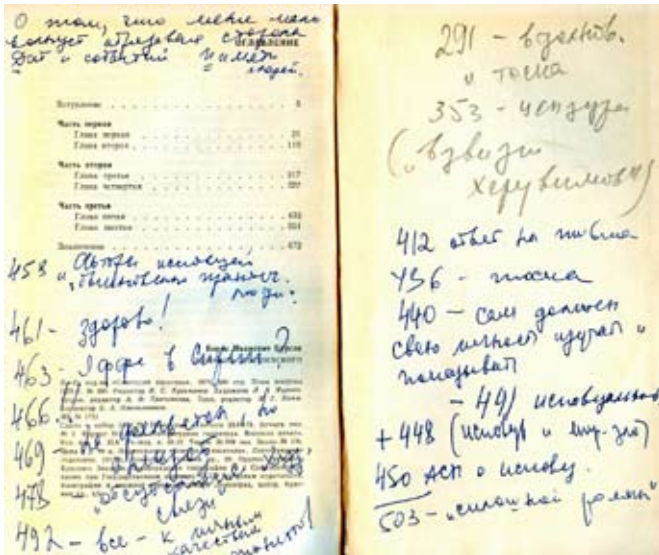

Бурсов Б. Личность Достоевского. Роман-исследование. Л.: Сов. пис., 1979

что-нибудь могло быть нецензурно, кроме разве двух словечек «истерические взвизги херувимов». Умоляю: пропустите так: это ведь черт говорит, он не может говорить иначе. Если же никак нельзя, то вместо истерических взвизги — поставьте радостные крики. Но нельзя ли взвизги? А то будет очень уж прозаично и не в тон...»

«Исповедь, оставаясь на уровне своего назначения, непременно сталкивает человека с мировым злом, вследствие этого приобретает и характер общественного трактата. Так произошло с «Исповедью» Руссо, которую столь высоко оценивали великие революционеры XVIII и XIX веков...»

«...В ответ на сожаление Вяземского об утрате автобиографических записок Байрона Пушкин выражал скорее радость по этому поводу: «Черт с ними! Слава богу, что потеряны». Байрон — великий поэт, говорит он, и вся его поэзия не что иное, как исповедь, притом до конца искренняя, так как здесь он исповедовался «неволью, увлеченный восторгом поэзии». Совсем другое дело, когда он спускался к «хладнокровной прозе». В своем прозаическом

Пометки Виктора Конецкого на книге Б. Бурсова «Личность Достоевского»

жизнеописании, вероятно, «он бы лгал и хитрил...». Пушкин, как видим, не против исповедальности художника. Но он за то, чтобы исповедальность выступала не иначе, как в форме творчества. Потому что творчество несовместимо с неискренностью, оно — самозабвенно. В своей же «Исповеди» Руссо, по мысли Пушкина, именно порою изменяет творчеству, подчиняясь заданности...»

«Авторы исповедей обыкновенно практические люди. А как же иначе? Чтобы поверить во что-то, надо быть готовым отстаивать свою веру, необходимо следовать ей в собственной личной жизни. Жанр исповеди как таковой разработан скорее не литераторами, а мыслителями, при этом с серьезными практическими целями и намерениями. Приняв христианство, блаженный Августин посвятил себя пропаганде и утверждению христианской религии. В то время это была вполне практическая задача».

«Потрясающе простота и естественность стиля Толстого.

Но не менее потрясающа театральность стиля Достоевского, которая удостоверяется человеческими судьбами и жизнями.

То и другое восходит к Пушкину. Но у Пушкина не было ни практицизма Толстого, ни демонстративной непрактичности Достоевского. В пушкинской простоте и естественности отсутствует толстовский морализм, значит, и принципиальная толстовская громоздкость...»

«...Наполеону приписывали посещение чумного лазарета в Яффе, сирийском городе...»

«Исповедь» Руссо — суд ее автора над самим собою как над человеком, значит, разбор и анализ человека на протяжении всей всемирной жизни. Всю вину за неблагополучие и неустроенность в этом мире Руссо возлагает на человека (...)

Гете, многое восприняв от просветительства, в частности от Руссо, намного же и превзошел просветительство, хотя в известном смысле остался просветителем. При изображении человека он учитывает сложность и противоречивость его природы. Если человек делает ставку на откровенность, что было так показательно для второй половины XVIII столетия, то это не означает, что он таков и есть, каким сам себя представляет(...)

«...В человеке на первое место Гете ставит его личную храбрость. «Личная храбрость — отличительная черта героя — и есть тот фундамент, на котором зиждется все его существо, почва, его взрастившая. Он не ведает опасностей и слепо идет навстречу величайшей из них. Пробриться сквозь строй врагов, загнавших нас в тиски, пожалуй, возможно: куда труднее прорвать сети государственной мудрости. Демоническое начало, с той и другой стороны участвующее в игре, конфликт, в котором гибнет достойное и торжествует ненавистное, надежда, что отсюда возникает нечто третье, всем желанное, — вот что снискало пьесе («Эгмонт» — Т. А.)... благословение публики...»

«В Достоевском романист совмещался с журналистом, даже и с фельетонистом. И это началось вместе со вступлением его на литературный путь.

Вот странно: писатель, пишущий романы, проникнутые вековыми вопросами, одновременно выступает и в качестве фель-

етониста — да и в самих его романах немало фельетонного. Будто весь он состоит из несоединимых противоположностей.

Такое мог себе позволить только сугубо непрактический человек».

(Здесь на полях запись Виктора Конецкого: «не фельетон, а анекдот»).

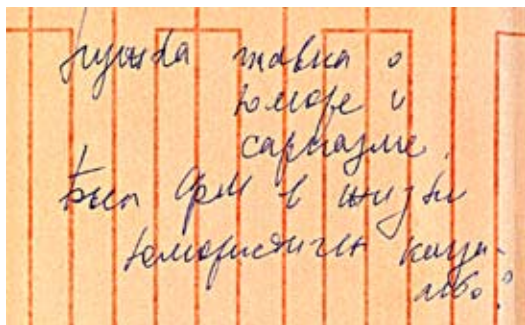
«Между отдельными сценами «Петербургской летописи» [Достоевского] как бы и нет строго продуманной, то есть художественной связи. Так и кажется, что человек шел по городу и записывал, что попадалось на глаза(...)

«Петербургская летопись» — вещь насквозь субъективная. Тут столько же важна летопись, сколько и сам летописец. Он весь погружен в себя, что, однако, нисколько не препятствует его наблюдательности(...)

У Достоевского все люди как люди равны между собой: «всякий человек самого себя стоит, а во-вторых, как человек, стоит и всякого другого именно потому, что он тоже человек, во имя своего человеческого достоинства».

А если плох человек, то это скорее беда его, чем вина: даже если причиняет зло другим, все-таки и сам, как человек погибает(...)

Достоевский принимает на себя ответственность за все происходящее на свете. Все происходящее происходит как бы с ним самим, но при этом он решительно уклоняется от какого бы то ни было вмешательства в какое бы то ни было реальное дело.

Запись Виктора Конецкого на книге Б. Бурсова «Личность Достоевского»: «Нужна главка о юморе и сарказме. Был Ф[едор] М[ихайлович] в жизни юмористичен когда-либо?»

Он всегда как бы ни на чьей стороне. При известном сострадании почти ко всякому лицу, он не оправдывает до конца ни одно лицо».

«...Такова уж неизменная особенность Достоевского — любые разногласия с другими деятелями культуры, будь это художники или мыслители, в конечном счете объяснял человеческими качествами своих оппонентов».

«...Ни одно произведение Достоевского не живет само по себе, как это происходит с романами Тургенева или даже Толстого. Разумеется, Тургенев и Толстой тоже познаваемы лишь во всей своей совокупности. Но все-таки тема «Отцов и детей» или тема «Анны Карениной», хотя бы относительно, исчерпываются этими романами. Тема «Преступления и наказания» как бы прямо переливается в тему «Идиота». Что касается «Бесов», «Подростка» и «Братьев Карамазовых» — эти три романа Достоевского возникли из единого замысла, известного под названием «Житие великого грешника».

«Вообще всякая человеческая личность, не говоря уже о гениальной, не является однолинейной. Это всегда соединение многих линий, своеобразный пучок из них, — и все они разной длины, тянутся в разные стороны. Всякий человек в известном смысле есть личность, то есть единствен и незаменим. Он представляет собою ту тайну, которую, по словам Достоевского, сколько ни разгадавай, никогда до конца не разгадаешь. Всеобщее внимание привлекают лишь те немногие личности, которые своими деяниями так или иначе вторгаются в нашу собственную жизнь, формирующим образом влияют на нее. Познаем их мы познаем и самих себе, а познавая — перестраиваем».

«По внутренней природе своей [художественный] тип является более созданием внешних условий, выглядит чистым продуктом и произведением среды. Характер отличается от типа большей самоуглубленностью. В характере резко выделяется индивидуальное волевое начало, более опирающееся на систему выработанных этим же характером взглядов. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти взгляды в общем внушены их носителю веяниями времени. О личности можно сказать, что, отличаясь динамичностью своей внутренней жизни, она прежде всего в самой же себе

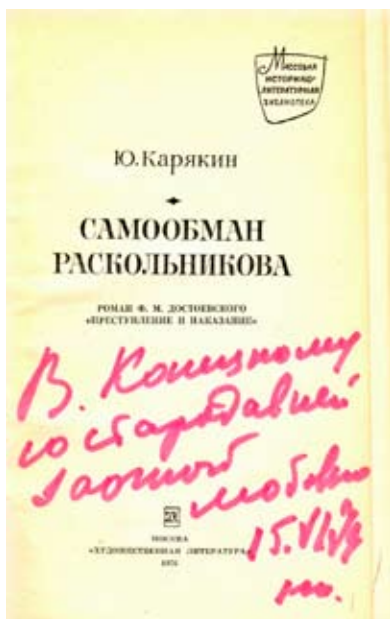
отыскивает побуждения и мыслям и деяниям своим. Это не значит, что личность независима от эпохи, возвышается над эпохой. Эпоха проникает в нее со всей неотвратимостью, как, в свою очередь, и она в эпоху. Суть дела в другом: личность не столько себя мерит внешними условиями, а также исходящими от нее требованиями к человеку, сколько то и другое самою собой измеряет, определяясь тем и другим».

«Всякий великий писатель является и великой личностью. В гоголевских произведениях мы встречаемся с художественными типами, а не личностями. Однако сам Гоголь — такая же страстная, ищущая и мужественная личность, как Толстой или Достоевский. Указанным различием между Гоголем, с одной стороны, и Толстым и Достоевским — с другой, ни в коем случае не следует пренебрегать. По отношению к Толстому и Достоевскому можно уверенно сказать, что их собственные духовные запросы непременно находят отражение в создаваемых ими образах. Герои же Гоголя резко отчуждены от него самого, что бы там ни говорил он об отражении в них пороков его собственной души, — не из одних же пороков она состояла. Тут, вероятно, разгадка, почему он оказался не в состоянии преодолеть кризис, нагрянувший на него в 40-е годы. Толстой же и Достоевский справлялись с подобными положениями, встречавшимися на их тернистом пути. Гоголь провёл опасную черту между публицистическими своими работами и художественными сочинениями. Вследствие этого над его чисто идейными исканиями, во всяком случае, был ослаблен контроль со стороны литературного творчества, всегда более контролируемого самой жизнью. В Гоголе как художнике слишком возобладала учительность, без которой Гоголь не был бы Гоголем».

Неизменный интерес Виктора Конецкого вызывали статьи и книги Юрия Федоровича Карякина — глубокого мыслителя и философа, одного из лучших знатоков творчества Ф. М. Достоевского.

Они познакомились в начале 1970-х, когда имя Ю. Ф. Карякина было практически под запретом. В 1968 году Юрий Карякин был исключен из КПСС за доклад о жизни и творчестве Андрея Платонова на юбилейном вечере в Центральном Доме Литератора.

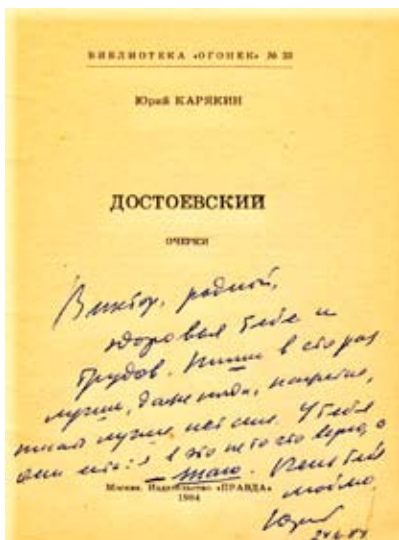
Ю. Ф. Карякин первым написал о Владими́ре Высоцком и первым поставил вопрос о возвращении А. И. Солженицына на родину.

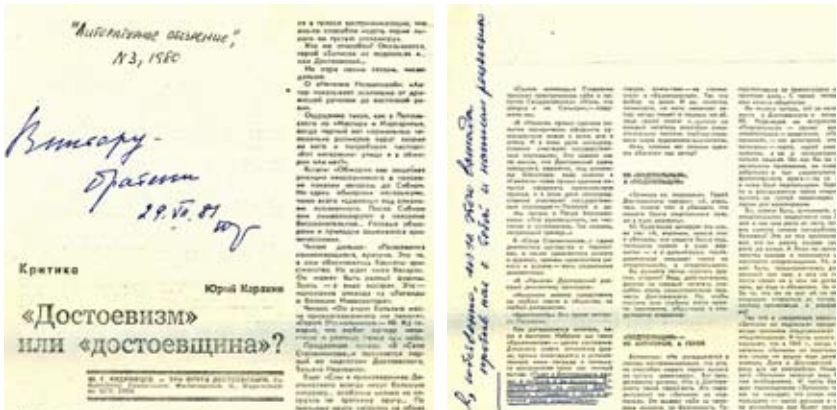

Карякин Ю. Самообман Раскольникова. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Худ. лит., 1976.

На титуле книги надпись: «В. Конецкому со стародавней заочной любовью. 15.6.74. Ю. К.»

Карякин Ю. Достоевский. Очерки. М.: Правда, 1984. (Б-ка «Огонек», № 23). На титуле книги надпись: «Виктор, родной, здоровья тебе и трудов. Пиши в сто раз лучше, даже когда, напротив, писать лучше нет сил. У тебя они есть: я в это не то что верю, а — знаю. Очень тебя люблю. Юрий. 24.6.84.» В январе 1984 года В.В. Конецкий перенес инфаркт, но 27 июня снова ушел в море в Арктику на т/х Индига»

Карякин Ю. «Достоевизм» или «достоевщина»: Рецензия на книгу Ю. Г. Кудрявцева «Три круга Достоевского» // Лит. обоз., 1980, № 3. Надпись автора: «Виктору—братски. 29.VII.81. Ю. К.» На одной из страниц статьи надпись Ю. Карякина: «Я, собственно, из-за этого выпада против нас с тобой и написал рецензию». В тексте автором подчеркнуто: «Пьют у Достоевского везде: в остроге и за острогом. Алкоголь — один из героев Достоевского. Отношение к нему у писателя резко отрицательное»

Карякин Ю. Зачем хроникер в «Бесах»? // Лит. обоз., 1981, № 4. Надпись автора: «Виктору Возвращаю долг духовный (их отдавать легче). Очень тебя люблю (трезвый) 24.VII.81 Ю. К.»

*Карякин Ю. Ф. Достоевский и канун 21 века.
М.: Сов. пис., 1989*

*Виктор Конецкий на вечере, посвящённом 70-летию А. И. Солженицына.
1988 год. За столом (в центре) — организатор и ведущий вечера Юрий
Федорович Карякин*

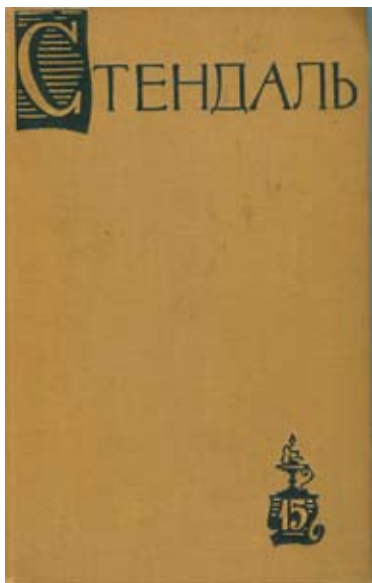
СТЕНДАЛЬ. ЭКЗЮПЕРИ. ХЭМИНГУЭЙ

СТЕНДАЛЬ

Стендаль, Экзюпери и Хэмингуэй — любимые писатели юности Виктора Конецкого. На моей памяти он не перечитывал Экзюпери и Хэмингуэя, возвращался лишь к Стендалю, причем, как и в юности продолжал любить «не его романы, а всякие статьи и записки» («Завтрашние заботы»). «Статьи Стендаля невозможно читать подряд, абзац за абзацем. Столько незнакомых имен, названий, намеков, цензурных обманов, умолчаний. Зато какие мысли, замечания, анекдоты! Даже подпрыгиваешь от удовольствия...» (Виктор Конецкий «Пришла пора таких заметок»).

Зимой 1984 года, попав в больницу с первым инфарктом, Виктор Викторович взял с собой том писем Стендаля.

В молодости в дневниках и письмах Стендаля Виктора Конецкого интересовали, прежде всего, «русские» впечатление Анри Бейля — офицера наполеоновской армии, в не меньшей степени — взросление и становление его как писателя.

Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 15. Письма / Под общ. ред. Б. Г. Реизова. М.: Биб-ка «Огонек», изд-во «Правда», 1959

К[апитан] & ф[а]ци[и]и. Мед.сестра
 Наталья сидит на нем верхом и от-
 качивает, расстянулась, лето, жара,
 ночь. Он очухался — увидел ее титьки
 ошей — табак. Второй — тоже, она
 догадалась, кричит: пусть муж.
 Титка или старуха садится.
 Он потом умер — не поверил, что
 у него инфаркт.

Набросок рассказа на форзаце 15 тома собрания сочинений Стендаля:
 «К[апитан] Д[альнего] П[лавания] в реанимации. Мед[ицинская] сестра
 Наталья сидит на нем верхом и откачивает, растянулась, лето, жара,
 ночь. Он очухался — увидел ее титьки [и] опять — набок. Второй [па-
 циент] — тоже. Она догадалась, кричит: пусть мужчина или старуха
 садится. Он потом умер — не поверил, что у него инфаркт»

род. в 1783
 115 "ф[а]ци[и]и" Вольтера
 (к "Колбасеву")!!!
 153 — собирался в Россию
 преподавателем — не
 плохо получили мы
 соотчича. Хотел
 посвятить «Историю
 живописи в Италии»
 Ал-ру I, а посвятил
 Наполеону! Ну, и
 преподаватель эстетики
 в Петербурге!

Записи Виктора Конецкого на фор-
 заце 15 тома собрания сочинений
 Стендаля: «род. В 1783 г. 115—
 ф[а]ци[и]и Вольтера (к Колбасе-
 ву)!!! 153—собирался в Россию
 преподавателем — не плохо по-
 лучить мы могли соотчича. Хотел
 посвятить «Историю ж[ивописи
 в Италии]» Ал-ру I, а посвятил
 Наполеону! Ну, и преподаватель
 эстетики в Петербурге!»

Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 14. Дневники / Под общ. ред. Б. Г. Реизова. М.: Биб-ка «Огонек», изд-во «Правда», 1959.

Записи Виктора Конецкого на титуле книги: «Чувствительность к сценам прощания с раннего детства». «Я храбро решил, что не стоит записывать свои мысли, и растерял их». «20 — теории женского вопроса 43 — комедии # трагедии 68 — «страстные люди не бывают остроумны» — чушь, хотя: Лермонтов. Когда он читает подлинники писем Вальтера, то отмечает схожесть почерков В[альтера], своего и г-на Дарю!»

«Одинокое дерево». Графический набросок. Виктор Конецкий. 6 января 1984 год. Набросок и надпись на форзаце книги Виктора Конецкого: «06.01.84 [года]. Реанимация. б[ольница] им[ени] Ленина. Вид с койки № 2»

Запись Виктора Конецкого в «Содержании» 15 тома собрания сочинений Стендаля: «Рефрен рассказа: хорошо бы шубу купить (приобрести)». Замысел «рассказа о шубе», думаю, рожден воспоминаниями о матери Л. Д. Конецкой: она, рассказывал Виктор Викторович, мечтала о шубе — и сын мечту осуществил. Шуба была тяжелая, ходить в ней пожилой и полноватой Любви Дмитриевне было затруднительно, тем более, что лифт в доме часто не работал, а подниматься приходилось на шестой этаж. Но и отказаться от мечты было невозможно — пошитая в литфондовском ателье шуба была подтверждением статуса матери вполне успешного писателя

... ..	VII	182
... ..	VII	186
... ..	VII	207
... ..	V	247
... ..	VII	279
... ..	II	
... ..	VII	353
... ..	VII	364
... ..	V	370
... ..	VII	375
... ..	VII	396
... ..	IV	447
... ..	VII	454
... ..	VII	414
... ..	VII	424
... ..	VII	424
... ..	VII	424
... ..	VII	117
... ..	VII	130
... ..	III	4
... ..	III	5
... ..	XV	5
... ..	VIII	203
... ..	VIII	7
... ..	VII	222
... ..	V	5
... ..	V	5
... ..	VII	14
... ..	IX	5
... ..	VI	427
... ..	V	217
... ..	V	204
... ..	V	279
... ..	V	279
... ..	VII	216
... ..	VII	204
... ..	V	457
... ..	V	204
... ..	VII	186
... ..	V	415

ПОПРАВКА

В XIV том на стр. 233 ошибочно напечатано: применены в последние Стендаля 1817 года. Пошла в 1812 году и применена в эти последние в «лучший» том.

Рефрен рассказа: хорошо бы шубу купить (приобрести)

Стендаль. Собрание сочинений. Т. 9. Расин и Шекспир. Статьи критические и публицистические. / Пер., вступит. ст. и ком. Б. Г. Реизова. Л.: Худ. лит., 1938.

На книге штампы Мурманской областной библиотеки.

Подчеркнуто Виктором Конецким в очерке Стендаля «Итальянские впечатления»: «Но я не до такой степени непостоянен. Местность, музыка, картина особенно начинают мне нравиться только со второго или третьего раза. Затем, музыка после ста представлений, картина после тридцати посещений, местность после пятого или шестого путешествия, ничего не говорят моему воображению, и я начинаю скучать. Можно заметить, что больше всего мне противны пошлость и аффектация. Меня раздражают только: отсутствие свободы и папизм, которые я считаю источником всех преступлений. Человеческое существо я всегда рассматриваю лишь как результат того, что законы внушили его разуму, а климат — его сердцу. Когда разбойники останавливают меня или встречают ружейными выстрелами, я испытываю сильнейший гнев против правительства и против местного юре. Но разбойник мне нравится, если он энергичен, так как он развлекает меня(...)»

СТЕНДАЛЬ О СЕБЕ

Подчеркнуто Конецким

«Внушить женщине высокое мнение о своих познаниях — это верное средство достигнуть желанного результата. У героев бывают приступы страха, у трусов — вспышки храбрости, а у добродетельных женщин — минуты слабости.

Самое большое искусство состоят в том, чтобы уметь распознать и уловить такую минуту».

Из дневника. 1801 год

(Здесь запись Виктора Конецкого: «Теоретик»).

(Анри Бейлю — 19 лет — Т. А.).

«...страстные люди не бывают остроумны, а он (друг Марсиале — Т. А.) не знает этого, так как недостаточно изучал человеческое сердце».

Из дневника. 1804 год

«Бессонная ночь; много думаю о плане «Придворного», пяти-актной комедии в стихах; я храбро решил, что не стоит записывать свои мысли, и растерял их».

Из дневника. 1804 год

«С большим удовольствием читаю в Национальной библиотеке подлинники писем Вольтера к Мопертюи. Его почерк очень похож на почерк г-на Дарю и на мой. Эти письма относятся к 1732 году...».

Из дневника. 1804 год

«Около одиннадцати часов мы поехали по одной [из четырех дорог, позволяющих выйти из горящей Москвы] и пересекли другую колонну, предварительно поругавшись с возчиками неаполитанского короля. Потом я заметил, что мы едем по Тверской, или по улице Твери. Мы выехали из города, освещенные самым величественным пожаром в мире, образовавшим огромную пирамиду, основание которой, как у молитвы правоверных, было на земле, а вершина уходила в небо...»

Из письма Феликсу Фору. 1812 год

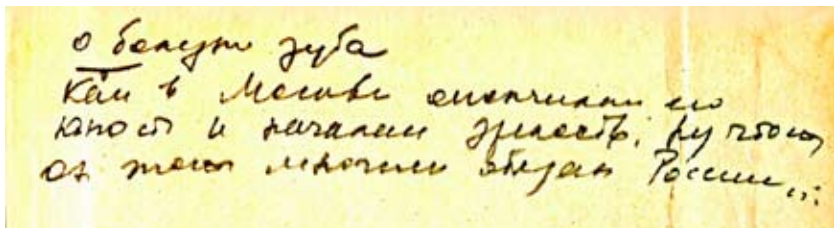
(Здесь запись Виктора Конецкого: «Почему в дневнике прошедшее вр[емя]? Лукавый Бейль!»)

«...Я пишу тебе в маленькой комнатке, где двое молодых дураков, прибывших из Парижа, высказывают свое мнение по поводу того, что надо было сделать в Москве, и не дают мне возможности связать двух мыслей; мне надо было много высказать тебе, а теперь я выдохся...»

Из письма Феликсу Фору. 1812 год

«Я оставил своего генерала за ужином во дворце Апраксина. Выходя и прощаясь во дворе с г.З..., мы заметили, что, кроме пожара в Китай-городе, который разгорался в течение нескольких часов, начался также пожар рядом с нами; мы туда пошли. Очаг был очень горяч. У меня заболели зубы во время этой экспедиции. Мы остановили солдата, который ударил два раза штыком человека, выпившего пива; я даже извлек шпагу и чуть было не ударил этого негодяя. Буржуа отвел его к губернатору, который его выпустил.

Мы ушли через час, высказав много общих мест против пожаров, что не произвело большого впечатления — по крайней мере на наш взгляд. Вернувшись в дом Апраксина, мы потребовали пустить в ход кишку. Я лег, мучимый зубной болью. Как кажется, некоторые из этих господ были так добры, что обеспокоились и выбегали в два и пять часов. Что касается меня, я проснулся в семь часов, велел запрячь коляску и поставить ее за колясками г. Дарю...

*Запись Виктора Конецкого на форзаце книги А. Виноградова
«Стендаль и его время»:*

«о болезни зуба

*как в Москве окончилась его юность и началась зрелость. Ну что ж, он
тоже многим обязан России...»*

Пожар быстро приближался к дому, который мы покинули. Наши коляски оставались пять или шесть часов на бульваре. Наскучив этим бездействием, я пошел посмотреть огонь и остановился на час или два у Жуанвиля. Я любовался комфортабельностью обстановки его дома; мы выпили там вместе с Жиллье и Бюшем три бутылки вина, которые возвратили нам жизнь...

В три часа я вернулся в веренице наших колясок и грустных товарищей. Только что в соседних деревянных домах открыли склад муки и склад овса, я велел своей прислуге взять того и другого. Они засуетились, сделали вид, что взяли много, а на самом деле все ограничилось немногим. Так они в армии поступают всегда и во всем; это вызывает раздражение. Как ни хочется не обращать внимания, в конце концов берет нетерпение, так как ко мне всегда приходят с жалобой, и я провожу несчастные дни. Впрочем, я проявляю еще меньшее нетерпение, чем другие, но зато имею несчастье выходить из себя. Я завидую некоторым из своих товарищей, которых, кажется, можно всячески обругать, не рассердив их по-настоящему; они повышают голос — и только. Они отряхивают уши, как говорила мне графиня Пальфи. «Пришлось бы быть очень несчастным, если этого не делать», — добавила она. Она права; но как давать доказательства подобного смирения, обладая чувствительной душой?»

Из письма Феликсу Фору. 1812 год

«Сохрани мою болтовню; из этих прозаических страданий необходимо извлечь хоть такую пользу: память о том, как все это было. Мне по-прежнему совсем не по душе мои боевые товарищи. Прощай, пиши мне и старайся развлекаться: жизнь коротка».

*Из письма Феликсу Фору. Москва. 1812 год
(Здесь запись Виктора Конецкого: «Молодец Анри!»)*

«...Неделю тому назад я читал «Исповедь» Руссо. Он был так несчастен только потому, что не знал двух или трех принципов «бейлизма». Манья видеть всюду обязанности и добродетель сделала педантическим его стиль и составила несчастье его жизни(...)

...Никто так не спасает меня от общества дураков, как музыка; с каждым днем она становится мне дороже(...)

...Я пишу тебе в маленькой комнатке, где двое молодых дураков, прибывших из Парижа, высказывают свое мнение по поводу того, что надо было сделать в Москве, и не дают мне возможности

связать двух мыслей; мне надо было много высказать тебе, а теперь я выдохся(...)

Из письма Стендаля Феликсу Фору. 1812 год

«...Мороз легкий, два или три градуса, но так как мы в России, каждый убежден, что он замерзнет... Я заметил, что военные, которые гордятся перенесенными лишениями, всегда встречают их весело. Сначала эта веселость, вероятно, лишь напускная. Это относится как к молодым людям, так и к людям всех возрастов, пережившим действительно острое горе. Усвоение такого веселого тона облегчается полнейшим отсутствием чувствительности по отношению к другим и к самим себе... Я прекрасно понимаю, что это главным образом объясняется их уверенностью в том, что тем, кто их слушает, глубоко наплевать на все это, но они и в самом деле уже ничего не помнят...

...Я написал несколько заметок, но потерял их. Если у меня однажды возникла какая-нибудь мысль, она уже не может возвратиться, она внушает мне отвращение. Одно это путешествие вознаграждает меня за то, что я уехал из Парижа, потому что я видел и прочувствовал такие вещи, какие литератор, ведущий сидячий образ жизни, не угадает и за тысячу лет...»

Из письма Феликсу Фору. Смоленск. 1812 год

«...у меня не было случая заговорить с женщиной с тех пор, как мы были в деревне Мариамполь, в Пруссии; это наша общая судьба. Приходится платить такую дорогую цену за зрелище города, горящего ночью, над которым до самого неба вздымается огненная пирамида шириной в полторы мили...

В Европе не знали этого города (Москва — Т. А.). В нем было шестьдесят или восемьдесят дворцов, каких нет в Париже. Все там было устроено для самого чистого наслаждения... Величайший комфорт соединялся здесь с самым тонким изяществом.

Это объясняется очень просто: тут жили тысяча человек, получавшие от пятисот тысяч до полутора миллионов ливров годового дохода. В Вене такие люди всю свою жизнь сохраняют серьезность и думают о том, как бы им получить орден св. Стефана. В Париже они ищут того, что они называют приятным существованием, то есть такой жизни, которая больше всего удовлетворяет их тщеславию; сердца их высыхают, и они неспособны понимать других.

В Лондоне они хотят принимать участие в делах нации; здесь, при деспотическом правительстве, у них остается одно — наслаждение».

Из письма сестре Полине и графине Бенью. Смоленск. 1812 год

«Я очень устал, но не болен. Я ощущаю внутренний холод. Я пью по две или по три бутылки великолепного вина, пью пунш, кофе, — ничего не помогает; я всегда голоден и мерзну».

Из письма сестре Полине. Париж. 1813 год

«...У меня было только три страсти в жизни: честолюбие с 1880 по 1811 год, любовь к женщине, изменившей мне, с 1811 по 1818 год, и вот уже год эта страсть, которая владеет мною и непрерывно растет...»

Из письма 2-же Метильде Дембовской. Варезе. 1819 год
(Здесь запись Виктора Конецкого: «Анджела Пьетра Груа»).

«Я отказываюсь верить, что любовь молодой девушки, даже в Риме, может быть лишена всякой грусти и даже, осмелюсь сказать, некоторого аромата нежности и робости».

Стендаль. «Жизнь Россини». 1823 г. СС, т. 8
(Здесь запись Виктора Конецкого: «О, Анри, ты теоретик!»).

«По-моему Россини совершенно напрасно отказался от прелестного нежного чувства: любовь, даже самая страстная, всегда полна стыдливости; лишить ее стыда значит впасть в обычную ошибку, которую совершают грубые люди всех национальностей(...)

Стендаль. «Жизнь Россини». 1823 г. СС, т. 8

«Я подозреваю, что он [Россини] перестал относиться к любви с прежней верой: для человека в двадцать четыре года это значит обрести уже немалую жизненную мудрость; тем лучше для его спокойствия, тем хуже для его таланта».

Стендаль. «Жизнь Россини». 1823 г. СС, т. 8
(Здесь рукой Виктора Конецкого: «!!!»).

«...Кардинал нашел, например, что слово *cozzar* (бороться) встречается в тексте либретто (в «*Севильском цирюльнике*» Россини — Т. А.) слишком часто. Все его рвение вызывается нежными чувствами к нравам жителей Рима и стремлением сохранить их чистыми и незапятнанными. Я не могу этого объяснить даже намеками. Я обращаюсь за помощью к путешественникам, которые провели зиму в Риме, или к тем, которые знают, например, анекдоты о возвышении Пия VI и Пия VII. И, оказывается, таких-то людей боятся развратить текстом оперного либретто. Черт возьми! Заведите еще четыре роты жандармов, вешайте ежегодно десятка по два недобросовестных судей — и вы делаете в тысячу раз больше для нравственности. Не будем уж говорить о воровстве, о взяточничестве в суде и других тому подобных пустяках. Сообразите только, что за нравы могут быть в стране, где все придворные и все государственные чиновники — холостяки. И это при таком климате и при таких возможностях!».

Стендаль. «Жизнь Россини». 1823 г. СС, т.8

«...Я признаю лишь одно правило: стиль никогда не может быть достаточно ясным, достаточно простым...

Думаю, что лет через пятьдесят какой-нибудь литературный старьевщик опубликует отрывки из моих книг, и в них, быть может, оценят отсутствие аффектации и правдивость...»

Из письма г-ну де Бальзаку. Чивита-Веккья. 1840 год

О СТЕНДАЛЕ

Подчеркнуто Конечким

«В Москве Бейль потерял живость характера и надолго лишился беспечности. Теперь он был человек, озабоченный судьбой десятков тысяч вверенных ему людей. Когда наступила минута расставания с Москвою, Бейль получил от высших чинов командования три миллиона фальшивых русских рублей и приказание во что бы то ни стало обеспечить отступление большей части французской армии. Он выехал из Москвы задолго до начала общего отступления.

Могилев, Смоленск, Витебск и Березина — самый последний момент героических усилий снабжения, — все это связано с именем скромного военного коменданта Анри Бейля, который зачастую забывал о сне, о еде, об отдыхе. Но он не забывал ежедневно бриться, пользуясь даже холодной водой, чинить свое белье и обмундирование...»

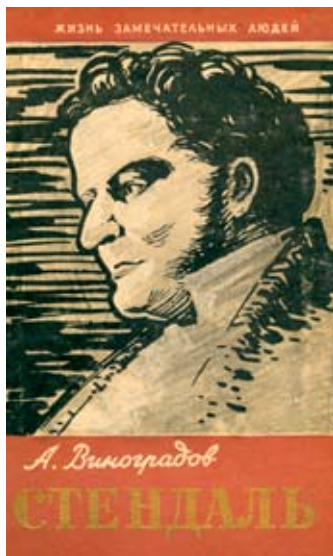
А. Виноградов «Стендаль и его время»

(Здесь запись Виктора Конецкого: «The end рассказа. Он получил этот приказ и ему захотелось выпить. Но он этого не сделал — ответственность. Он пошел бриться»).

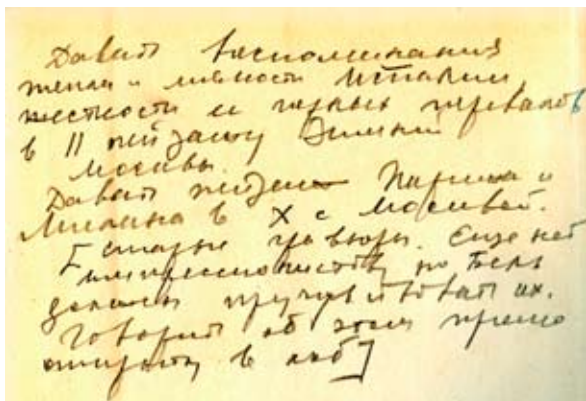
«Понимал ли Бейль новый характер войн, которые вел Наполеон? Очевидно, в 1812 году для него не было разницы между войнами первого периода революции и новыми, захватническими наполеоновскими войнами».

А. Виноградов «Стендаль и его время»

(Здесь рукой Виктора Конецкого: «!»).

Виноградов А. Стендаль и его время. М.: Мол. гвардия, 1960. (Жизнь замечательных людей. Вып. 11 (303))

Записи Виктора Конецкого на форзаце книги А. Виноградова «Стендаль и его время» (обдумывал рассказ о Стендале): «Давать воспоминания тепла и мягкости Италии, жесткости ее горных перевалов в II пейзажу Омской Москвы. Давать пейзаж Парижа и Милана в X с Москвой. [Старые гравюры. Еще нет импрессионистов, но Бейль должен предчувствовать их. Говорить об этом прямо открыто в лоб]»

«В это время [1828 год] лишенный жалования Бейль просил назначить его на любую должность в королевской библиотеке в Париже и получил отказ. Доведенный до отчаяния, Бейль пишет завещание и прикладывает к виску пистолет. Он видит в зеркале самого себя, сидящего на полу. Гулкий пистолетный выстрел отдается по коридору. Произошла осечка и обморок. Уроненный на пол пистолет выстрелил. Судьба приказывает жить. Что ж, придется покориться! А жить все труднее и труднее...»

А. Виноградов «Стендаль и его время»

«...Что же еще недостает его [Стендаля] книге «Filosofia nova» и отрывкам «Дневника» 1804 года, чтобы стать настоящим трактатом о писательском мастерстве по Стендалю? Одного важного обстоятельства — умения пользоваться воспоминаниями. В силу того, что память наша произвольно отбирает факты, неуловимо их потом изменяя, у каждого из нас создается своя собственная эстетика. Человек без всякого художественного чутья, начав писать мемуары, невольно становится художником...»

А. Виноградов «Стендаль и его время»

«...В литературе всякое непосредственное раскрытие себя идет от воспоминания. Эти нежные беседы, эти советы на расстоянии, восторженные и чуть многословные, совсем непохожи на более темные, но зато и более сильные страницы, где начинается медленное пробуждение собственной мысли Бейля. Что касается его суждений, то чем они непосредственнее, тем они менее оригинальны».

А. Виноградов «Стендаль и его время»

«Искусство передавать свои собственные ощущения на страницах книги не может быть достигнуто без труда, без колебаний, без хитростей, как только речь заходит о бурных чувствах...

Опасность поисков биографических источников (в особенности когда они полностью неизвестны) кроется в предположении, что это роман с ключом. С другой стороны, редко случается, что автобиографический элемент отражает обдуманное желание автора и включен намеренно. Для Стендаля и для многих других писателей роман строится на внешних объективных данных. Но он невольно оживает, питаясь воспоминаниями и переживаниями личного характера. Чем меньше автор над этим размышляет, тем непосредственнее воспоминания. Напрасно предполагать, что привнесение воспоминаний происходит бессознательно. В применении к художественному творчеству это звучит претенциозно и обманчиво. Достаточно уже того, чтобы оно было произвольным и походило на импровизацию, и нам будет понятно, откуда в «Красном и черном» [Стендаля] взялось это слияние разнородных элементов, эти слова с каким-то особым внутренним смыслом — слова, сотканые из желания и фантазии».

Ж. Прево «Стендаль. Опыт исследования литературного мастерства и психологии писателя»

«...даже в мемуарах, истинных или подложных, нужно, чтобы автор, умудренный собственным опытом и более хладнокровно оценивающий давно минувшие события, время от времени вносил коррективы в свои прежние суждения: тем самым он как бы противопоставляет свое безрассудство своей же мудрости. Блаженный Августин в написанной им «Исповеди» неуклонно придерживается этого метода двойного зрения, достигая высокой патетичности. Во Франции писатель часто добивается этого своеобразного раздвоения с помощью юмора, высказывая две

Прево Ж. Стендаль. Опыт исследования литературного мастерства и психологии писателя. / Пер. с франц. и под ред. А. А. Энгельке. М.-Л.: Изд-во худ. лит., 1960

различные точки зрения на историю собственной жизни. Совершенно так же как предметы становятся выпуклыми, когда на них смотришь обоими глазами, или перспектива гор углубляется, если путешественник посмотрит на нее с нескольких различных мест, точно так же и повествование становится убедительным и суждение читателя проясняется, если автор по поводу любого значительного эпизода дает нам две или несколько точек зрения на место действия и на героя. Именно этим роман, не считая других особых, присущих ему черт, отличается от рассказа. Рассказ как бы смотрит одним глазом. Поклонник Бальзака или Стендаля с изумлением заметит, что Флобер, например, почти никогда сам не вмешивается в повествование, и мы узнаем о событиях только по тому, как реагируют на них в данный момент действующие лица. Таким образом, автор утомляет, ослепляет, дает то неполное впечатление, какое производят на наши глаза вещи на слишком близком расстоянии. Поэтому суждения читателя искажаются...

Но дать разнообразные суждения об одном и том же событии совсем нелегко. Возникает риск впасть в длинноты и повторения. И самый большой риск заключается в том, что две

противоположные точки зрения на один и тот же факт не смогут примириться друг с другом в сознании читателя.

В этой столь малоизученной и столь важной области искусства повествовательной прозы «Красное и черное» — никем не превзойденный шедевр».

Ж. Прево «Стендаль. Опыт исследования литературного мастерства и психологии писателя»

«Воспоминания о недавно пережитом не очень помогают Стендалю для зарисовки портретов. Может быть, портреты как всякий описательный жанр, не удаются с первого раза. Нужно понять, посмотреть на эскиз глазами скульптора; наконец, нужно, чтобы произведение стало выше воспоминания. Только шарж или карикатура могут родиться с первого наброска».

Ж. Прево «Стендаль. Опыт исследования литературного мастерства и психологии писателя»

«В «Анри Брюларе» [Стендаля] мы ощущаем почти неприкрытую тенденцию углубиться в двоякого рода поиски, весьма существенные в работе писателя, — поиски искренности и поиски воспоминаний...

Правдивые факты могут произвольно претвориться в менее правдивый рассказ; законы логики и правдоподобия искажают воспоминания; волнующее чувство, которое вызвано какой-нибудь яркой картиной, приводит к тому, что вся атмосфера прошлого представляется чем-то единым, звучащим в унисон с этим чувством. Такого рода невольное искажение фактов Бейль подметил в «Исповеди» Жан-Жака [Руссо]; оно неразрывно связано, пожалуй, с крайне безотчетной искренностью, которая приводит к вере в себя и в свои воспоминания».

Ж. Прево «Стендаль. Опыт исследования литературного мастерства и психологии писателя»

«Можно опошлить нежные чувства, если рассказать о них подробно». Эти слова, скорее обрывающие книгу [«Жизнь Анри Брюлара» Стендаля], чем заканчивающие ее, хотят сказать: моя мечта будет опошлена для меня, если я дам о ней подробный, неловкий, несовершенный рассказ.

Чтобы не опозлить эту мечту, нужно ее воскресить, создать — рисуя ее — нечто вроде фрески, исключаяющей подробности, но тогда надо откровенно перейти к чистому вымыслу: сила чувства будет хорошо передана только при условии отказа от точности фактов...»

*Ж. Прево «Стендаль. Опыт исследования
литературного мастерства и психологии писателя»*

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ М. ВАКСМАХЕРА К «СОЧИНЕНИЯМ» СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Подчеркнуто Конецким

«...Приехав в Мадрид как корреспондент парижских газет, Антуан де Сент-Экзюпери пережил однажды трагические минуты: из-за нелепой случайности он был задержан республиканским патрулем и едва не расстрелян...

Антуан-Мари-Роже де Сент-Экзюпери родился 29 июня 1900 года в Лионе, в семье графа де Сент-Экзюпери, страхового инспектора...

Тонио (*детское имя Экзюпери — Т. А.*) рано начал писать стихи, задумчивые и грустные... Он вечно что-то изобретает, из жестяных банок мастерит телефон (телефон, радио, самолет — эти орудия человеческих связей всегда будут неудержимо притягивать его)...

Фотография Антуана Сент-Экзюпери, вырезанная из какого-то журнала. С книжной полки Виктора Конецкого

В 1919 году Сент-Экзюпери держит экзамены в военно-морское училище, но срезается на сочинении...

...После пятнадцати месяцев занятий в [Парижской] Академии [искусств] он прерывает действие отсрочки от призыва в армию и записывается во 2-й полк истребительной авиации, расквартированный в Страсбурге. Так в 1921 году определяется жизненный путь Антуана де Сент-Экзюпери...

(Здесь запись Виктора Конецкого: «доброволец»).

Вначале Антуан работал в ремонтных мастерских, потом начались занятия по пилотированию. Он сдает экзамен на гражданского летчика, получает права военного летчика, кончает курсы офицеров запаса; к осени 1922 года он — младший лейтенант 34-го авиационного полка под Парижем. Но в январе следующего года молодой пилот терпит аварию: он серьезно ранен — пролом черепа. Весной 1923 года его демобилизуют.

...Наконец, в 1926 году мечта сбывается: Антуан де Сент-Экзюпери принят на службу в Генеральную компанию авиационных предприятий, принадлежащую конструктору и промышленнику Латекоэру. В том же, 1926, году в журнале «Ле Навир д'Аржан» Сент-Экзюпери публикует свой первый рассказ «Летчик». Так одновременно входит он в авиацию и в литературу...

...Он изобретает навигационные приборы, изучает и совершенствует методы вождения самолетов, но чаще задумывается над возможностью использовать в авиации реактивные двигатели. Вот лишь некоторые из тех многих изобретений, на которые Сент-Экзюпери получил авторские патенты: «Приспособление для посадки самолетов», «Отражатель катодных лучей», «Новый метод электронно-волновой поленагации»...

...Он проходит в Бресте курс пилотирования гидросамолетов. С собой он привез рукопись своей первой книги «Южный почтовый». В том же году она вышла у крупнейшего парижского издателя Галлимара....

В октябре 1929 года Антуан де Сент-Экзюпери получает новое назначение — в Южную Америку; он технический директор

«Аэропоста-Аргентина», филиала французской компании «Аэро-посталь»...

...Проверяя новые машины в труднейших природных условиях, Антуан де Сент-Экзюпери не раз бывал на волосок от гибели...

В 1931 году вышла в свет вторая книга Сент-Экзюпери — «Ночной полет».

(Здесь рукой Виктора Конецкого: «!!»).

В тридцатые годы Сент-Экзюпери много путешествовал. Весной 1935 года он побывал в Советском Союзе...

В 1936 и 1937 годах Сент-Экзюпери побывал на фронтах республиканской Испании. Его корреспонденции печатались во французских газетах «Энтрансижан» и «Пари-суар», в них сквозит тревога за судьбы Европы, они предупреждают об угрозе всеобщей войны...

...Тридцать первого июля 1944 года в восемь тридцать утра он поднимается в воздух с корсиканского аэродрома и берет курс на Южную Францию. Запас горючего — на шесть часов. В четырнадцать тридцать он не вернулся. Чудес не бывает: горючее кончилось, ждать самолета напрасно. Антуан де Сент-Экзюпери не дождал трех недель до освобождения Франции. Он пропал без вести, его самолет упал в море, — вероятно, он был сбит фашистским истребителем. Сент-Экзюпери погиб в бою...»

«Сочинения» Экзюпери Виктор Конецкий перечитывал в Михайловском — там он встретил зиму 1965 года. Виктор Викторович работал над первой книгой романа-странствия «ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ» — позднее вспоминал, что ни какая другая книга не потребовала от него стольких усилий и преодолений себя, как эта — «Соленый лед».

В книге «Соленый лед» (опубликована в 1969-ом), он вспоминал о прекрасных девушках, приютивших его в святых пушкинских местах:

«Была зима, мороз, снега, ранний вечер, черный лес, белые березы и красное солнце за холмами.

Заиндевелые лошадки тащили сани, из саней падали на снег охапки зеленого сена. Накатанные санями колеи блистали под низким солнцем, как стальные рельсы.

Меня приютили две чудесные девушки. Они отдали мне одну комнату в маленьком деревенском домике на окраине. Только промерзшая почта и продуктовый синий ларек стояли рядом с домиком.

Глубокие снега рождали вокруг глубокую тишину. За домиком падал к речке обрыв. По обрыву росли ольхи и рябины, они стучали по ночам обледенелыми ветками. А за яблоневым садом виднелся старинный барский дом и строения усадьбы.

Мои хозяйки рано утром, еще в полной темноте, поднимались на работу. Они хохотали, споласкивая свои носы ледяной водой, и топали валенками, чтобы согреться, — к утру домик совершенно промерзал. Но девушки умели смеяться любому пустяку и смехом помогали себе и другим жить. Они баловали меня, сами приносили дрова из сарая, и становилось неудобно из-за этого. И когда

Дом-музей А. С. Пушкина в Михайловском. Фотография 1960-х годов, сохраненная Виктором Конецким в «Атласе Антарктиды» (Л.: Гидрометеоролог. изд-во, 1969)

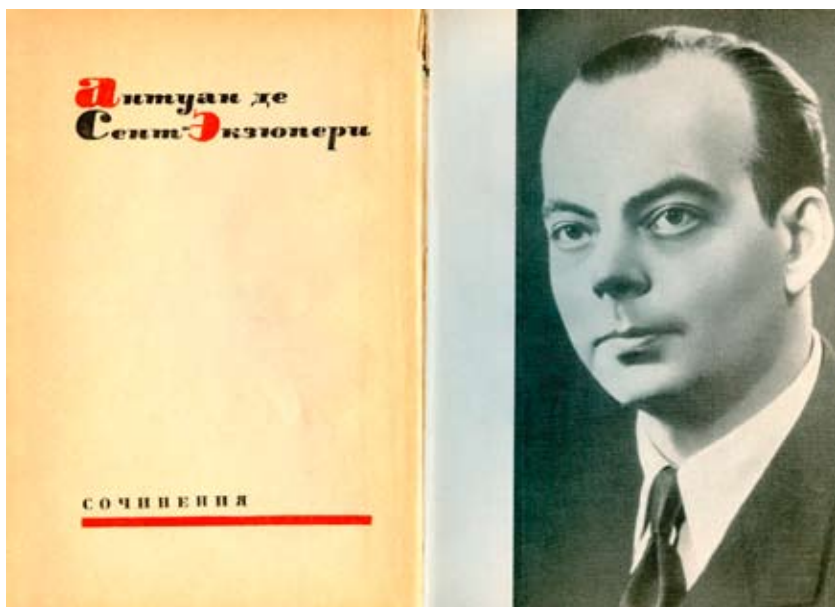
Пушкинские горы. Святогорский монастырь. Фотография 1960-х годов

морозные поленья с грохотом летели на пол возле печки, мы ругались. Я ругался, высунув из-под одеял только кончик своего носа. А они ругались и хохотали, отряхивая со своих пальтишек щепки и цепкий снег. Потом они исчезали, кинув на птичью кормушку возле крыльца крошек или крупы. И когда синий рассвет начинал пробиваться сквозь замерзшие стекла, я слышал через стенку домика стук птичьих носов по дну кормушки.

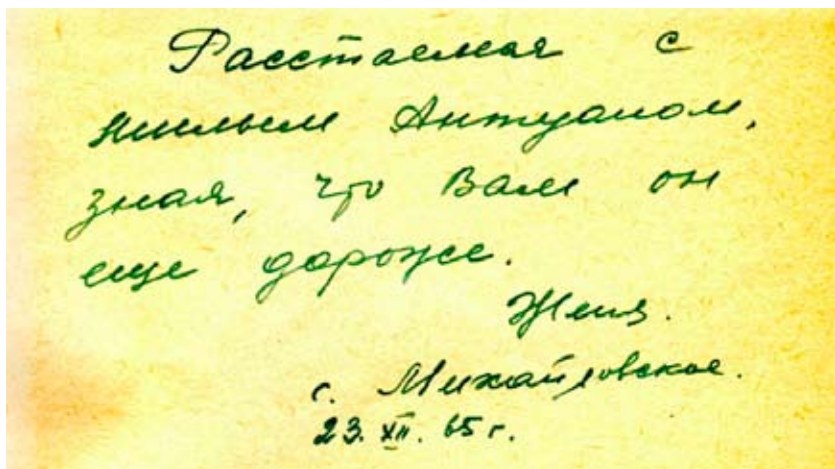
Я вылезал из-под одеял, дрожал, закуривал и топил печки. И когда с оконных стекол сползал лед, садился к столу. Все тот же лист торчал из машинки, и отчаянье захлестывало душу. Работа не шла, а тут еще надвигался очередной период безденежья.

«Мы все торопимся,— думал я.— Зачем? Правильно ли торопить время? Мы живем один раз, и надо помнить об этом. Разве успеешь понять себя, если все время торопишься? Размышления предполагают спокойствие. Надо тихо читать тихие и мудрые книги. Надо впитывать знания, быть может, тогда что-нибудь прояснится».

Я бросал машинку и брал «Жизнь в лесу» Генри Торо. И сразу он начинал меня злить. И я ловил себя на черной зависти

Сент-Экзюпери А. Сочинения. / Пред. М. Ваксмахера, ком. Р. Грачева. / Пер. с франц. / М.: Худ. лит., 1964

На шмуцтитуле книги надпись: «Расстаемся с милым Антуаном, зная, что Вам он еще дороже. Женя. с. Михайловское. 23.XII.65 г.»

к знаменитым людям. Предположим: «Не стоит ехать вокруг света ради того, чтобы сосчитать кошек в Занзибаре» — это мудро, коротко, блистательно и вроде бы неопровержимо. Но неопровержимо только для среднего, обыкновенного человека. А сам Генри Торо мог сказать: «Стоит, черт возьми, ехать вокруг света, чтобы сосчитать кошек в Занзибаре!» И опять это будет мудро, коротко, блистательно, бессмертно. Почему? Потому что это говорит известный человек. В его высказываниях так много мудрости, что она не просыплется и не прольется, даже если ее перевернуть вверх ногами. Или вот поговорка: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймашь». А если сказать «За тремя зайцами погонишься — одного поймашь» — попробуй опровергни такую пословицу, если она занесена в сборник как народная мудрость! Но если придумал ее я, то она ровным счетом никакой ценности не имеет.

За окном начинался солнечный зимний деревенский день. Чистота небес и легкость инея на ветвях елей. И многоцветье зимних лиственных перелесков.

Все цвета радуги хранит в себе зимний лес, только все они чрезвычайно нежны — и слабая зелень ольховых стволов, и прозрачная малиновость кустов, и желтизна тополей, и припудренная снегом коричневость дубов.

Летом листва буйством своих красок затмевает красоту древесных стволов. И потом стволы деревьев плохо освещены летом. А зимой снег отражает лучи света, и они снизу до самого верха высвечивают деревья. Удивительно многоцветны и нежны русские леса зимой, если к ним присмотреться.

И когда сидение за столом доводило меня до головной боли, когда пустота в душе делалась уже нестерпимой, я уходил на лыжах в лес.

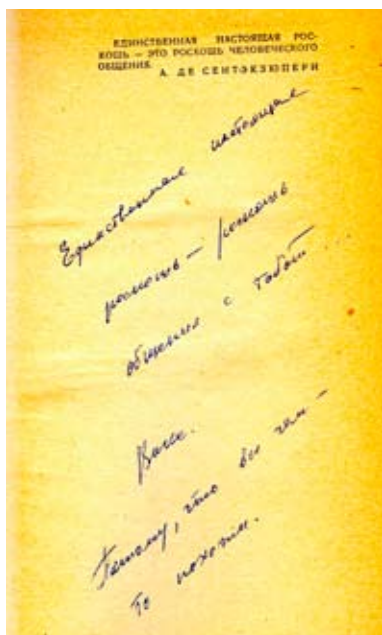
Но беда в том, что моряки редко бывают чемпионами мира по слалому. Это теперь появились водяные лыжи. Когда я переживал спортивный возраст, на такие забавы не было бензина. И нормы ГТО по лыжам мы сдавали на городском кладбище, покуривая в сугробах между могил, и отсчитывали вслух время, потому что боялись прибыть на финиш раньше Джима Черная Пуля и удивить старшину-физрука. И он, и мы знали, что честно пробежать дистанцию может только Гешка по прозвищу Конспект.

Потому я и теперь плохо хожу на лыжах и падаю на могильных холмиках. А падать и бояться горок противно, даже если никто тебя не видит.

Жуко М. Сент-Экзюпери. / Пер. с франц. Горация Велле. М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ «Мол. гвардия», 1963. (Жизнь замечательных людей)

Надпись на форзаце книги: «Единственная настоящая роскошь — роскошь общения с тобой... Вике. Потому, что вы чем-то похожи».

После каждого падения я ругался и понимал, что с эпопеей дело швах.

Если принять определение творчества как стремление к истине, то вдохновение, на мой взгляд, это восторг и восторженная тревога от предчувствия своей близости к истине. И вот этой близости во мне не было и в помине.

Мои чудесные хозяйки знали, что я не притворяюсь, что я в тяжких мучениях. И они жарили на ужин великолепные котлеты, и читали прекрасные стихи, и даже приносили иногда промерзшую, в курчавых от инея бутылках, водку. И мы пили эту водку вечером, и нам становилось хорошо. Электричество гасло часов в десять, мы сидели при свечах и топили печки. Домик нагревался, чудесно было. Водка принимала на себя груз моей запутанности и тоски. И я уже верил, что утром работа пойдет.

Наверное, совсем не следует пить водку, если у человека не получается писание...»

Я прожил на Псковщине больше месяца, когда получил письмо от капитана дальнего плавания Клименченко. Он писал: «Виктор, до меня дошли слухи, что твоя литература дала задний ход и отдала оба якоря. В этом году у нас намечается большой перегон на Север, и есть возможность устроить тебя старшим помощником капитана на одно из наших судов. На эту тему я уже говорил с нашим морраген-том в Питере. Деньги платят приличные. Нужно вспомнить «Правила предупреждения столкновения судов в море». Мои литературные дела пока тоже плохи — повесть обкорнали с двух концов. Жму твой плавник. Ю. Д.».

Я почувствовал его добрый большой плавник на своем плавнике, но не испытал оживления. «Хватит перегонов! — сказал я себе, как некогда сказал один мой герой. — Я уже стар для них. Хватит считать матросские кальсоны, и проверять свистки у спасательных жилетов, и писать бесконечные ведомости и акты. Если я пойду еще в море, то только в хороший, интересный рейс. И только на человеческом, настоящем судне, а не на речном кораблике в Арктику. Хватит Севера. Он уже стоит поперек глотки. И у меня пошаливает сердце. И давно пора для общего развития навестить какие-нибудь жаркие страны, а не остров Вайгач и остров Диксон. И потом, перегон ничем не поможет мне в писании, потому что я уже писал о перегонах, и еще двадцать человек писали, и это уже смертельно надоело всем на свете.

Но я был тронут пожатием доброго плавника.

— Лис! — сказали мне мои хозяйки. Они так называли меня за хитрую физиономию. — Киса! — сказали они, чтобы все это звучало веселее. — Брось, не уезжай! Уже скоро будет весна, и мы сделаем тебе салат из одуванчиков! Брось, Лис!

— Я суровый морской кот, а не киса, — сказал я. — И женщины не могут удержать меня возле своих юбок.

— Мы будем ходить в брюках! А ты простудишься в Ледовитом океане, и твоя мама умрет с горя, Лис! Хочешь чаю?

— Нет, не хочу.

— А пива хочешь?

Им было скучновато жить среди снежных полей и промерзших лесов уже много лет. И работа зимой у них была скучнее и тяжелее и гостей приезжало зимой меньше.

— У, Лис... путешественник!— сказали мои хозяйки.— Весной у нас всегда можно достать парного молока. Хочешь парного молока, Лис?— издевались они надо мной.

— Что вы знаете о море?— спросил я у них. И рассказал несколько жутких историй об авариях, штормах и гибели судов от прямого попадания метеоритов. Я рассказывал на чистокровном морском жаргоне. Ох, сколько есть на море и всякой прозы, и скуки, и бумаги, и тоски. Но почему-то забываешь об этом на берегу. И, рассказывая, я уже понял, что пойду на перегон опять. Я решил, что если начну работать естественную человеческую работу, и нести ответственность за людей, и получать за это каждый месяц деньги, то, может быть, совесть моя облегчится, я потихоньку втянусь в судовые заботы, отдохну от литературы, отойду от нее вдаль».

В Михайловском Конецкий читал Экзюпери, разумеется, не впервые, но в нужное для себя время... Гостеприимные хозяйки домика в Михайловском сотрудницы музея А. С. Пушкина Галина Симакина и Евгения Иванова провожали Конецкого с грустью, на прощание подарили «Сочинения» несостоявшегося моряка Антуан-Мари-Роже де Сент-Экзюпери.

Не единожды разные девушки, замечая пристальный интерес Конецкого к судьбе и книгам Экзюпери, отмечали и внутреннее его сходство с Экзюпери.

Конецкий же, так и не получил ответ на вопрос волновавший его всю жизнь — о гибели писателя.

Лишь в 2008 году стало известно, что Экзюпери погиб, действительно, в море неподалеку от Марсея — обломки и детали самолета были подняты с 70-метровой глубины в районе острова Риу, расположенного в марсельской бухте. Выяснилось, что его самолет в июле 1944 года сбил бывший пилот Люфтваффе Хорст Рипперт. Виновника той трагедии искали более шестидесяти лет, а он все эти годы хотел унести свою тайну в могилу, но передумал...

Знаю наверняка, что сказал бы Виктор Викторович, доживи он до известия о том, что место гибели Экзюпери найдено: «Дорого я отдал бы тогда, чтобы на моем счету был хоть один убитый фашист».

Я уверена, что трагическое мироощущение, свойственное личности Виктора Конецкого, было сформировано в блокадном Ленинграде, когда он осознал, как хрупка человеческая жизнь и красота этого мира.

«Сегодня нас охватывает возмущение при мысли о том, что в то время, когда Сент-Экзюпери сбили над Средиземным морем, в тот момент, когда он отдавал жизнь за Францию, французам, «свободным» и несвободным, запрещалось читать «Военного летчика». Можно представить себе, как Сент-Экзюпери должен был морально страдать, чтобы написать следующие слова: «...Я нахожусь в военной опасности, самой обнаженной, самой неприукрашенной, какая только возможна. Я совершенно чист душой. На днях меня заметили истребители, я еле удрал от них, и мне показалось это благотворным, и не из-за спортивного или воинственного азарта, которого я не чувствую, но потому, что меня ничто больше не интересует, абсолютно ничто, только качество внутренней субстанции человека...» (единственное подчеркивание Виктора Конецкого в книге Марселя Мишо «Сент-Экзюпери»).

ХЕМИНГУЭЙ

«После вахты я немного почитал «Праздник, который всегда с тобой». И, как всегда, с первых слов Хемингуэя у меня защемило душу. Когда открываешь настоящую книгу, начинаешь медленно погружаться в нее, то появляется томительное ожидание красоты, предчувствие той красоты, которая ждет тебя где-то впереди в жизни. И так веришь в то, что эта красота обязательно войдет в твою жизнь, что даже почему-то становится печально. И чувство благодарности к писателю пощипывает глаза.

Я болтался в своей койке где-то посередине Баренцева моря, тепло укрывшись одеялом поверх одежды (мы снимали только сапоги). Удобно горела над головой коечная лампочка.

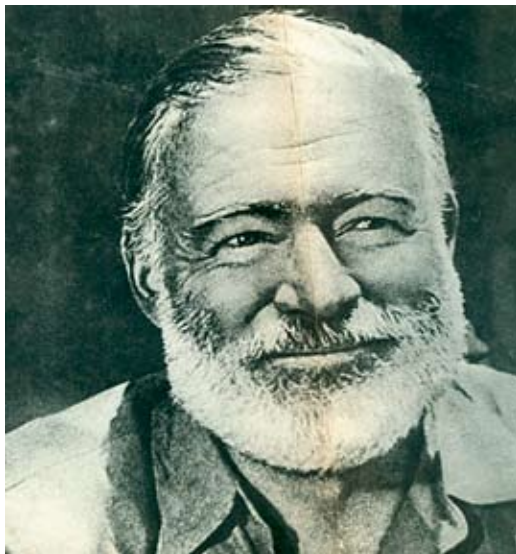
У меня не было никаких забот, кроме заботы встать через шесть часов на вахту и отстоять ее честно. Моя совесть была более-менее покойна. Волна — я слышал это по звуку — становилась меньше.

Я читал о Париже и был полон предчувствием той красоты, которая еще обязательно ждет меня впереди. Хемингуэй грустил о своей первой жене. О первой жене часто грустят в старости. Интересно, как относятся к этой грусти вторые жены? И хорошо и плохо быть второй женой большого писателя, и я думал о том, что только одну женщину мужчина берет с собою в могилу и в полет к звездам. И так, очевидно, положено от бога.

В «Празднике, который всегда с тобой» Хемингуэй много писал о еде. Он запомнил на всю жизнь, где, что и как они с первой женой ели. Он говорит, что голодал тогда. Сейчас многие на Западе подробно пишут о еде и питье и других плотских штуках. Я все-таки думаю, что они подробно пишут еду и питье не потому, что они голодали. Их голод — просто обжорство рядом с тем голодом, который знают в России. Хемингуэю даже не снился тот столярный клей, который мы ели в блокаду. А я как раз поэтому не люблю писать о еде. И совершенно не помню, где и что ем за день. А он точно запомнил то, что ел сорок лет назад в Париже. Дело тут не в голоде, а в том, что западные писатели через еду, вино и женщин хотят передать плотское ощущение жизни, ее материальность, плотность, вкус.

Читая «Праздник», я еще подумал, что Хемингуэй кое в чем начал повторяться. Только Толстой ни разу не повторился в своих художественных книгах из-за старости. Если он повторился, так делал это вполне сознательно.

Хемингуэй был честным перед самим собой. Он не боялся плохого в себе, потому что всегда боролся против плохого в себе.

Эрнест Хемингуэй. Фотография, подаренная Виктору Конецкому писателем Валерием Осиповым (Мусахановым). 8 июля 1966 года

Хемингуэй Э. Собрание сочинений. Т. 1–4. /Пер. с англ./ Под общ. ред. Е. Калашиникова, К. Симонова, А. Старцева. М.: Худ. лит., 1968

И если он чего-нибудь не понимал, то спокойно говорил об этом. Потому так сильно любят его книги у нас сейчас. Конечно, он был немного анархистом, когда писал: «Я сам часто и с удовольствием не понимаю себя», но если убрать «с удовольствием», то какой честный человек не повторит этих слов за ним?

Его герои часто одиноки, хотя он и сказал, что человек не может один. Его герои могут одни. Наверное, это оттого, что сам он всю жизнь сражался один. А сам он есть в любом его герое. Он писал: «Настоящее писательское дело — одинокое дело... Писатель работает один... именно потому, что у нас в прошлом было столько великих творцов, современному писателю приходится идти далеко за те границы, за которыми уже никто не может ему помочь». И с ним вместе уходили в далекое одиночество его герои. Быть может, потому он и пустил себе пулю в лоб? Очень тяжело долго сражаться в одиночку, амортизация души должна быть огромной, усталость тоже.

Я прочитал страниц двадцать и уснул, очень какой-то просветленный от хороших предчувствий.

И вполне естественно, что мне приснился Хемингуэй.

Виктор Коневский. 1960 год

Я был у него в гостях. Я сидел на диване, а он на стуле. И вокруг было очень много вещей. Он был добр со мной, ласков и жаловался на старость. Потом он встал и ходил по комнате, глядя на меня, говоря какие-то точные слова, разделенные длинными, медленными паузами.

А я знал, что он мертв, хотя и ходит по комнате, говорит со мной. И, как всегда, когда видишь во сне покойников, было странно и чуть жутко — и в то же время преувеличенно спокойно. Он чем-то напоминал мне отца.

Он ушел в другую комнату, легко занимаясь своими делами в моем присутствии, не тяготясь мною. А я стал смотреть на картину. Она висела передо мной. Голые ивы, изогнутые от долгих ветров, черные их стволы. И во сне, ожидая его возвращения, я думал о том, как хорошо бы попасть в такой ивовый лес и с ним вместе. И как вкусно он приготовил бы колбасу в огне костра. Как он не торопился бы ее есть не поджарив. А я всегда тороплюсь и ем что попало и как попало. А он бы ее хорошо приготовил.

Я все ждал, когда он вернется, но тут пришел матрос Рабов и заорал в дверь: «Вам на вахту!»

Я вскочил и сразу ощутил обиду и сожаление о том, что не досмотрел сон, не дождался Хемингуэя, не попрощался с ним. Был

один час пятьдесят минут 24 августа. Я видел очень отчетливый сон, такой реальный, какие я редко вижу. И мне все время было обидно, пока я натягивал сапоги, ватник и фуражку. Потом я зашел в гальюн, думая о том, как не боялся писать о таких вещах, как гальюн, Хемингуэй, и поднялся в рубку.

Шторм перестал.

Воздух прояснел за то время, что я спал. И в нем очень ясно горели огни судов сзади и справа. И огни казались уже ненужными, потому что рассветало.

От горизонта до зенита полосы туч и полосы чистого неба чередовались. Темно-фиолетовые тучи лежали на самом горизонте. Над ними светилась ярко-оранжевая полоса рассветающего неба. Потом шел слой узких и четких, как стрелы, туч. Над ними — желтая полоса, блистающая холодным атласом. Еще выше — густой слой растрепанных, сизых, беспорядочных облаков, в просветах между которыми нежно светилась голубизна.

По медленно качающейся воде бежали к судну желтые и голубые блики, но эти блики не могли сделать воду светлой. Она была по-ночному густой и темной. Блики только скользили по ней, не просвечивая в глубину.

— По правому борту виден остров Матвеева, — сказал мне Малышев.

— Мигает?— спросил я про маяк на этом острове. Мы вторые сутки не имели определений.

— Нет. Просто торчит. Рикки-тикки-тави.

— С чего ты?

— Мы вспоминали сейчас, как звали эту мангусту, и я наконец вспомнил... Возьми пеленга на оконечности Матвеева или сделай крүйс-пеленг по маяку.

— Есть,— сказал я. Мне хотелось, чтобы он меньше говорил и скорее ушел из рубки, оставил меня одного, чтобы дольше не рассеивалось то ощущение, которое оставил во мне сон, встреча с Хемингуэем.

— Флагман опять не выходил на связь,— сказал он. От пронзительного северного рассвета в рубке было холодно.

— Сходи вниз, там чай есть и каша, а я журнал запишу,— сказал Малышев. Как настоящий моряк, он никогда не торопился уходить с вахты, хотя время его и закончилось. Не следует показывать свою усталость и желание залезть в тепло койки.

Я спустился в кают-компанию, попил чаю и поел каши «сечка», все продолжая тревожно и радостно вспоминать свой сон. И вспомнил еще одну деталь — Хемингуэй угощал меня коньяком. Пожалуй, я первый раз пил спиртное во сне.

Было приятно сидеть за столом, который больше не качался. От качки, как ни привыкай к ней, все-таки устаешь.

Потом я принял вахту, взял пеленга на оконечности Матвеева и проложил их на карте.

Возле острова были отмечены шесть затонувших судов. Я представил, как они в тумане натыкались на скалы и гибли. Или наоборот, как они спешили к этому клочку суши, имея в трюмах пробоины. Как они успевали добежать к острову, и люди спускали вельботы, а корабли опускались на дно возле скал. Наверное, большинство судов погибло здесь во время войны. Я всегда думаю о погибших кораблях, когда вижу на карте значки, обозначающие их. Эти корабли кто-то когда-то победил. Или их победило море, или другие люди.

Раньше люди мало занимались философией побежденных. А теперь Экзюпери с его: «Побежденные должны молчать. Как сена». И Брехт с его: «Самое главное — научить людей правильно мыслить... Побежденные должны помнить, что и после поражения растут и множатся противоречия, грозящие сегодняшнему победителю». Хемингуэй, тот всю жизнь только и занимался философией тех, кто побежден, но все равно победил. Сегодня все больше становится ясно, что нет побежденных и победителей в мире» (из книги Виктора Конецкого «Соленый лед»).

На страницах книг Хэмингуэя (и Экзюпери) Конецкий пометок не делал. Но в книге обожаемого им Ивана Кашкина — «благодаря ему мы узнали Хэма» — многочисленные подчеркивания по тексту.

ИЗ КНИГИ ИВАНА КАШКИНА «ЭРНЕСТ ХЭМИНГУЭЙ»

Подчеркнуто Конецким

«После контузии (Хемингуэй, боец санитарного отряда, был тяжело ранен 9 июля 1918 года близ Фоссальты — Т. А.) он надолго лишился способности спать в темноте ночью и его долго тревожили кошмары; это была не только физическая травма...

*Кашкин И. Эрнест Хемингуэй: Критико-биограф. очерк.
М.: Худ. лит., 1966*

В начале 20-х годов американского читателя снабжала своей продукцией огромная, хорошо налаженная фабрика популярной литературы, мощное трестированное производство чтива... Девизом было: «литература не нуждается в качестве», а обязательным требованием к материалу — благонамеренные герои, наказанный мерзавец, счастливый конец и канонизированный Голливудом поцелуй в диафрагму...

Зимой 1920 года и весной 1921 года он напечатал в газетах «Торонто дейли стар» и «Торонто стар уикли» полтора десятка репортажей и фельетонов на самые разнообразные темы: рыбная ловля и снобизм обывателей, заметки фронтовика и репортаж о чикагских боксерах и гангстерах

Хемингуэй к этому времени твердо решил стать писателем... Многое он мог бы написать о впечатлениях своего детства и юности, пробовал это делать в рассказах, но даже много позже, в 1952 году, он заявлял: «Я мог бы написать хороший роман об Ок-Парке

(о доме родителей — Т. А.), но не пишу его, потому что не хочу делать больно живым людям».

(Здесь рукой Виктора Конецкого: «!»)

...В январе 1924 года он снова надолго прощается с Америкой и уезжает в Париж, чтобы стать писателем. Здесь ему снова приходится очень туго. Все надо начинать сначала. Ведь в ноябре 1922 года у жены его, ехавшей к нему в Лозанну, выкрали чемодан, а в чемодане было все до того времени написанное Хемингуэем: почти законченный роман, восемнадцать рассказов, тридцать стихотворений. Однако нет худа без добра: начинать можно было, минуя уже пройденный ученический этап.

Однако литературные советы Паунда (*французский поэт, в то время друг Хемингуэя — Т. А.*) едва ли направляли на верный путь не слишком удачные стихотворные опыты Хемингуэя. Стихи не заняли в творчестве Хемингуэя значительного места, но они не выпадают из общего русла...

Одной из первых публикаций Хемингуэя была напечатанная в 1922 году в нью-орлеанском журнале «Двурушник» («Double-Dealer») издательская басенка «Наконец»:

*Он старался выплюнуть истину;
Сначала во рту пересохло,
Потом он заболтал, распуская слюни;
Истина повисла на его подбородке...*

Есть еще стихотворение «Митральеза» о верной портативной машинке «Корона», которая, как пулемет, прикрывает медленное продвижение пехоты ума по труднопреодолимому полю гладкого белого листа...

...Всего известно около дюжины стихотворений Хемингуэя, из них десять были напечатаны в 1923 году в книжке «Три рассказа и десять стихотворений», тиражом в триста экземпляров...

Заготовки романа «Прощай, оружие!» создавались, вероятно, непосредственно после Первой мировой войны, и в окончательном тексте 1929 года сохранились некоторые родимые пятна увлечения Хемингуэя приемами Стайн.

...«Во-первых, — говорил он [Хемингуэй] позднее, — нужен талант, большой талант. Такой, как у Киплинга, потом самодисциплина. Самодисциплина Флобера. Потом надо иметь ясное представление о том, что из всего этого получится, и надо иметь совесть, такую же абсолютно неизменную, как метр-эталон в Париже, — для того, чтобы уберечься от подделки. Потом от писателя требуется ум и бескорыстие и самое главное — долголетие. Попробуйте соединить все это в одном лице и заставьте это лицо преодолеть все те влияния, которые тяготеют над писателем» («Зеленые холмы Африки»).

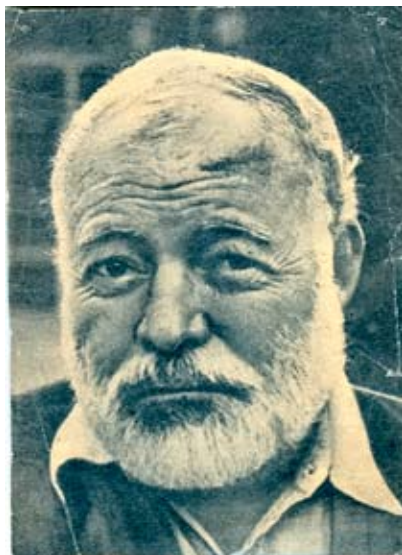
...За 1923–1924 годы у него уже снова скопилось полтора десятка рассказов, а первые две его книжки уже обратили на себя внимание. Их заметил один из лучших американских критиков Эдмунд Уилсон, талантливый сверстник Хемингуэя Скотт Фицджеральд и один из лучших редакторов в США Максвелл Перкинс, работавший в издательстве «Скрибнерс», которое впоследствии выпускало почти все книги Хемингуэя. Однако первым обратилось к Хемингуэю другое крупное издательство, «Бони и Ливрайт», где обычно печатался Шервуд Андерсон, горячо рекомендовавший издателю Хемингуэя...

(Напротив фамилии Ш. Андерсона рукой Виктора Конецкого: «SIC»).

...Осенью 1925 года в Нью-Йорке напечатан был сборник рассказов под тем же заглавием «В наше время» (уже тиражом в 1335 экземпляров). Это означало вступление Хемингуэя в американскую литературу.

Шел второй год вторичного пребывания Хемингуэя в Париже. Уже около пяти лет он общался в Европе с людьми «потерянного поколения». Накоплен был большой запас наблюдений, отточено мастерство. И вот в 1925 году это дало свои результаты. Хемингуэй задумал и в очень короткий срок написал роман «И восходит солнце», который был издан осенью 1926 года и принес ему наконец мировое признание.

...А за следующие четыре года Хемингуэй закрепил за собой звание мастера тремя книгами. Это были три кита, на которых утвердилась мировая слава Хемингуэя: роман «Фиеста» (1926), второй сборник рассказов «Мужчины без женщин», вышедший

*Эрнест Хэмингуэй. Фотография из какого-то журнала.
С книжной полки Виктора Конецкого.*

следом за «Фиестой» в 1927 году, и, наконец, второй большой роман «Прощай, оружие!» (1929).

Заглавие второго сборника рассказов объяснялось, по словам Хемингуэя, тем, что в ней жизнь показана без облагораживающего влияния женщин, но, может быть, он назвал ее так и потому, что очень ценил мужское товарищество.

«Роман «Прощай, оружие!» вышел в свет осенью 1929 года, накануне биржевого краха, возвестившего начало большого кризиса 1929–1932 годов...

В 1929 году кончилось засилье чванливого просперити, развеян был миф об американской исключительности, обнаружались глиняные ноги идола американского успеха. У многих американцев, в том числе и у писателей, раскрылись глаза на действительное положение вещей, и тем резче пошло размежевание...

Оттесненная было шумихой и суетой конца 20-х годов, старая гвардия американской социальной литературы теперь, в начале 30-х годов, заняла новые позиции. Громко раздался голос Драйзера («Трагическая Америка»), Шервуда Андерсона (роман «По ту

сторону желаний» и автобиография), Синклера Льюиса (роман «У нас это невозможно»), а за ними поднималась молодая поросль писателей, обратившихся к социальным темам. При всех оттенках и различиях одинаково взволнованно отзывались на эти темы, поднятые и обостренные кризисом, такие разные писатели, как Дон Пассос, Колдуэлл, Стейнбек, Мак-Лиш, Ричард Райт...

Хемингуэю уже не сиделось в Европе... он в 1929 году обосновался во Флориде...

Пришедшая к нему мировая слава и внешне крутой нрав вызывали и зависть, и недоброжелательство, и клеветническое копание в его личной жизни, и лицемерные причитания, что он кончился как писатель...

Независимость обернулась одиночеством.

...Однако в начале 30-х годов многое было еще впереди, и Хемингуэй переживал тяжелый кризис.

Пришла слава, достаточно шумная и назойливая...

...Хемингуэй теперь не очень противился тому, что на проценты достигнутого успеха вокруг него тоже создавалось подобие «хорошей жизни». Что ж, созданы были четыре замечательные книги, и шли слава и деньги. В 1928 году Хемингуэй купил дом в Ки-Уэсте для своей второй семьи. Ки-Уэст — рыбацкий поселок на крайней оконечности полуострова Флорида...

...Но Ки-Уэст быстро превращался в фешенебельный курорт. Дом Хемингуэя на Уайтхед-стрит стал одной из курортных достопримечательностей, и в одном из фельетонов Хемингуэй с плохо скрытым раздражением повествует о докучливых туристах, не дающих покоя и в этом литературном скиту...

(Здесь рукой Виктора Конецкого: «в комнате с ванной»).

...Хемингуэй теперь оторвался и от кипучей творческой среды в Париже. Встал вопрос — о чем писать? Теперь повышено было чувство ответственности. Писать надо о том, что видел и слышал и знаешь...

(Здесь рукой Виктора Конецкого: «не всегда»).

...Хемингуэю именно в эти годы мир не открывался как единое целое; трудно увидеть целое, стараясь, хотя бы временно,

Рукой Виктора Конецкого к фотографии «За работой»: «Эрика». «Эрика» — трофейная немецкая пишущая машинка Виктора Конецкого, купленная на первый литературный гонорар в 1957 году, обошла с ним все моря и океаны. Хэмингуэй работал на «Короне»

не замечать какие-то существенные его части. А часть без охвата целого остается все-таки только частью, как бы мастерски и правдиво она не была отработана.

Поэтому крупницы действительности, попавшие в кругозор Хемингуэя в начале 30-х годов, не помогли ему создать книг, сколько-нибудь соизмеримых с его произведениями 20-х годов...

Уже с 1933 года Хемингуэй пытался нащупать новый путь рассказами о Гарри Моргане, но это плохо у него получалось...

...За семь лет — с 1929 по 1936 год — Хемингуэй опубликовал только сборник рассказов, а также две книги смешанного и неопределенного жанра...

В особняком стоящем экскурсе книги «Зеленые холмы Африки» Хемингуэй сопоставляет вывозимые в море отбросы города Гаваны с величавым всеочищающим потоком Гольфстрима:

«Если ты совсем молодым отбыл повинность обществу, демократии и прочему и, не давая себя больше вербовать, признаешь ответственность только перед самим собой, на смену приятному, ударяющему в нос запаху товарищества к тебе приходит нечто другое, ощутимое лишь через твой собственный опыт. Я еще не могу дать этому точное определение, но такое чувство возникает, когда ты честно и хорошо написал о чем-нибудь и беспристрастно оцениваешь написанное, а тем, кому платят за чтение и рецензии, не нравится твоя книга, и они говорят, что все это высосано из пальца, хотя ты прекрасно знаешь настоящую цену своей работе; или когда ты занят чем-нибудь, что обычно считается пустяком, а ты все же знаешь, что это так же важно и всегда было не менее важно, чем все общепринятое, и когда на море ты один с этим и видишь, что Гольфстрим, с которым ты сжился, который ты знаешь и вновь узнаешь, и всегда любишь, течет так же, как тек он с тех пор, когда еще не было человека, и что он омывает этот длинный, красивый и несчастный остров с незапамятных времен, до того, как Колумб увидел его берега, и что все, что ты можешь узнать о Гольфстриме, и то, что в нем всегда было, все это непреходяще и ценно, ибо поток его будет течь, как он тек мимо индейцев, мимо испанцев, мимо англичан, мимо американцев и мимо всех кубинцев; и все формы правления, богатство, нищета, муки, жертвы, продажность, жестокость — все уплывает, как баржа, на которой вывозят отбросы в море; дурно пахнущая, вся в пятнах плесени по бортам, — она, кренясь на волне, вываливает свой груз в глубокую воду, и от него на глубину в двадцать-двадцать пять футов вода становится бледно-зеленой, и все тонущее идет ко дну, а на поверхность всплывают пальмовые ветви, бутылки, пробки, перегоревшие электрические лампочки, изредка презерватив, набрякший корсет, листки из ученической тетрадки, собака со вздутым брюхом, крыса или полуразложившаяся кошка... а через десять миль вода в нем так же прозрачна, ярка и незамутнена, как и до встречи с буксиром, волочащим баржу; и пальмовые ветви наших побед, перегоревшие лампочки наших открытий и пустые презервативы наших великих Любостей плывут, маленькие, ничего не значащие по сравнению с единственным непреходящим — с потоком Гольфстрима.

(Здесь рукой Виктора Конецкого: «Гольфстрим = Фонтанка»).

(Для сравнения см. Виктор Конецкий «Под сенью русских сфинсов в Коломне» («Никто пути пройденного у нас не отберет») — Т. А.).

...Уже с начала 1934 года он твердит о надвигающейся военной угрозе со стороны фашизма, о заговоре против испанской демократии... В одном из своих последних фельетонов «Крылья всегда над Африкой» (1936) Хемингуэй указывает на первые проявления этой угрозы: вторжение итальянцев в Абиссинию, и призывает пехотинцев понять, кто их настоящий враг...

В 1935 году уже заканчивался затянувшийся период творческой передышки и оглядки, самооценки и осмысления своего мастерства, и Хемингуэю приоткрывается наконец осознание трагедии самодовлеющего мастерства и неприкаянной силы. Однако жизнь и на этот раз пришла на выручку Хемингуэю.

В сентябре 1935 года затишье было нарушено ураганом, пронесшимся над Флоридой, причем на прибрежных рифах по официальным данным приливной волной было смыто и потоплено до пятисот человек, в том числе четыреста пятьсот человек ветеранов Первой мировой войны, а по подсчетам свидетелей, погибло более тысячи. Хемингуэй сейчас же ринулся с первой спасательной партией, а потом тут же послал негодующую корреспонденцию «Кто убил ветеранов войны во Флориде?», найдя для этого безошибочный адрес: редакцию прогрессивного журнала «Нью мэссиз»...

...Третий, последний рассказ (главу новой книги «Иметь и не иметь» — Т. А.), Хемингуэй спешно дописывал в феврале 1937 года перед самым отъездом в республиканскую Испанию...

...Вот эти предсмертные слова (Гарри Моргана, героя романа Хемингуэя «Иметь и не иметь» — Т. А.): «Человек один не может. Нельзя теперь, чтобы человек один. Все равно человек один не может ни черта». Но это не только итог романа, это добавочный вывод из впечатлений Хемингуэя об испанской войне. Он написал эту неожиданную для него концовку после первой поездки в республиканскую Испанию.

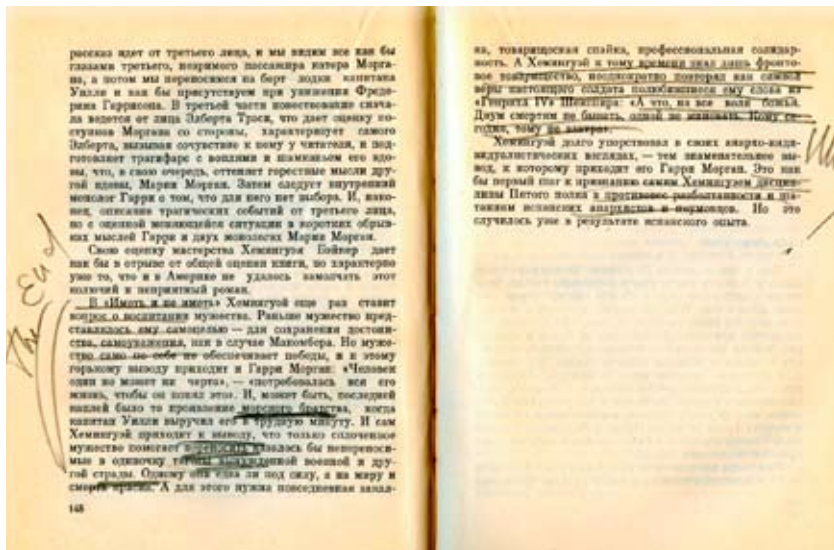
К формуле «человек не может» в 1937 году было добавлено им то слово, которое звучало как бы вопросом, — а что, если не один?...

В «Иметь и не иметь» Хемингуэй еще раз ставит вопрос о воспитании мужества. Раньше мужество представлялось ему самоцелью — для сохранения достоинства, самоуважения, как в случае

Макомбера (герой рассказа Хемингуэя «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера» — Т. А.). Но мужество само по себе не обеспечивает победы, и к этому горькому выводу приходит и Гарри Морган: «Человек один не может ни черта», — «потребовалась вся его жизнь, чтобы он понял это». И, может быть, последней каплей было то проявление морского братства, когда капитан Уилли выручил его в трудную минуту. И сам Хемингуэй приходит к выводу, что только сплоченное мужество помогает переносить казалось бы непереносимые в одиночку тяготы вынужденной военной и другой страды. Одному они едва ли под силу, а на миру и смерть красна. А для этого нужна повседневная закалка, товарищеская спайка, профессиональная солидарность. А Хемингуэй к тому времени знал лишь фронтовое товарищество, неоднократно повторял как символ веры настоящего солдата полюбившиеся ему слова из «Генриха IV» Шекспира: «А что, на все воля божья. Двум смертям не бывать, одной не миновать. Кому сегодня, тому не завтра».

(Здесь рукой Виктора Конецкого: «The End»).

Хемингуэй долго упорствовал в своих анархо-индивидуалистических взглядах, — тем знаменательнее вывод, к которому приходит его Гарри Морган. Это как бы первый шаг к признанию самим

Хемингуэем дисциплины Пятого полка в противовес разболтанности и шатаниям испанских анархистов и поумовцев. Но это случилось уже в результате испанского опыта.

(Здесь рукой Виктора Конецкого: «!»).

...вспомним толстый том, отведенный в полном собрании Л. Толстого «Хаджи-Мурату», том материалов, из которых десять лет выростали сто с небольшим страниц этой повести, или в том же издании три тома опубликованных вариантов к «Войне и миру». И все это происходит под видимой поверхностью, так что айсберг давно плавает в океане большой литературы».

(Здесь рукой Виктора Конецкого: «Он путает х.. с пальцем!»).

Из письма Э. Хемингуэя И. А. Кашкину от 19 августа 1935 года:

«Дорогой Кашкин.

Спасибо за книгу и статью в «Интернациональной литературе». Они пришли сегодня через Сарояна. А несколько раньше статью мне прислал «Эскуайр» и я прочел ее.

Приятно, когда есть человек, который понимает, о чем ты пишешь. Только этого мне и надо. Каким я при этом кажусь, не имеет значения. Здесь у нас критика смехотворна. Буржуазные критики ни черта не понимают, а новообращенные коммунисты ведут себя, как и подобает новообращенным: они так стараются быть правоверными, что их заботит только, не было бы ереси в их критических оценках. Все это не имеет никакого отношения к литературе, которая остается сама собою, если она действительно литература, кто бы ни писал и каковы бы ни были его убеждения...

Теперь все стараются запугать тебя, заявляя устно или в печати, что если ты не станешь коммунистом или не воспримешь марксистской точки зрения, то у тебя не будет друзей, и ты окажешься в одиночестве. Очевидно, полагают, что быть одному — это нечто ужасное; или что не иметь друзей страшно. Я предпочитаю иметь одного честного врага, чем большинство тех друзей, которых я знал. Я не могу быть сейчас коммунистом, потому что я верю только в одно: в свободу. Прежде всего я подумаю о себе и о своей работе. Потом я позабочусь о своей семье. Потом помогу соседу. Но мне дела нет до государства. Оно до сих пор означало для меня лишь несправедливые налоги. Я никогда ничего у него не просил. Может быть, у Вас государство лучше, но, чтобы поверить в это,

мне надо было бы самому посмотреть. Да и тогда я немного узнаю, потому что не говорю по-русски. Верю я в абсолютный минимум государства.

В какие бы времена я не жил, я всегда смог бы о себе позаботиться; конечно, если бы меня не убили. Писатель — он что цыган. Он ничем не обязан любому правительству. И хороший писатель никогда не будет доволен существующим правительством, он непременно поднимет голос против властей, а рука их всегда будет давить его. С той минуты, как вплотную сталкиваешься с любой бюрократией, уже не можешь не возненавидеть ее. Потому что, как только она достигнет определенного масштаба, она становится несправедливой.

Писатель смотрит со стороны, как цыган. Сознать свою классовую принадлежность он может только при ограниченном таланте. А если таланта у него достаточно, все классы — его достояние. Он черпает отовсюду, и то, что он создает, становится всеобщим достоянием.

Почему бы писателю ожидать награды или признания от какой-нибудь одной социальной группы или какого-либо правительства? Единственная награда писателя в том, чтобы хорошо делать свое дело, и это достаточная награда для каждого. (*Здесь рукой Виктора Конецкого: «!!»*). Нет для меня зрелища недостойнее того, как человек пыжится, стараясь попасть во Французскую академию или в любую академию.

Так вот, если Вы думаете, что такие взгляды грозят опустошенностью и делают из личности человеческий брак, то, по-моему, Вы не правы. Мера творчества не в количестве. Если тебе в рассказе удастся достигнуть той насыщенности и значительности, которых другой достигает только в романе, — твоему рассказу обеспечена столь же долгая жизнь, если, конечно, он и в других отношениях хорош. А подлинное произведение искусства никогда не умрет, какая бы политика ни была в его основе...

Р. Р. S. Вы, должно быть, не пьете. Я заметил, что Вы с пренебрежением отзываетесь о бутылке... Я лучше откажусь от ужина, чем от стакана красного вина с водою на ночь. Только в двух случаях пить нехорошо — когда пишешь и когда сражаешься. Это надо делать трезво. Но стрелять на охоте мне вино помогает. Современная жизнь часто оказывает механическое давление, и спиртное — это единственное механическое противоядие. Напишите, следует ли мне что-нибудь за мои книги, и я приеду в Москву, мы подберем

людей, знающих толк в вине, и пропьем мой гонорар, чтобы преодолеть это механическое давление».

Из письма Э. Хемингуэя И. А. Кашкину от 23 марта 1939 года:

«...А в Испании забавно было, как испанцы, не зная, кто мы такие, всегда принимали нас за русских. При взятии Теруэля я весь день был в атакующих войсках и в первую же ночь проник в город с ротой подрывников. Когда обыватели высыпали из домов и стали спрашивать, что им делать, я сказал им оставаться по домам и в эту ночь ни под каким видом не выходить на улицу; и вталкивал им, какие мы, красные, славные ребята, и это было очень забавно. Все они думали, что я русский, и когда я сказал, что я североамериканец, они этому не поверили. И во время отступления было то же...»

О влиянии Хэмингуэя на «шестидесятников» написано не мало. Не желая впасть в банальность рассуждений на эту тему, замечу лишь, что сам Виктор Конецкий называл себя «пятидесятником». Сильной стороной его творчества, мне думается, было желание обогатить тему потерянного поколения, поднятую Хэмингуэем, глубоким жизненным содержанием.

«Всё и всегда через себя»...

ДОРОГИЕ ИМЕНА

Значительную часть своей библиотеки (книги с автографами) Виктор Викторович передал в 1980-е годы в музей Ф. М. Достоевского, когда задумывалось создание на базе музея Библиотеки писателей.

Я оставляю разговор о книгах с автографами, хранящихся сегодня в библиотеке писателя за рамками этой публикации, ставя цель представить, прежде всего, дорогих Виктору Викторовичу людей.

МАРИЯ ПЕТРОВЫХ

С Марией Сергеевной Петровых Виктор Конецкий познакомился в 1970-е годы в Малеевке в Доме творчества.

Сохранилось письмо М. С. Петровых к Виктору Конецкому, оно впервые было опубликовано в книге «ЭХО», но не целиком — Виктор Викторович не позволил мне, составителю книги, привести его полностью.

Ныне привожу полный текст письма:

«Бесценный мой Виктор Викторович, наконец-то дошла до меня Ваша книга. Я кинулась на нее сразу, начала с начала, потом ткнулась в середину, потом опять — по честному — в начало.

Спасибо за счастье. Спасибо, что не забыли меня.

Господи, какой Вы писатель, какой невероятный и близкий, как сердце в груди.

Простите, что пишу бездарно, мне страшно писать Вам, я слишком люблю Вас.

Друг мой, бесценный мой друг (я смею так сказать, так назвать Вас?) — спасибо.

Когда меня что-то потрясает, я думаю о Пушкине.

Он влюбился бы в Вашу прозу. Он читал бы ее вслух Нащокину и другим — знаменитым, но худшим друзьям. И печатал бы Ваши рассказы.

Из ныне живущих — Вы самый дорогой мне, нужный, необходимый. Ваша огромная духовность, — безмерная сила и бесстрашие мысли, видение мира вокруг и души человеческой, редчайшей выразительности и точности Ваше слово — все это для меня, читателя, счастье.

Петровых М. С. Черта горизонта: Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых. / Сост. Н. Глен, А. Головачева, Е. Дейч, Л. Мкртчян. Ереван: Советакан грох, 1986.

А я, Виктор Викторович, пережила весной огромную, непосильную утрату — лишилась любимейшего человека. И так мне в моем душевном одиночестве нужна была Ваша книга... Об этом — о моем — потом, когда-нибудь, может быть, если будет возможность — из души в душу. А может быть, и не надо этого, не смогу.

Спасибо Вам. У Вас ведь еще вышла книга. Пришлите. На мой московский адрес. В середине сентября я вернусь из Голицына в Москву. Книгу Вашу я не получала так долго потому, что в Москву не ездила, а дочь моя не заходила к соседям нашим, которые забирают к себе нашу почту...

Меня радуют Ваши дружеские отношения с Марком Лазаревичем Галлаем — я его люблю, он настоящий человек и настоящий писатель. Таких как он, мало... Быть самим собой, быть и остаться таким до конца — это ведь самое главное для человека и для писателя.

Простите нескладное мое письмо. Я решила все-таки послать его, потому что все равно лучше — складнее, умнее — написать не смогу...

Мария Петровых, 20.08.76.»

Речь в письме идет о книге Виктора Конецкого «Морские сны» (Л.: Сов. писатель, 1975).

Смерть Марии Сергеевны Петровых в 1979 году была для Виктора Викторovichа неожиданной и горестной.

При жизни вышла лишь одна небольшая и малотиражная книга избранной лирики Марии Петровых — «Дальнее дерево» (1968 г.).

В какой бы из книг Виктор Викторovich не встречал имя М. С. Петровых — оно подчеркивалось. Лидия Гинзбург, Эмма Герштейн, Анна Андреевна Ахматова, Лидия Корнеевна Чуковская — круг людей близких М. С. Петровых.

«...Я издавна ставила на двух лошадок: черненькая [Мария Петровых] — в Москве, беленькая [Ольга Берггольц] в Ленинграде. Беленькая с юности разделена на части и потому сбивается, хотя талант большой... А вот черненькая... Вы читали «Назначь мне свиданье на этом свете»? Один из шедевров любовной лирики XX века...» — из книги Л. К. Чуковской (Записки об Анне Ахматовой. Т. 2. 1952–1962.).

В книге Марии Петровых «Черта горизонта: Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых» сохранилось письмо от читательницы Виктора Конецкого Веры Исааковны Адуевой, вдовы поэта и драматурга Н. А. Адуева (1895 — 1950):

«7.03.92 г. Милый Виктор! Прочитала о Севастопольском торжественном захоронении, — Вы ведь этому помогли! Понимаю, что кроме статьи в «Известиях» Вы к этому приложили руку. Как это достойно такой великой памяти, какие были люди...

Вчера я долго разбирала свою «поэтическую» полку (кстати, вышло еще одно издание Петровых, у меня его еще нет. Тираж — 25000! Какой стыд, когда на всех лотках валяются издания и переиздания «Ангелики» и т.п. Это очень мило было под «вечерний чай», но...)

И я нашла стихотворение, написанной Давидом Самойловым (М. С. его очень ценила, как поэта) в память Арсения Тарковского (отца Андрея).

Вы М. С. знали, хочется чтобы это стихотворение было и у Вас.

*Мария Петровых да ты
В наш век безумной суеты
Без суеты писать умели.
К тебе явился славы час.*

*Мария, лучшая из нас,
Спит, как младенец в колыбели.
Благослови её Господь!
И к ней придет земная слава,
Зато не сможет уколоть
Игла бесчестия и срама.
Среди усопших и живых,
Из трех последних поколений,
Ты и Мария Петровых
Убереглись от искуплений
И в тайне вырастили стих.*

Всего Вам доброго. В. И.»

АВИАТОРЫ: ГАЛЛАЙ, ЛОБАЧ-ЖУЧЕНКО, КЕРБЕР

МАРК ГАЛЛАЙ

Из книги Лазаря Лазарева «Шестой этаж. Книга воспоминаний» (подчеркнуто Конецким): «...Как-то у Анатолия Аграновского мы обсуждали возможные варианты совершенно неясного исхода одной рискованной газетной акции. В нашей компании газетчиков оказался посторонний человек — незнакомый мне приятель Аграновского, то ли научный работник, то ли врач — так почему-то подумал я. Он внимательно слушал нас, а потом под конец вдруг сказал:

— И у вас, оказывается, не знаешь, где можно гробануться.

Это был (я тихо спросил у Аграновского) летчик-испытатель Марк Галлай, один из самых блестящих представителей этой опасной профессии...

В этой небольшой компании оказался еще один человек, только что вышедший на волю, приятель хозяина дома по довоенному времени, по ифлийской аспирантуре — громогласный, излучавший доброту и жизнерадостность Лев Копелев. Кажется, он жил тогда у Белкина. Вернее, скрывался от милиции. Он еще не был реабилитирован, не имел московской прописки, милиция, видимо, по чьей-то наводке застучала его на квартире жены и строго предупредила, что Москву он должен покинуть. Такие встречи, такие беседы о пережитом, споры о том, что нас ждет впереди, стали тогда частью московского интеллигентского быта».

Лазарев Л. Шестой этаж. Книга воспоминаний. М.: Книжный сад, 1999.

«Благожелательность, радушие Галлая, я бы даже сказал, учтивость — особого питерского отлива, — кроме всех прочих его достоинств, располагали к нему самых разных людей. Июньская книжка «Невы», в которой Виктор Конецкий опубликовал подборку хранившихся у него писем, пришла в Москву, когда Марка уже не было в живых. В одном из писем речь идет о нем. Я не знаю, где Мария Петровых — поэтесса, которую высоко ценили и с которой дружили Мандельштам и Ахматова, познакомилась с Марком. Но вот что она — человек иной среды, иной судьбы, иных интересов — пишет о нем Конецкому в 1976 году: «Меня радуют Ваши дружеские отношения с Марком Лазаревичем Галлаем — я его люблю, он настоящий человек и настоящий писатель. Таких, как он мало... Быть самим собой, быть и остаться до конца — это самое главное для человека и писателя».

При терпимости, широте, деликатности Галлай был человеком твердых, жестких жизненных правил, которым следовал неуклонно, ясной и продуманной позиции по принципиальным вопросам (в том числе и политическим), с которой его нельзя было никакими силами сдвинуть. Жизнь уготовила Галлаю испытания не только в воздухе — на машине, разрушаемой флаттером, на подожженном

вражеским снарядам бомбардировщике. Но и на земле его ломали — в отделах кадров, в парткомах, в начальственных кабинетах. И чтобы выдержать эти испытания, требовалось порой не меньшее мужество...»

Герой Советского Союза Марк Лазаревич Галлай (1914 — 1998) — заслуженный летчик-испытатель СССР, доктор технических наук, писатель.

Он испытывал первые советские реактивные истребители, дальние бомбардировщики (в т.ч. реактивные стратегические), вертолеты и др..

Во время первого воздушного налета немецкой авиации на Москву 22 июля 1941 года Марк Галлай сбил вражеский бомбардировщик.

Первые три книги Марка Галлая — «Через невидимые барьеры», «Испытано в небе», «Первый бой мы выиграли» были напечатаны в «Новом мире» А. Т. Твардовским.

Марк Лазаревич умер, поставив последнюю точку в рукописи «Я думал: это давно забыто». Книга была издана в 2000 году (М.: Машиностроение).

Вспомнила: от Виктора Викторовича я впервые услышала, что говорить «Поехали!» вместо уставного «Экипаж, взлетаю» при взлёте ввел Марк Галлай, — он был инструктором-методистом по пилотированию космических кораблей первой группы космонавтов.

МАРК ГАЛЛАЙ — ВИКТОРУ КОНЕЦКОМУ

Из переписки

«Дорогой Виктор Викторович!

Вчера получил я очередную «Звезду», увидел Ваши «Путевые портреты с морским пейзажем», начал читать — и так и не выпустил из рук, пока уже ночью, не дочитал до конца.

Дай Вам бог удачи! Здорово пишете. Конечно, талантливо, но это еще не все: талант тоже бывает разный. А у Вас он, кроме всего прочего, еще и честный. Поэтому и люди у Вас не тошнотворно-святые, а нормально-человеческие (чем, кстати, и симпатичны).

Умные и глубокие у Вас мысли: и о молодежи как «черном ящике», и о внутренней логике сопротивления начальству (преимущественно, мелкому, и по мелочам).

Никогда в жизни я не был в океане, тем более, в шторм. И никогда не спускался ночью — как, впрочем, и днем — в трюм. Но сейчас мне мерещится, что и то, и другое со мной было — это Вы взяли меня с собой.

А когда Вы пишете про надежду потонуть («слабенький налет мужественности на этом обабившемся океане»), меня неожиданно заела зависть к далеким авиа-потомкам: наступит же когда-то такое время, когда и про воздушный океан можно будет сказать нечто подобное. И, слава богу, что наступит! Черт с ней, мужественностью!..

Пишите еще — очень прошу Вас об этом.

Ваш Марк Галлай. 18.03.76.»

«Дорогой Виктор Викторович!

Спасибо Вам большое за «ДОБРУЮ НАДЕЖДУ», за память, внимание и вообще за доброе отношение к моей несуразной персоне. Все, что Вы пишете, на мой взгляд, очень здорово. И то, что называют критики «печатью индивидуальности автора», содержат Ваши книги, как мало у кого другого.

Отвечаю Вам сегодня, т.к. более недели слонялся по Белоруссии, а вернувшись в Москву, не сразу нашел интересующие Вас сведения о полярных авиаторах. Впрочем, сегодня не могу сказать, что нашел шибко много.

Больше всего мне известно о Михаиле Николаевиче Каминском. Он родился в 1905 году. Его летная биография редкостна по-своему многообразию. Сначала он, как положено, был нормальным строевым летчиком. Затем в середине 30-х годов — летчиком-испытателем в интересной экспериментальной фирме знаменитого в то время П. И. Гроховского (который потом, естественно, погиб в годы ежовщины). Потом Каминский летает в Арктику, войну проводит командиром дальнего 4-хмоторного бомбардировщика, после войны возвращается в Арктику и Антарктику. Кроме всего прочего, выступает инициатором внедрения в высоких широтах самолета АН-2 и сам проводит его эксплуатационное испытание в Арктике. Последнее интересно не столько результатами этой работы (удавшейся вполне), сколько тем, что ради этого дела Каминский ушел

Галлай М. Избранное в двух томах. Т. 1. М.: Воен. изд-во, 1990.

На титуле книги надпись автора: «Дорогой Виктор Викторович! Все, что содержится в этом двухтомнике, Вы давно прочитали. Но пусть живет традиция! И – что еще важнее — пусть живет наша старая дружба. Будьте здоровы и счастливы. Ваш Марк Галлай. 23.12.90».

со спокойного, «обкатанного» и несравненно более доходного поста командира тяжелого самолета в полярной авиации. Формальные «регалии» Каминского следующие: два ордена Ленина, орден Красного Знамени, орден Отечественной войны 1-й степени, орден Красной Звезды.

Александр Павлович Штепенко родился в 1904 году, умер где-то в начале 70-х. Известный полярник и военный штурман. Герой Советского Союза. Много летал в Арктике в экипажах полярных летчиков Фариха, Козлова, Черевичного. Во время войны был штурманом полка дальних бомбардировщиков, сам много летал на боевые задания, выполнил в качестве штурмана корабля перелет в Англию и США в 1942 году с Молотовым и «сопровождающими его лицами».

О Михаиле Ивановиче Чагине Каминский сказал, что это «отличный авиамеханик, которому как-то не очень везло». То есть, по его механической части претензий не было, но по каким-то другим

причинам с самолетами, на которых он летал, происходили всякие неприятности. Тем не менее, в его активе участие в таких делах как перелет Фариха в середине 30-х вокруг всей советской Арктики, полеты с Черевичным в экспедиции по снятию со льдины папанинской группы в 1938-м и многое другое.

Если у Вас есть конкретные вопросы, касающиеся этих персонажей, пишите мне и я постараюсь ответить.

А вообще я сейчас занимаюсь тем, что копаюсь в литературных источниках, архивных материалах и официальных документах, составляя цитатным методом (единственным, который признается у нас убедительным) ответ на идиотическую, а главное, графомански пространную внутреннюю рецензию на мое «Третье измерение» — в связи с попыткой переиздания. Боюсь, что ничего из этого не получится, тем более, что издательство густо наклало в штаны, выяснив, что за свое последнее сочинение — «С человеком на борту» — я признан руководящими лицами «персоной не совсем гранта».

Вижу, что, если не по подлости, то по приверженности к графоманской пространности я приближаюсь к моему закрытому рецензенту. А посему — закругляюсь. Желаю Вам всего, всего доброго.

*Ваш Марк Галлай.
14.02.78. Москва».*

(Герой Советского Союза А. Штепенко, полярный летчик М. Каминский, полярный бортмеханик М. Чагин в 1962 году выступили с письмом в защиту Виктора Конецкого во время нападок на книгу «Завтрашние заботы» (Знамя. 1962. №5). — Т. А.).

«Дорогой Виктор Викторович!

Как известно, всякую хорошую книгу читатель, раскрыв, дочитывает до конца. Но редко, очень редко возникает желание книгу, уже известную, перечитать.

Так вот. Взял я в руки присланное Вами (за что спасибо!) новое издание «Вчерашних забот», с удовольствием отметил, что оно и по бумаге, и по полиграфии, и вообще по оформлению сделано лучше издания 1979 года, рефлекторно раскрыв книгу, прочитал страницу-другую — и убедился, что делать это безнаказанно с Вашими книгами нельзя. Кончилось тем, что я перечитал ее всю заново.

Очень уж не «вчерашние» Ваши — и мои тоже — заботы. Сильно берут они за живое: и то, что у Вас во строках, и то, что мощно вылезает между строк. Сильно берут сегодня — и будут брать дальше. Предсказываю это Вам ответственно (гораздо более ответственно, чем выдают прогнозы наши высокие руководители).

Вот и все, что хотелось Вам сказать. Ну, и конечно, пожелать Вам доброго здоровья и всех благ, возможных в наше время, в наших широтах и долготах.

Ваш сухопутный коллега Марк Галлай. 03.06.91.

Р. S. Если будет время и настроение, возьмите № 1–2 журнала «Наука и жизнь» за этот год. Там напечатаны (правда, в изрядно урезанном виде) мои впечатления от прошлогодних авиационных салонов в Сингапуре и Оклахоме».

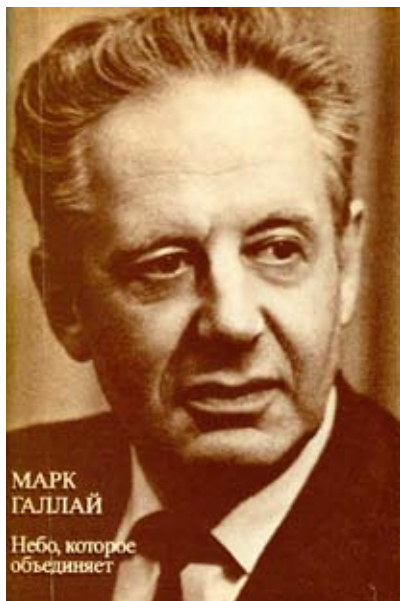
«Дорогой Виктор Викторович!

Случайно включил телевизор — и увидел Вас. В программе передач ничего внятного, в частности, Вашей фамилии не было; иначе я, конечно, смотрел бы с самого начала. Впрочем, судя по времени передачи, я пропустил не очень много: подключился, когда адмирал поздравлял выпускников ВВМУ.

*Автограф на книге М. Галлая
«С человеком на борту» (М.:
Воениздат, 1990):*

«Дорогой Виктор Викторович!
Целых три побудительных
причины заставляют
меня послать Вам эту книжку:
1) У нас же с Вами конвенция!
2) На стр. 289 я беззастенчиво
использую Ваши слова и мысли.
3) Мне вообще хочется, чтобы
мои писания были у Вас дома —
такая вот у меня блажь.
Обнимаю Вас.
Ваш Марк Галлай.
04.05.86.»

Дорогой
Виктор Викторович!
Целых три побудительных причины
заставляют меня послать Вам эту
книжку:
1) У нас же с Вами конвенция!
2) На стр. 289 я беззастенчиво
использую Ваши слова и мысли.
3) Мне вообще хочется, чтобы мои
писания были у Вас дома — такая
вот у меня блажь.
Обнимаю Вас.
Ваш
М. Галлай
04.05.86.

*Галлай М. Небо, которое объединяет. СПб: БЛИЦ, 1997.
На правой стороне переднего форзаца надпись:
«Дорогой Виктор Викторович! Здоровья Вам и
счастья. Обнимаю. Ваш М. Галлай. 09.10.97».*

Во всем, что Вы пишете и что говорите, всегда привлекает естественность, отсутствие позы, умение касаться тем «героико-романтических» без внешнего пафоса, отчего и героизм, и романтика просматриваются только лучше. Сегодня Вы заметили, что не моряки в сущности завидуют морякам. Я всю жизнь занимался делом, тоже достаточно завидным (во всяком случае, о выборе, сделанном мною в юности, ни разу не пожалел), но, слушая Вас, поддался: а, может быть, жаль, что не поплавал... Так что, насчет силы убеждения у Вас все в порядке. Как, скажу без лести, и насчет многого другого.

Долго не имел от Вас никаких сигналов. За это время поболел: и на операционном столе, и в кардио-центре побывал. Никаких книжек после имеющегося у Вас двухтомника «Избранного» не публиковал — сейчас для этого нужны такие деньги, какие у пенсионера (даже в полковничьем звании) не водятся. А писать «в стол» неохота.

Как Вам живется? Здоровы ли? Не хочется ограничиваться с Вами только односторонним телевизионным контактом, хотя, повторяю, и от него я сегодня получил большое удовольствие.

Желаю Вам всего доброго и крепко жму руку.

Ваш М. Галлай (телезритель). 20.09.95.»

«Дорогой Герой Летчик!

К сожалению, я тоже не могу подарить Вам (помните, мы договаривались) свою новую книгу. За это время я также прошел и хирургические столы и всякое другое.

Вы называете себя полковником, это Вы кокетничаете, потому что Вы еще Герой (истинный) и лихой писатель.

Я понимаю, что Вам, кроме «воздушного океана», хотелось бы еще искупаться в морском. Знаете, когда я Вас последний раз видел за рулем автомобиля, то отлично понял, что мне Вас никогда не догнать.

Ваш почерк я узнаю мгновенно на конвертах. Думаю, что, если бы я был у Вас вторым пилотом или штурманом, мы бы не подвели друг друга.

Днями умер Б. Б. Лобач-Жученко.

Глубоко благодарен Вам за письмо. Оно было чуть ли не единственным откликом на передачу. Я продолжаю серию передач о флоте. Убежден, что без Каминского, Галлая, Аккуратова мне не осветить 300 лет Русского флота.

Помогите мне, чем можете: сюжеты, точные координаты погибших летчиков на трассе СМП и т.п., ибо не все припоминается, не все нужно выносить на огромную аудиторию России. Таким образом, я не просто отвечаю письмом на письмо, как мы делали много лет, а надеюсь на то, что Вы мне серьезно поможете, поискав интересные направления в моей телевизионной работе. Здесь, г-н Полковник, я разрешаю себе нотки приказа, ибо это нужно не мне, не Вам, а нашей истории.

[...]

Обязательно передайте наш с Таней поклон и пожелания всего доброго старшине 2 статьи Кацевой.

*Ваш Виктор Конецкий.
05.10.95. СПб.»*

«Дорогой Виктор Викторович!

Из Ваших поручений я незамедлительно выполнил (с удовольствием) одно: передал привет старшине 2-й статьи Кацевой. Кстати, давайте, с учетом выслуги лет и заслуг произведем ее в адмиралы.

Хуже обстоит дело с летчиками СМП. Я сам в Арктике не летал (если не считать полетов на дальность с «заходом» в Арктику, без посадки, в ходе которых установил точно, что облака сверху во всех широтах одинаковые). А спросить мне практически некого: Шевелева, Алексеева, Водопьянова, Аккуратова, Рубинштейна нет в живых. Нынешних же я не знаю.

Могу посоветовать Вам написать и задать интересующие Вас вопросы полярным летчикам (ветеранам Арктики) — Виктору Михайловичу Перову, Владимиру Васильевичу Малькову.

Я им обоим звонил и они готовы ответить [...]

А Ваше замечание о старости и смерти, которые, как Вы обоснованно считаете, суть «штуки омерзительные», наверное, разделит большинство людей, переваливших за «среднюю продолжительность» жизни. В том числе — и я. Но с оговоркой: пожить еще я, конечно, не прочь. Однако — не в любом виде! Продолжать жить, если, не дай бог, хватит кондрашка или наступит полное разжижение мозгов, смысла не вижу. Поэтому, хотя второе «когда» мне отнюдь не безразлично, но гораздо больше занимает меня вопрос «как». Хорошо бы во сне. Или так: шел, шел, упал — и умер.

Впрочем, если мне на 82-м году жизни прикидки подобного рода и приличествуют, то Вам — рановато.

Пожалуйста, живите. И возникайте, нам на радость, почаще в передачах и на телевидении.

Ваш М. Галлай. 08.11.95.

P. S. А сюжет один могу предложить: выступить (применительно к полярной тематике) против модных нынче измышлений и всяких «сенсаций» в раскрытии «тайн прошлого». Какие-то тайны подобного рода есть, но больше выдуманных. Вроде того, будто экипаж Леваневского не погиб в Арктике, а упал чуть ли не в Якутии».

БОРИС ЛОБАЧ-ЖУЧЕНКО

Из эссе Виктора Конецкого «Он поэмы этой капитан»:

«...Человеческие судьбы обладают удивительной силой эстафетности и способностью неожиданно переплетаться.

Прошлой осенью был у меня в Комарово его одногодок Борис Борисович Лобач-Жученко, внук Марко Вовчок. В прошлом авиационный штурман и авиационный приборостроитель, литературовед и... яхтенный капитан. Прибыл он, чтобы пригласить меня принять участие в кругосветных парусных гонках.

Смотрю на Бориса Борисовича, удивляюсь его молодости, густой шкиперской бородке, поджарости, быстрой и решительной повадке, спрашиваю:

— Интересно так долго жить?

— Да, если можешь ухаживать за собой сам и путешествовать в одиночестве.

— Ваша главная ошибка в жизни?

— В сорок и пятьдесят лет беспрерывно думал о том, что жизнь кончена и все уже в прошлом. Роковая ошибка. Только в шестьдесят смог избавиться от этого наваждения. И только после

На книге Б. Б. Лобач-Жученко «Записки последнего гардемарина»: «Дорогому Виктору Викторовичу Конецкому на память о знакомстве 2 сентября 1980 г. в Комарове и возникшей дружбе. Хорошее отношение людей — непреходящая ценность жизни, всегда колющая шипами и не обязательно благоухающая розами. От автора опуса. Москва».

шестидесяти, последние двадцать пять лет, живу свободно от гнета смерти и весело.

За разговорчиками он выпил коньяку, две чашки крепчайшего кофе, и тут выяснилось, что Борис Борисович влюблен в тридцатилетнюю украиночку и что это самое великое и прекрасное чувство в его жизни. Для документального подтверждения этого факта Борис Борисович извлек из пиджака бумажник, а из бумажника фотографию украиночки.

Я интересуюсь:

— Где это вы получили такую закуску и закуску?

— В Морском корпусе.

— Это в каком же году вы его кончали?

— В семнадцатом.

— Борис Борисович, а вы случайно Сергея Колбасьева не знали?

— А вы «Арсена Люпена» читали?

— Конечно. Мне послесловие к Колбасьеву писать надо.

— Так Лобачевский — это я, грешный. Только там Сергей накрутил на меня всяческих безобразий...

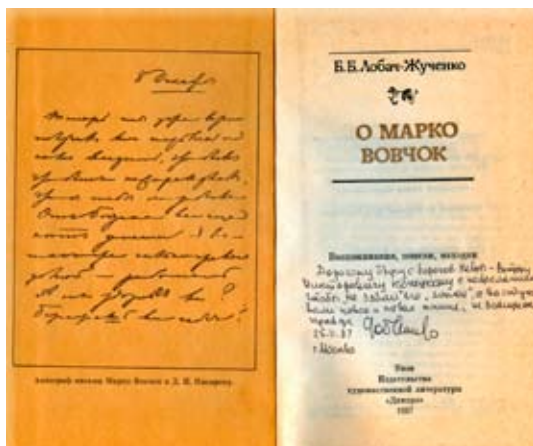
*Дорогой наш Бэ-Бэ. Борис Борисович Лобач-Жученко.
Фотография прислана к моим именинам в январе 1994 года.*

Ба, надо же! Борис Лобачевский! «Юноша способный, но с поведением всего на девять баллов и к тому же язвительный...» Гардемарин, который шестьдесят лет тому назад «безошибочно умел попадать в лазарет, когда ему только хотелось, и обязательно выписывался в пятницу, чтобы в субботу пойти в отпуск». Который отлично умел ладить со всеми врачами и даже со сварливым Оскаром Кнапперсбахом, по специальности акушером...

И вот этот «неистребимый и изобретательный шалопай» Лобач-Жученко — Лобачевский — Арсен Люпен сидит живехонький передо мной на фоне неплодоносящих комаровских яблонь в Доме творчества ленинградских писателей и уговаривает отправиться в кругосветную гонку на парусной яхте. И уговорил! Но, к счастью, гонка не состоялась...

— Как вы умудрились уцелеть в мировую, в Гражданскую, в тридцатые, в Отечественную?

— Это у Сергея объяснено. Помните? «В силу железного закона войны на фронте всегда собирается значительно лучшее общество, нежели в тылу». Лез в пекло, ибо наступление — лучший вид обороны.

Лобач-Жученко Б.Б. О Марко Вовчок. Воспоминания, поиски, находки. Киев: Изд-во худ. лит., 1987.

На титуле книги надпись автора: «Дорогому другу с берегов Невы — Виктору Викторовичу Конецкому с пожеланием, чтобы “не зябли” его “лапки”, а отстукивали новые и новые книги, не боящиеся правды. Б. Лобач-Жученко. 25.11.87. г.Москва».

— А как вас занесло в небеса, в авиацию?

— Сразу после корпуса соблазнили туда Борис Чухновский и Волынский — этот потом разбился в Севастополе... И Васья Лавров — этот потом командовал воздушными силами республики...

Врать не буду, каких-нибудь распространенных воспоминаний о Сергее Колбасеве мне из Арсена Люпена выудить не удалось. Только ругал он своего дружка за то, что в книге Лобачевский курит, а он, Борис Борисович Лобач, в те времена не курил. Ругань его была полна нежности. Вспомнил еще, что у Сергея для стихов была тетрадь в жестком переплете и с ключиком...

Я не удержался и задал дурацкий читательский вопрос на тему «было в жизни или не было»:

— А все-таки вот старший лейтенант Иван Посохов пришел к выводу, что в подвешивании брюк лейтенанта Стожевского на люстру участвовали двое, из коих один стоял на стуле и держал на руках другого. Так вот, Борис Борисович, безумно хочется знать, кто из вас был наверху, а кто внизу?

— Забыл. Это все мелочи, Виктор...»

Борис Борисович Лобач-Жученко (1899—1996) родился в Петербурге в семье инженера-механика флота. Учился в Морском корпусе. В феврале 1919 года добровольно вступил в ряды Красной Армии.

Во время Великой Отечественной войны служил во 2-м запасном авиационном полку Военно-морского флота.

Автор более десятка книг и научных статей по боевому применению морской авиации и по парусному флоту, автор замечательной книги о своей прабабушке «О Марко Вовчок».

Б. Б. Лобач-Жученко не стало в сентябре 1995 года. Виктору Коцецкому удалось продиктовать «Комсомольской правде» несколько слов в память о друге: «...Он ушел в 95 лет. Однажды, когда ему было 80, он долго уговаривал меня сходить с ним старпомом в кругосветку. На яхте! До последней минуты своей жизни он продолжал работать над мощной книгой о своей морской юности. Царствие ему небесное, вечный покой» («Комс. правда, 1995, 23 сент.).

ЛЕОНИД КЕРБЕР

С Леонидом Львовичем Кербером Виктор Викторович был знаком по переписке (1989 — 1993); впервые Кербер написал писателю, прочитав заметки Виктора Конецкого «Париж без праздника» — он был знаком с героем заметок Виктором Платоновичем Некрасовым.

Письма Л. Л. Кербера вошли в книгу Виктора Конецкого «ЭХО» (вокруг и около писем читателей).

Привожу здесь два письма, которые остались «за бортом» этой книги:

«Дорогой Витя, ваш звонок вывел меня из состояния мрака... Я прыгнула в машину и огородами (ул. Горького была перекрыта) пробралась в Замоскворечье на 2-й Павловский. Уже из-за двери я услышала голос благородный и улыбочивый (фу, слово дурацкое, но правда). Дверь открыл аккуратный, очень пожилой человек, вовсе, однако, не старик, в очень хорошей тонкой светло-голубой свежей рубашке, в полотняном пиджаке, в изрядно поношенных

Леонид Львович Кербер. Фотография из архива Виктора Конецкого.

домашних брюках. На голове самодельная шапочка типа той, что на портретах профессора Зелинского, кажется. Он извинился за домашний вид.

Я объяснила, что твоя подруга и рада поздравить его с праздником Победы от твоей семьи и себя. Приняв сверток с коньяком, он сказал: «Кажется, я все понял. Я только что с ним говорил». Мы рассмеялись и пошли в кабинетик в конце типичной совквартиры в панельном доме, аккуратной, но носящей следы то ли достойной бедности, то ли старости хозяев.

Ты был стопроцентно прав, мне с ним стало легко с первой секунды, как обычно бывает с людьми высокой пробы. Единственно, что меня мучило, так это отсутствие у меня цветов — и торопилась сильно и не попалась по пути. Они были бы весьма-весьма уместны — это из тех домов, куда надо приходиться с цветами.

Был он приветлив, открыт, весел и совершенно не укладывался в набросанный тобой и дорисованный моим сентиментальным воображением образ. Я попросила его выпить рюмку по случаю великого праздника, сожалея из-за своего шоферского положения. Он рассмеялся и сказал: «Чиниться не стану». Выпил рюмку, закусил принесенной вафелькой, убрал ее на полочку секретера и сказал: «Блаженство». И тут я увидела, как он хромает.

Пришла медсестра — вколоть ему нечто сердечное.

Потом я присидела у него два с половиной часа. Болтая обо всем на свете — с ним очень легко говорить. Он рассказывал мне довольно откровенно, не без изящества о себе, я — о тебе... Попросила разрешения его сфотографировать, он легко согласился.

Затем пришла его жена, очень сухонькая, маленькая. По ней можно уже догадаться о его серьезном возрасте. Да, забыла: у него красивые, породистые и совсем не старые руки. Говорит много, но старческой болтливостью это не назовешь. Ну и, конечно, музыка речи, а то мы ведь больше среди какого-то жаргона, убожества речевого или матюгов пребываем.

Вить! Это что у них, голубокровных, такие гены прочные?

Словом, я вернулась счастливая.

Вить, он спрашивал: «Как вы думаете, увижу я Виктора Викторовича в этой жизни?» Увидь! Не пожалеешь...

Галина Долматовская. 9.05.90».

«Дорогой В. В.! История появления Гали с коньяком — настоящий святочный рассказ, типа купринского о Пирогове. Вот смейтесь сколько желаете, а вспоминаю и почти та же реакция.

Дома один. Мрачен — 9 Мая не каждый день, а тут сухо. Давно дал внуку денег и наказал: чего хочешь, а добудь! Не идет. Мрачнеею все пуще. Звонок. Иду открывать дверь мрачнее тучи, кого-то черт несет. Открываю. Незнакомка, миловидная. В руке сверток завернутый, как цветы. Думаю, этого мне только не доставало, и мрачно ей: «Вам кого?» С букета цветов сдираются одежды и — о, счастье! — она любимая и девственница.

И как молния — это устроил В. В.!

Не знаю, чувствовали Вы 9-го «озарение за ликом Саваофа». Так или иначе, но именно пучок флюидов устремился к Вам. Мы мило поболтали. Ангел заставил меня пригубить (вот он, дивный момент путника в Сахаре, выбросившего пустую баклажку еще вчера!), но сам отказался — за рулем.

Вскоре пришла Елизавета Михайловна, я их познакомил, но Галя тут же ушла, а жена потянула носом и учуяла. Она чувствует, если в км — одна молекула.

Так или иначе, внезапно как шквал или молния, день Победы озарился.

Определяю курс 315%, становлюсь на колени и бью поклоны в сторону града святого Петра — Вам.

Девиация и склонение не учтены.

Как хотите, а это фантастика...

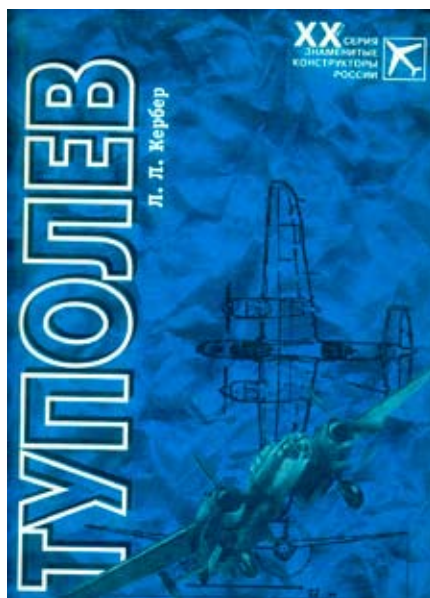
Л. Л. Кербер. 15.05.90».

Леонид Львович Кербер (1903 — 1993) — авиаконструктор, доктор технических наук, заместитель А. Н. Туполева по оборудованию самолетов.

Награжден двумя орденами Ленина, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги» (в 1967 г. за участие в Гражданской войне), лауреат Ленинской премии и Сталинской премии I степени.

В предисловии к книге «ТУПОЛЕВ» Л. Л. Кербер рассказал о себе:

«Я происходил из чуждого Октябрю класса. Отец был морским офицером и закончил жизнь вице-адмиралом. Вскоре после

*Кербер Л. Л. ТУПОЛЕВ. СПб: ПОЛИТЕХНИКА, 1999.
(XX век. Серия «Знаменитые конструкторы России»).*
*На титуле книги надпись сына автора книги Михаила Кербера:
«Дорогому Виктору Викторовичу на память об отце — его много-
летнем почитателе и корреспонденте. М. Кербер».*

Октября его жену вместе с нами, его детьми, выселили из столицы. Мы перебрались к сестре нашей матери в г. Лугу. Надо было существовать, и я поступил на Лужский артполигон телефонистом. Вскоре из работников полигона сформировали артчасти 11-й Петроградской дивизии, которую впоследствии отправили на фронт. После боев с белополяками нашу дивизию расквартировали в Петрограде. Весной 1921 года кронштадтские матросы подняли восстание против коммунистической диктатуры. 32-ю бригаду нашей дивизии бросили на штурм крепости. Телефонисты тянули линии связи из деревни Мартышкино по льду в крепость. Похоронив павших красноармейцев и множество расстрелянных матросов, мы вернулись в город. Я демобилизовался и уехал к брату В. Л. Кербер-Корвину в г. Таганрог, где он служил на авиазаводе.

В 1922 году инженеры таганрогского завода М. М. Шишмарев, Н. Г. Михельсон и В. Л. Кербер-Корвин заняли первое место

на конкурсе проектов морского истребителя. Для постройки этого самолета их вызвали в Москву. Поселились мы возле Ходынского аэродрома, где я и начал работать по установке радиоаппаратуры на самолетах и отработке радиосвязи.

В начале 30-х годов в ЦАГИ проектировали самолет АНТ-25 для завоевания мирового рекорда дальности беспосадочного полета. Для него Штаб дальних перелетов (Орджоникидзе, Ворошилов, Алкснис) на заводе Морзе (ныне «Темп») заказал радиостанцию. Ее и поручили испытать мне в перелете до Читы на самолете ТБ-1 (летчик Городилов). Испытания прошли отлично, и главный конструктор Туполев пожелал детально ознакомиться с нами. Тогда впервые я и встретился в этом выдающимся человеком.

Вскоре после этого мне поручили установить на бомбардировщиках ТБ-3 радиопеленгаторы. Напряженная обстановка на Дальнем Востоке не исключала конфликта с Японией, а летать над морем без средств радионавигации было невозможно. Занимаясь этой работой, я понял, что авиаштурманы с радионавигацией не знакомы. У моряков же ею пользовались широко. Опираясь на труды Сакеллари, профессора морской академии, я написал для авиационных штурманов работу «Самолетные средства радионавигации и их эксплуатация». Вернувшись в Москву, я был вторично вызван к Туполеву. Он высоко оценил проделанную работу, а мой труд распорядился напечатать. Это была первая в нашей стране публикация в области авиационной радионавигации...»

В октябре 1937 года А. Н. Туполев был арестован, вскоре посадили в тюрьму и Л. Л. Кербера, он оказался в Кулойлаге на лесозаготовках. Когда вокруг Туполева была организована спецтюрьма ЦКБ-29 НКВД для разработки новых боевых самолетов, он вытребовал Леонида Львовича вместе с другими авиаспециалистами из лагерей. Кербер оказался в «шараге» в должности начальника конструкторской бригады оборудования.

В 1952 году Туполев назначил Л. Л. Кербера своим заместителем по оборудованию самолетов. Он проработал в этой должности до 1968 года. Разработка оборудования всех самолетов от АНТ-58 (Ту-2) до Ту-154 лежала на нем.

В 1971 году в издательстве «Посев» вышла книга Л. Л. Кербера (под псевдонимом Г. Озеров) «Туполевская шарага».

ИЗ КНИГИ Г. ОЗЕРОВА «ТУПОЛЕВСКАЯ ШАРАГА»

Подчеркнуто Конечким

«Особо следует отметить ярко показанное автором отношение вольных к заключенным в «шараге». Это отношение существенно отличается от описанного А. Солженицыным в «Круте первом». Если в начале пятидесятых годов [XX века] — время действия романа Солженицына — это отношение было враждебным, то в тридцатых годах [XX века] — время действия «Туполевской шараги» — оно было явно доброжелательным. И эту доброжелательность проявляли не только вольные сотрудники ОКБ, но и рабочие заводов, на которых по ходу дела иногда приходилось бывать «вредителям» из «шараги». Это подтверждается и моим собственным опытом, относящимся к первой половине тридцатых годов. Объяснение, вероятно, в том, что в тридцатых годах еще сохранялись традиционные отношения к заключенным, как к пострадавшим, и моральное разложение общества, присущее сталинскому режиму, еще не достигло такой глубины, как в пятидесятых годах.

С двумя выводами автора, однако, нельзя согласиться.

Озеров Г. Туполевская шарага. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1971.
На правой стороне переднего форзаца надпись сына автора: «Дорогому Виктору Викторовичу на память об Л. Л. Кербере — авторе этой книги. Михаил Кербер».

Во первых, не выдерживает критики утверждение автора, что система «шараг» имеет свое происхождение в дореволюционной российской бюрократии...

Во-вторых, ошибочно утверждение автора об эффективности труда в «шарагах». Автор путает продуктивность творческой деятельности отдельных «вредителей», заключенных в «шарагах», с эффективностью системы в целом.

Творческая производительность отдельных заключенных — это трагедия специалиста, знатока своего дела, который не может не работать добросовестно и эффективно, преодолевая все сопротивления окружающей системы, в том числе и условия своего заключения. Это — трагедия Ивана Денисовича, описанная А. Солженицыным, во время кладки кирпичной стены, когда Иван Денисович дорвался до настоящей работы; это трагедия мостостроителей на реке Квай; это — трагедия А. Н. Туполева и его коллег, оказавшихся в «шараге». Они не могли иначе работать над своим любимым делом, как вкладывая всего себя в это дело. Но давало ли это суммарную эффективность?»

(Из предисловия С. Кирсанова «О “Туполевской шараге”»).

«А. И. Солженицын в романе «В круге первом» описал одно из закрытых конструкторских бюро НКВД, именовавшихся среди заключенных «шарагой».

Главный герой романа Глеб Нержин вместе с другими специалистами работает над задачей идентификации личности по подслушанным и записанным телефонным разговорам. Читая книгу, видишь, что автор хорошо знает среду и людей, о которых идет повествование. И все же это литературное произведение с фабулой, характерами героев, конфликтами между ними, а частично и ситуациями, порожденными творческой мыслью талантливого автора. Пусть не подумают, что этим я утверждаю, что в книге сгущены краски или допущены преувеличения. Отнюдь нет, скорее наоборот, некоторые стороны «шараги» в ней сглажены.

Мне пришлось прожить в «шараге», созданной Берия вокруг крупнейших русских авиационных специалистов, четыре года.

Согнанные из всех лагерей СССР, их в 1938 году привезли в Болшево, в бывшую трудкоммуну ОГПУ, затем перебазировали в Москву в здание КОСОС ЦАГИ на ул. Радио, а после начала войны отвезли на завод № 166 НКАП.

В изложенных ниже записях вымысла нет. Выражаясь английской формулой, в них «правда, только правда и одна правда».

«...Погашен свет, что тоже приятно — в камерах, бараках, столыпинских вагонах в потолке день и ночь сияют «тысячевольтные осрамы»...»

(Здесь рукой Виктора Конецкого: «см прим. №18 «Маяковский»).

Прим. № 18:

«Из стихотворения, написанного Маяковским, на назначение Фрунзе наркомвоенмором взамен Троцкого:

*Заменить ли горелкою Бунзена
Тысячевольтный Осрам
Что после Троцкого Фрунзе нам,
после Троцкого Фрунзе — срам».*

«Все оказалось гораздо проще. Приняли нас не как «врагов народа», а как обиженных жизнью людей. По утрам в ящике стола мы находили знаки их [«вертухаев»] трогательного внимания — цветок, конфеты, пачку папирос и даже газету. Пообвыкнув, они даже откровенно сообщали: «А с Н. будьте осторожны, он — “стучач”». Так уживались в этих людях бесправие, хамство, доносы с нежностью, всепрощающей любовью и готовностью к жертвам. А ведь с ними вели «работу», рассказывали о наших кознях, как Туполев продал Мессершмитту чертежи ME-110, как Королев задумал побег за границу, как Бартини, личный агент Муссолини, пробрался в главные конструкторы, наконец, им просто угрожали, что за либеральное отношение к нам или, не дай Бог, за передачу на волю семьям каких-либо записок, их быстро переквалифицируют из «вольняг» в эков. Как же не вспомнить добрым словом их, наших «вольных» друзей, как не поклониться им за их трогательные знаки внимания, наконец, как не гордиться своими соотечественниками, оставшимися, несмотря на растлевающую пропаганду, людьми».

«...Последнее и самое радостное — переносчиками информации были наши вольнонаемные сотрудники, фамилии которых мы пока не откроем...»

«Сергей Павлович Королев, будущий создатель космических ракет, был доставлен из Колымы, где обушком добывал золотишко. Небольшого роста, грузный, с косо посаженной головой, умными карими глазами, скептик, циник и пессимист, абсолютно мрачно смотревший на будущее. «Хлопнут без некролога» — была любимая его фраза. Вместе с А. Цандером трудился над ракетами и был осужден за то, что не понял, «что нашей стране пиротехника и фейерверки не только не нужны, но даже и опасны», — как говорил его следователь...»

«Любопытно рассказывал он [А. В. Надашкевич, эпикуеец, поклонник слабого пола, джентльмен, даже в тюрьме следивший за ногтями и бородкой «а-ля Анри Каторз», крупнейший специалист по вооружению самолетов] о демонстрации истребителя И-5 Сталину: «Было это на Ходынке, объяснение по самолету давал Николай Николаевич, по вооружению — я. Когда я закончил, а в это время мы стояли несколько поодаль, Сталин спросил: «А вас здесь не угнетают?» Десять лет эта фраза не дает мне покоя. Лицемерил он или был актером?»

«...[Алексей Михайлович Черемухин] был талантливым рассказчиком, особенно о временах своей юности:

«Н. Е. Жуковский, несмотря на преклонный возраст, не бросал педагогической деятельности, хотя слышал и видел уже плохо. Мы, конечно, этим пользовались и сдавали зачеты друг за друга. Надашкевич, например, сдавал вооружение за всех. Принимая у него зачет, Н. Е. меланхолически заметил: «Как интересно, эти башмаки сдают мне сегодня уже третий раз» — однако зачет все же поставил. В. П. Ветчинкин любил устраивать себе «паблисити». На одном совещании, когда он несколько увлекся, С. А. Чаплыгин перебил его: «Вы, В. П., как прыщ на носу, всегда спереди и всегда не вовремя».

(Здесь на полях рукой Виктора Конецкого: «!»).

«...На этот раз дело оказалось сложнее, беднягу Л. И. Кербера отвели к администратору тюрьмы, посадили в комнату под наблюдением попки и предложили писать объяснение...»

(Здесь рукой Виктора Конецкого подчеркнуты неправильно указанные автором его же собственные инициалы и стоит на полях знак вопроса. Таким образом, Л. Л. Кербер, публикуя свою книгу

на Западе под псевдонимом, обезопасил себя: мол, как звали этого Кербера не помню... — Т. А.).

«...Некоторым из эков дали свидания.

Было предложено привести себя в достойный вид(?). Нас отвезли в Бутырку... Минут двадцать томительного ожидания. Дверь открывается и другой попка вводит жену с ребенком. Это мой сын, которого я еще никогда не видел. Мы здороваемся, я целую мальчика, он смотрит на меня, как на чужого... За столом друг против друга — мы, у торца — попка. Жена рассказывает об их жизни, изредка он прерывает: «Об этом нельзя». О себе я почти не говорю, действительность — под замком, а вымысел — кому нужен? Наступает конец, время истекло, буквально. Жена говорит: «Сынок, сынок, попрощайся с папой». Он протягивает ручку попке. Горько, но понятно, на попке петлицы, блестящие пуговицы. Когда она поправляет, малыш с таким же безразличием протягивает ручку мне. Второй попка уводит их. Так много ждали мы от свидания и так мало оно дало. Под бдительным оком мы сидели стесненные, словно связанные, и 10 минут пролетели, словно их и не было.

Л. Л. Кербер. Фотография из архива Виктора Конецкого.

Возвращались мы в ЦКБ-29 молча, ушедшими в себя. Вечер был тяжелый. Все разбрелись, каждому хотелось побыть одному, пережить, прочувствовать этот подарок судьбы».

ПРИМЕЧАНИЕ

В книге о А. Н. Туполеве Л. Л. Кербер упоминает имя Н. А. Сакеллари.

Из записной книжки Виктора Конецкого:

«На Адмиралтейском канале в доме №9 я родился. С детства из окон нашей коммуналки я рассматривал земляные откосы острова Новая Голландия, поросшие сиренью и тополями и опутанные колючей проволокой. Секретно! Я рано узнал, что с петровских времен там был военно-морской порт и морская тюрьма. На воротах порта были чугунные якоря. Якорь — символ Надежды...

Канал наш в пору моего рождения назывался каналом Крунштейна. Февральская революция застала эстонского матроса Карла

Николай Александрович Сакеллари

Крунштейна в казарме Ревельского флотского экипажа. На фронтах гражданской коммунист-большевик работал сначала в политотделе, а затем в дивизионном и фронтовом трибунале. Ну, какая работа в трибуналах, известно. Однако с девятнадцатого года товарищ Карл был назначен комиссаром Главного гидрографического управления. А с октября 1921 года был комиссаром Главного управления мореплавания. Пробыл он на этой высокой должности меньше месяца — 3 ноября часовой военного порта Новая Голландия увидел плывущий по каналу портфель. А вскоре из воды вытащили тело. В справочниках пишут: «Погиб от руки эсеров».

Занятно, что в нашем доме №9, прямо под нами, на втором этаже жил выдающийся моряк и ученый, который какое-то время служил под рукой Карла Крунштейна, Сакеллари Николай Александрович. Капитан дальнего плавания с высшим дипломом, профессор, флагман 2 ранга. Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета. В 1904 году сдал экзамены за полный курс Морского кадетского корпуса и был произведен в мичманы. Участник Цусимы. В 1913 году окончил гидрофак Морской академии в Петербурге. С момента создания советского ВМФ готовил кадры. Назначался флагштурманом в наиболее ответственных длительных походах... По его книгам «Девигация» и «Описание мореходных инструментов» мы учились.

А вовсе младым я ловил момент, когда высокий красавец-моряк возвращался из дальних стран. Он курил трубку с замечательным табаком, мы нюхали и голова кружилась. Кстати, моя мать и жена Сакеллари дружили по-соседски. Да, вот кто заслуживает памятной доски на доме №9».

Из письма племянника Н. А. Сакеллари Андрея Владимировича Сакеллари Виктору Конецкому:

«Дорогой Виктор Викторович! Получил днями Ваше письмо. Спасибо за отклик, за черты образа Николая Александровича. Его облик естественно вписывался в тот слой русской интеллигенции, который его формировал, которому он следовал в службе, поведении и быту. Еще бы: морской офицер, дворянин, ученый, патриот. Я понимаю и разделяю Вашу мысль, что умер он вовремя: тень зловещего, черного крыла 1937-го накрыть его не успела. А быть такое могло...

Коротко о себе и моих братьях. Все, и я в том числе, вышли лишь в простые рабочие и солдаты. Не один не получил никакого

образования, кроме школьного. Не по бездарности, конечно. Причиной тому — кульбиты истории и, отчасти, происхождение. Весной 1914 года наше семейство переехало из Москвы в Подмоскowie, в деревню при ст. Кудиново. Отец после бурной молодости стал земским страховым агентом. А после революции работал по разным предприятиям, преимущественно в Москве главбухом. Я в 1931-ом кончил девятилетку и встал к станку на заводе «Электросталь». После фронта опять к токарному станку. Закончил трудовой путь ведущим конструктором Базовой лаборатории на заводе. В партию вступил в 1951-м году, вышел из нее 9 июля 1991 года. С 1962 года член Союза журналистов СССР.

Много читал вообще. Читаю и теперь. «Вчерашние заботы» с чистым сердцем отношу к Вашей большой удаче. Что не фигура, то перл... У Вас свое лицо, своя добрая ироничность, своя незалицитературенность...

Примите мои самые добрые пожелания в нашей испоганенной, унижительной обстановке...

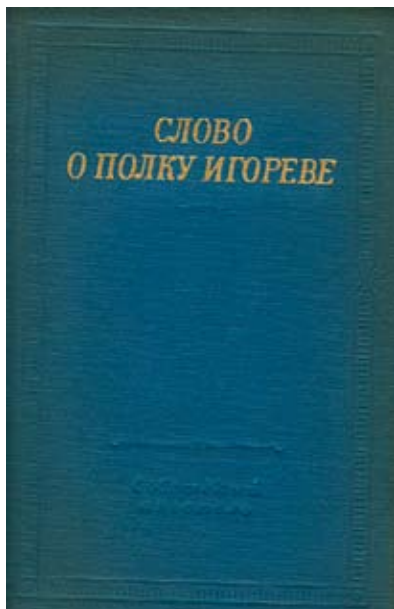
А. В. Сакеллари. 05.02.92.

Р. С. «Сакеллари» по словарю Даля — священник-ризничий. Это тоже самое, что келарь по-русски, т.е. хранитель церковного имущества, кладовщик, эконом, завхоз. Помню, в семье рассказывалась такая легенда: в 18-м веке или в начале 19-го из Греции на Черноморское побережье России в числе других переселенцев приехал грек Сафьянопулос, по должности сакеллариус. При оформлении русских документов, по вине или ошибке чиновника, вместо фамилии записали должность — «сакеллари». А. В.»

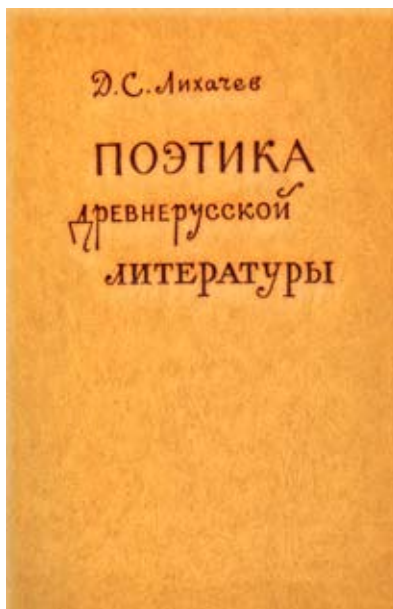
Д. С. ЛИХАЧЕВ, Т. А. ШУМОВСКИЙ, Л. Э. РАЗГОН

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ

Виктор Конецкий с огромным уважением относился к академику Лихачеву. Его книги «Поэтика древнерусской литературы» (М.: Наука, 1979) и «Памятники литературы Древней Руси. XIII век.» (М.: Худ. лит., 1981) вызывали его горячий интерес. Виктор Викторович неплохо знал «Слово о полку Игореве» и ценил проделанную Д. С. Лихачевым работу по изучению этой уникальной рукописи, доведению ее до сознания массового читателя.

Слово о полку Игореве. / Вступит. ст. Д. С. Лихачева. Сост. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. Прим. О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева. 2-е изд.. Л.: Сов. пис., 1967. (Биб-ка поэта. Большая серия).

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.

Конецкий признавался:

«Двадцать четыре года потребовалось «Вещему Олегу», чтобы из мертвеца превратиться — в моей голове и душе — в удивительную картину древней русской жизни, в поэму мудрости и величия, в вещего Олега и его коня, и его дружину. И все потому, что «Веще-го Олега» заставляют учить в школе наизусть» («Соленый лед»).

Он считал, «что не следует в учебники истории и литературы для средней школы вставлять самое святое. Пусть в учебниках будет второстепенное. А святое для нации, государства пускай молодые люди узнают потом, погодя, сами. Когда захотят узнать. Вставляй в хрестоматию развесистую клюкву о нашей моральной победе в Порт-Артуре. Это будет хорошо. Но если юнцы узнают о женах декабристов из хрестоматии, это плохо. Юнцы не поверят в жен декабристов. И значит, проживут жизнь в чем-то безнадежно обворованные» («Кто смотрит на облака»).

Говоря о Д. С. Лихачеве, Конецкий поражался широте его научных и личных интересов. Его волновал, к примеру, серьезный интерес Дмитрия Сергеевича к старинным морским книгам и картам. Некоторые интересные книги по истории русского мореплавания Виктор Викторович с радостью передал в свое время Д. С. Лихачеву. Это подтверждает и одно из писем Д. С. Лихачева, хранящееся в архиве Виктора Конецкого:

«Дорогой Виктор Викторович!

Сердечно Вас благодарю за редчайшую и интереснейшую книгу о кораблекрушениях! Я люблю парусный флот. Восхищаюсь красотой парусных кораблей и парусного дела. Я с удовольствием, например, читаю «Опыт морской практики»...

С сердечным приветом Д. Лихачев.

25.11.85.

Искренне соболезную Вам, как моряку, по поводу гибели «Михаила Лермонтова». Я сам был расстроен».

Безусловно, личность Дмитрия Сергеевича Лихачева, «непридуманность его биографии», вместившую в себя Соловецкий ГУЛАГ и блокаду Ленинграда, сострадательность к людям, твердость в отстаивании культурного достояния России, интересовали Виктора Викторовича прежде всего.

ИЗ КНИГИ Д. С. ЛИХАЧЕВА «ВОСПОМИНАНИЯ»

Подчеркнуто Конечким

«...Остатки музея [на Соловках] в разбитом состоянии были частично переданы Историческому музею в Москве (знаменитая соловецкая сень выставлена сейчас в музее села Коломенского), ценнейший семиконечный крест с острова Кий с тремястами мощами передан Церкви. Оставался еще замечательный иконостас Преображенского собора. Он был уничтожен по приказу начальника школы юнг значительно позднее*.

*К сноске: Мне рассказывали, что по его же распоряжению была уничтожена (сожжена) замечательная библиотека, собранная из книг, присылавшихся заключенным».

(Начальником школы юнг на Соловках был первый командир Виктора Конечкого Н. Ю. Авраамов. — Т. А.).

«...Люблю веселое искусство — в том числе праздничный балет, классический, «мариинский». Люблю веселое искусство природы: цветы, бабочек, тропические растения, водопады, фонтаны и бури (воду во всех ее шумных проявлениях). И еще люблю большие корабли, особенно парусные, «мирные» пушечные выстрелы в 12 часов с Петропавловской крепости».

«Был в Куоккале один случай, который «прославил» нас с братом среди всех дачников. Ветер дул с берега (самый опасный). Мой старший брат Миша снял синюю штору у нас в детской, водрузил ее на нашей лодке и предложил прокатиться под «парусом» вполне домашнему мальчику — внуку сенатора Давыдова. Домашний мальчик Сережа (он впоследствии, после второй мировой войны, работал архитектором-реставратором в Новгороде) пошел к своей бабушке и спросил у нее разрешения прокатиться. Бабушка была франтиха с фиолетовыми глазами, сидела в шелковом платье стального цвета под зонтиком от солнца. Она спросила Мишу только — не промочит ли Сережа ноги: в лодке ведь всегда есть на дне вода. Велела Сереже надеть галоши. Сережа надел новые блестящие галоши и сел в лодку. Все это происходило на моих глазах. Поехали. Северный ветер тихий, как всегда у берега, усилился вдали. Лодку погнало. Я наблюдал с берега и увидел: синий парус медленно наклонился и исчез. Бабушка, как была в корсете и с зонтиком, пошла по воде, простирая руки к любимому Сереже.

Дойдя до глубокой воды, бабушка с фиолетовыми глазами упала без чувств, могла захлебнуться и утонуть. А на берегу за загородкой из простыни загорал проректор Петербургского университета — красавец Прозоровский. Он наблюдал за бабушкой и, когда та упала, бросился ее спасать. И, о ужас! — в одних трусах — тогда это считалось неприличным. Он поднял бабушку с фиолетовыми глазами и понес к берегу. А я изо всех сил побежал домой. Подбежав к нашей даче, я замедлил шаг и постарался быть спокойным. Мать спросила, очевидно, догадавшись все же, что что-то случилось: «На море все спокойно?» Я немедленно ответил: «На море все спокойно, но Миша тонет». Эти мои слова запомнились и вспоминались потом в нашей семье сотни раз. Они стали нашей семейной поговоркой. Когда внезапно случалось что-либо неприятное.

«На 1929 г. приходится столько событий, что моя память невольно перенесла на следующий год целые истории. Дело осложнилось еще и тем, что на 1929 г. пришлось целых два приезда моих родителей ко мне — один приезд был весной, а другой осенью. Всего на Соловках у меня было три свидания с родителями...»

(1929 год — год рождения Виктора Конецкого — Т. А.).

Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб: Logos, 1995.

На титуле автограф автора: «Дорогому Виктору Конецкому с восхищением, Д. Лихачев. 22.11.95.»

«Потом в беспросветной темноте Соловецких зимних суток появились часа два светлых. Со своей койки я видел луковицу надвратной Благовещенской церкви. На луковице креста не было, но место это помнили соловецкие чайки. Первая, прилетевшая весной на остров, садилась именно тут, и это был знак весны: через две недели прилетали все остальные чайки. До прилета чайки было еще далеко. Я смотрел в окно, и мне было бесконечно тяжело...»

«Что же помещалось на остальной части Соловецкого архипелага? Должен сказать, что я знал остальную часть лагеря очень плохо: только в моих пеших командировках для собирания сведений о подростках, которых необходимо было определить в Детколонию, вскоре переименованную в Трудколонию и печально известную в связи с посещением Соловков Максимом Горьким в 1929 г.»

«Что означает первая же фраза Евангелия от Иоанна: «в начале было Слово»? И почему Фауст, приводя эти первые слова, заменяет «Слово» «Делом» («...im Anfang war die Tat!»). Мои собственные размышления на этот счет явились как бы продолжением тех, которые вызывали во мне чтения книги И. О. Лосского «Мир как органическое целое». С помощью Лосского, а на Соловках — Мейера, я пришел для себя к мысли, что «Общее» всегда предшествует «Частному». «Идея» («Слово») предваряет всякое ее воплощение. Отсюда я пришел к вере в первоначальность Разума и Слова. И отсюда же пришел к мысли, с которой через шестьдесят лет в 1989 г. выступил в Гамбургском Национальном обществе относительно необходимости положить в основу экологии, как науки, идею предшествования целого части. Экология как наука, с моей точки зрения, должна прежде всего изучать всю взаимосвязанность решительно всего в мире. Мир как целое и мир как Слово, как идея. Эта задача грандиозна, но она достойна нашего времени. Только на основе данных цельности мира можно решиться на его «исправление» или на внесение в мир тех или иных корректив. Мир как Слово! Слово Logos — Логос как нечто, предшествующее всякому Бытию. Ответственность человека за разрушение сложившихся в мире взаимосвязей — материальных и духовных! Отсюда же и взгляд, к которому я пришел уже в дни блокады Ленинграда, о цельности и взаимосвязанности (в высокой мере стилистический) культуры: мысль, положенная мною впоследствии в основу моей концепции Предвозрождения на Руси и книги «Поэзия

садов», где стили в садово-парковом искусстве отождествляются со стилями культуры (Готика, Ренессанс, Барокко, Рококо, Классицизм, Романтизм, Реализм и пр.)...

Если Слово является началом дела, обобщением, то в ложном слове, слове-штампе заключена величайшая опасность, которой постоянно пользуется дьявол.

Мефистофель говорит:

«Дай людям лишь слова — не станут поверять,

Какая мысль в них может заключаться».

(Здесь на полях рукой Виктора Конецкого: «!»).

Создал я тогда и «тесты» на «чувство русского языка». Для «первой категории» (низшей) я предполагал различать два слова в письменной и устной речи: «кушать» и «есть», «супруга» и «жена». Для второй (высшей) — «разница» и «различие», а также употребление выражения «большое спасибо» (т.е. «большое «Спасибо Бог»). Было что-то и еще в придуманных мною тестах ни интеллигентность речи, но я уже точно не помню. Самое важное исчезло из моей памяти.

«Она [Ю. Н. Данзас], например говорила, что ставит Лермонтова выше Пушкина. На каком-то уровне поэзии, мне кажется, нельзя решать вопрос о том, кто выше, кто ценнее. Можно лишь сказать — кто из поэтов лично ближе, к кому чаще обращаешься. Кто выше, Державин или Баратынский? А уж тем более нельзя было бы в этот ряд ценностных определений вносить поэтов XX в.. Скажу, что уже в тот период (*в 1930-е годы прошлого столетия — Т. А.*) мы все — «кановцы» — очень любили многие из стихотворений О. Мандельштама; были среди нас поэты, подражавшие «Столбцам» Н. Заболоцкого. Стихи «Столбцов» были озорными, и это нам тоже нравилось. Любили Всеволода Рождественского, гораздо больше, чем его любят сейчас. *(Здесь на полях рукой Виктора Конецкого: «Сic». — Т. А.)*. Не скажу, что знали наизусть всего Блока и отчасти Волошина, разумеется, и упомянутых Мандельштама и Заболоцкого. Из старых поэтов больше всего знали Пушкина, потом Баратынского, Дениса Давыдова, Лермонтова. Вообще это очень интересно — кого молодежь знает наизусть в ту или иную эпоху, в чьей поэзии ощущается душевная потребность...»

(Одна из родственниц К. К. Данзаса (секунданта Пушкина во время его дуэли с Дантесом) была читательницей Виктора Конецкого и встречалась с ним в нашем доме. Встречу с ней Виктор

Викторович оценил так: «Как будто с самим Пушкиным пообщался». — Т. А.).

«Были ли ленинградцы героями? Не только ими: они были мучениками...»

«...В Архангельске я был только один раз — сразу после ухода англичан в 1921 г. со школьной экскурсией. Зрительная память сохранила удивительную колокольню, замыкавшую перспективу главной улицы, и грандиозный Гостиный двор.

(Здесь рукой Виктора Конецкого: «Два символа архангелогородского возвышения на Севере — духовного и экономического»).

«Весной 1994 г. я был на заседании памяти И. П. Еремина на филологическом факультете университета. В гардеробе В. Холшевников напомнил мне, как в том же помещении кафедры русской литературы прорабатывали меня вместе с П. П. Ереминым некая Рождественская, И. Лапицкий и Ф. А. Абрамов, еще не успевший разобраться в делах «государственной идеологии». Впоследствии, когда мы плыли с ним на Соловки из Архангельска на пароходе «Татария», он подошел ко мне и в середине разговора о красотах Севера неожиданно сказал мне: «А я думал, вы со мной разговаривать не станете», — и сам напомнил мне о своем проработочном выступлении в университете. А я уже было и забыл про его выступление — настолько обычными были тогда такие «порки». Кстати, я тогда пришел на обсуждение наших работ исключительно из солидарности. Мог бы не приходиться, так как на филологическом факультете я не преподавал: не пускали».

«В «романовские» времена «проработки» получили другие формы. В октябре 1975 г. было назначено мое выступление в актовом зале филфака о «Слове о полку Игореве». Когда за час до выступления я вышел из дверей моей квартиры, на площадке лестницы на меня напал человек среднего роста с явно наклеенными большими черными усами («ложная примета») и кулаком ударил меня в солнечное сплетение. Но на мне было новое двубортное пальто из толстого драпа, и удар не возымел надлежащего действия. Тогда неизвестный ударил меня в сердце, но в боковом кармане в папке находился мой доклад (мое сердце защитило «Слово о полку Игореве»), и удар опять оказался неэффективным. Я бросился назад в квартиру и стал звонить в милицию. Потом спустился вниз, где меня поджидал шофер (явно из той же организации), и я сам бросился искать нападавшего по ближайшим улицам и закоулкам.

Но он, конечно, уже сменил свою спортивную шапочку и содрал наклеенные усы. Я поехал делать доклад...»

«С группой музейных работников я был и на Анзере, где почти все памятники подверглись страшным разрушениям. Особенно жалко мне было Голгофы и Троицкого скита. Поразили меня карандашные надписи на стенах. Людям так хотелось оставить по себе хоть какую-нибудь память... То же самое увидел я на Секирке. Рассматривал я и разрушения, нанесенные памятникам во время войны находившейся здесь школой юнг».

ТЕОДОР ШУМОВСКИЙ

В 1964 году Виктор Конецкий взял в рейс на «СТ-760» (осуществлял проводку судов в составе Ленинградского отряда спецморпроводок речных судов МРФ) книгу Теодора Адамовича Шумовского «Арабы и море».

«Мы все когда-то вылезли на свет божий из соленой купели, ибо жизнь началась в море. И теперь мы не можем жить без нее. Только теперь мы отдельно едим соль и отдельно пьем пресную воду.

Наша лимфа имеет такой же солевой состав, как и морская вода. Море живет в каждом из нас, хотя мы давным-давно отделились от него. И самый сухопутный человек носит в своей крови море, не зная об этом. Наверное, потому так тянет людей смотреть на прибой, на бесконечную череду валов и слушать их вечный гул. Это голос давней родины, это зов крови в полном смысле слова.

В рейсе со мной была книга «Арабы и море». Вот что я там вычитал: «Великая вода. От хеттского слова для нее — вадар и арабского матар (дождь) совсем близко до нашего матерь, мать, восходящего к индийской древности».

Хорошо бы составить сборник высказываний великих мира сего о воде и о море. Еврипид писал:

«Море смывает грязь и раны мира». Неру просил, чтобы часть его праха развеяли над морем. Туда же навсегда ушел Фридрих Энгельс. А это были разные люди.

Море соединяет континенты и людей, море — такое же серьезное понятие, как земля, смерть, жизнь и любовь» — писал Виктор Конецкий в книге «Соленый лед», написанной на основе дневников того рейса в Арктику.

О судьбе автора этой книги Конецкий знал, но его читатели лишь по легкому намеку могли догадаться об этом знании. Виктор Викторович писал для посвященных:

«Я вытащил из чемодана книгу Т. А. Шумовского «Арабы и море», — книгу, полную мыслей и полную поэзии мысли. И читал старинные стихи под стук колес. Эти стихи написал поэт очень далеко от моей северной страны, на испанском языке. Он написал:

*«Люблю тебя!» — она сказала.
«Ты лгунья!» — ей ответил я. —
Кого слепая страсть связала,
Того обманет ложь твоя.
Велит мне ум седой и строгий
Не верить слову твоему:
Отшельник дряхлый и убогий
Уже не нужен никому.
Мне показалось — ты сказала
Пустым признанием твоим:
«Свободный ветер я связала,
И он остался недвижим.
Огонь несет с собою холод,
Пылая, движется вода». —
Для шуток я уже немолод,
Я отшутился навсегда».*

Я все повторял про себя последние строчки и смотрел в темень за окном. Поезд шел сквозь тундру, сквозь тундру. Где-то в этой холодной тьме провел многие годы Шумовский. Возможно, он укладывал на промерзший грунт те шпалы и рельсы, по которым сейчас шел наш поезд.

Раскидавшись, храпели на полках мои друзья.

Возможно, здесь Шумовский твердил про себя эти же строчки: «Огонь несет с собою холод, пылая, движется вода». И видел лицо лукавой женщины, которая способна сказать такие слова. И, быть может, его мечта о такой женщине помогла ему выжить, а потом написать хорошие, умные книги» («Соленый лед»).

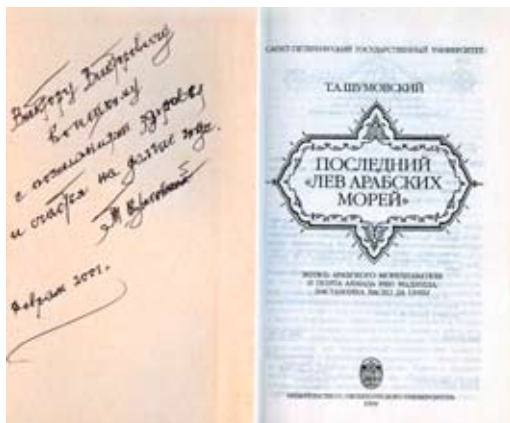
Со женой Галиной Иосифовной Теодор Адамович Шумовский прожил более полувека.

Но до встречи с ней Теодору Шумовскому нужно было дожить.

«...В день ареста Левы [Гумилева], 10 марта 1938 года, он ночевал у [Ореста Высотского] на Садовой. Наутро именно он пришел к Анне Андреевне [Ахматовой] сообщить о случившемся. Мне кажется, что он тоже проходил по этим студенческим делам, но либо был оправдан, либо выпущен из-под ареста до суда. Тут я плохо осведомлена.

Среди других обвиняемых, помимо одаренного и выдающегося, как говорят, Коли Давиденкова, был еще аспирант крупнейшего арабиста академика И. Ю. Крачковского, его фамилия была Шумовский (или Шамовский). И Анна Андреевна нередко горестно замечала, что взяли весь цвет молодого поколения, будущих звезд русской науки — *подчеркнуто Виктором Конецким в книге Э. Герштейн «Мемуары» (СПб: ИНАПРЕСС, 1998).*

Шумовский Теодор Адамович (род. 2 февраля 1913 года в Житомире) — член Географического общества, кандидат филологических и доктор исторических наук, автор первого поэтического перевода «Корана» на русский язык.

Шумовский Т. А. Последний «лев арабских морей»: Жизнь арабского мореплавателя и поэта Ахмада Ибн Маджида, наставника Васко да Гамы. СПб: Изд-во СПб ун-та, 1999.
На левой стороне титула надпись автора: «Виктору Викторовичу Конецкому с пожеланиями здоровья и счастья на долгие годы. Т. Шумовский. февраль 2001 г.»

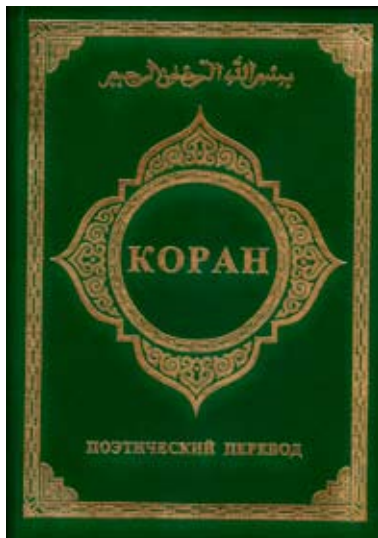
В библиотеке В. Конецкого хранится автореферат диссертации Т. А. Шумовского «Арабы и море» и книга «Воспоминания арабиста» (Л, 1977).

В 2000 году Виктор Викторович позвонил Теодору Адамовичу Шумовскому. Он узнал, что Шумовский продолжает работать, пишет воспоминания.

Через некоторое время Теодор Адамович передал Конецкому книгу «Последний «лев арабских морей»: Жизнь арабского мореплавателя и поэта Ахмада Ибн Маджида, наставника Васко да Гамы» (СПб: Изд-во СПб ун-та, 1999).

Герой книги Т. А. Шумовского был известен Виктору Конецкому по книге Г. Харта «Морской путь в Индию». Этот «рассказ о плаваниях и подвигах португальских мореходов, а также о жизни и времени Дона Васко да Гамы, адмирала, вице-короля Индии и графа Видигейры» был прочитан им в юности.

В 2000 году увидела свет книга «Священный КОРАН. Страницы вечных мыслей» — поэтический перевод «Корана», сделанный Теодором Адамовичем Шумовским:

Священный КОРАН. Страницы вечных мыслей. / Поэт. пер. с араб. Теодора Шумовского. СПб: Искусство России, 2000.

*«Среди стихий земного океана
Не мудрецам, а Времени на суд
Предоставляю перевод Корана,
Нелегкий труд.
Упорный труд.
Счастливым труд».*

В. В. Конецкий называл эту книгу «великой». Прочитать до конца не успел.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Одной из первых книг, приобретенных Виктором Конецким по возвращению с Северного флота была «БИБЛИЯ».

В интервью (Коммерсантъ. 2001. 27 февраля) он говорил:

«Из-за проблем со здоровьем я вынужден поститься постоянно. А если говорить серьезно, то я происхожу из очень религиозной семьи. Мама и бабушка воспитывали нас с братом очень строго, например, каждое утро и перед сном мы читали «Отче наш», «Богородица, Дево радуйся» и другие молитвы. Потом была война, эвакуация, военное училище, и все это прекратилось. Хотя, когда я уходил служить, мама вшила мне в шинель икону. А сейчас я не соблюдаю формальных сторон религиозной жизни: не хожу в церковь, не соблюдаю постов. Безбожником, тем не менее, себя назвать не могу. Внутри себя я глубоко верю в Бога. В тяжелых ситуациях, например, когда наш корабль нарывался на камни, я всегда ловил себя на том, что молился».

Своим читателям Виктор Конецкий приоткрыл свой взгляд на эти две великие книги — Библию и Коран — в книге «Среди мифов и рифов»:

«Занятно, что в раннем исламе, и по Корану, и по преданию, культ Аллаха — в противоположность культу идолов — проявлялся главным образом во время морских путешествий. Именно во время ужасного шторма обращались к Аллаху с молитвой, как к Владыке моря. Это отлично увязывается с нашим: «Кто в море не бывал, тот бога не знал».

«Минут через двадцать Таренков свернул с шоссе к малоприметной издали часовне. Она стояла среди увядающих акаций и вечных сосен на вершине пологого холма.

Климович Л. И. Ислам. Очерки. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

Здесь было тихо. Здесь было прозрачно и акварельно. Незримые, витали здесь и Александр Иванов, и Нестеров.

Куполок часовни увенчивался нашим православным крестом.

— На этом месте, братцы, Мария Магдалина мыла ноги Христу и вытирала их кудрями, — сказал Таренков. — Факт непроверенный, но все равно впечатляет, а?

— Господи! Куда судьба носит! — пробормоталось мне.

— «Мария Магдалина, раздетая вполне...» — вспомнил Юрий Петрович из своего счастливого детства.

И на меня тоже хлынуло старосемейное, давно истлевшее в могилах на Смоленском, на Пискаревке, на Богословском. Баба Мария, тетя Матюня и тетя Зика... И тихо зазвучали для меня их добрые, вразумительные голоса, которыми бабушки и тети говорят с малолетними внуками и племянниками: «Ее имя, Витюша, звучит покаянием и прощением грехов, и странник, проходя по сладостно благоухающей и цветущей зелени берегов Генисарета и приближаясь к развалинам башни и одинокой пальме арабской деревни Эл-Медждель, невольно вспоминает древнее предание о той, греховная красота которой и глубокое покаяние сделали знаменитым самое имя Магдалы...»

Не знаю, откуда проникал в часовню зыбкий, перламутровый свет — через окна высоко под куполом или через нечто вроде узких бойниц в стенах.

Мы вошли в этот свет и постояли, привыкая к нему и к церковному запаху.

Прямо против входа висела большая икона. Вернее, это была не икона, а иконописный портрет молодого мужчины со взглядом старого психиатра. Он держал в руках открытую книгу. Тенистой славянской вязью вязались строки: Блажени есте, егда поносят вас и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради, радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех.

Два подстава с металлическими противнями, наполненные песком, располагались по бокам от входа. Они полностью соответствовали моему детскому представлению о языческих жертвенниках. В дальней стене была полуниша. Такие полуниши в мечетях называются «михраб» и показывают молящимся сторону поклонения.

Часовня была пуста. Никто не жил рядом и не охранял ее.

В нише-алтаре лежали свечи и деньги.

Таренков бросил туда несколько бумажек, сказал:

— Берите свечи, братцы. Направо — за ваших раньше срока погибших. Налево — за ныне живущих.

Я попытался сосредоточиться и восстановить в памяти имена всех своих погибших, пока зажигал и ставил в песок жертвенника свечу, но это оказалось безнадежным делом. И я только хорошо помню всех погибших раньше срока, когда свечка утвердилась и огонек ее бестрепетно затеплился в неподвижном воздухе часовни.

Одну свечу, шишку сосны и веточку акации я прихватил с собой. Я знал, что мать этот подарок сохранит до смерти. Ведь для верующих вся здешняя земля — священна...

Мне кажется, Библия, Коран и другие первые книги имеют такую глубину и красоту потому, что авторам приходилось вмещать в бумагу ВСЕ — все, накопленное предыдущими поколениями за тысячелетия. Если бы крысы в одну ночь сожрали сегодня наши библиотеки, то пришлось бы написать нечто подобное Библии по жанру, чтобы передать потомкам не все наши знания — что невозможно, — а сегодняшнее ощущение от наших знаний Мира. И тогда опять потребовались бы мифы и притчи, и новый Ветхий Завет, ибо самые хорошие энциклопедии стареют быстро и обычно бывают смешны для умных потомков, а мифы и притчи служат

БИБЛИЯ, или Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. / В рус. пер. с параллельными местами и указателем церковных чтений. М.: Изд-е Московской патриархии, 1956. 1272 с.

им всегда хотя бы обыкновенной житейской мудростью: если родилась на свет женщина необыкновенной красоты, страстной природы и бесстыдной порочности, то прости, защити ее от злобности толпы, и она отплатит тебе беспредельной преданностью и благодарностью всего своего буйного сердца и мятежной души. И она будет мыть тебе ноги и, если ты захочешь, будет вытирать их волосами. Разве это не так?»

В последние свои годы Виктор Викторович признался: «Библию внимательно я не прочитал ни разу. Зачем мне врать? Ведь если совру, это будет грех. Поэтому напишу правду: мне скучно читать Библию.

Я никогда не считал себя человеком богохульным. Любой пишущий человек, каким бы великим он себя не считал, всегда понимает, что Книга Книг будет всегда самой великой. Но любой пишущий человек имеет и свою высшую любовь, а это может быть и “Каштанка”.

Думаю, в моей жизни огромное религиозное воздействие оказала “Муму”...» («Последний рейс»).

ЛЕВ РАЗГОН

Из статьи Даниила Данина, открывающей книгу Льва Разгона «Непридуманное»:

«Эта книга достойна удивления. Как и судьба ее автора.

Сначала о судьбе...

Ему было еще тридцать, когда в 1938 году с ним случилось то, что по тем временам в жизни происходило гораздо чаще, чем на страницах романов: в проклятое одночасье он был осужден на долгие годы глухих лагерей и ссылок. Молодой, он принял мученичество ни за что. И казалось — навсегда.

Ему стало уже восемьдесят, когда в 1988 году с ним приключилось то, что во все времена гораздо реже происходило в жизни, чем на страницах романов: в прекрасное одночасье его на долгие годы позвала под свое крыло заслуженная литературная слава. Старый, он был вознагражден за верность жизни, несмотря ни на что. И сей раз — в самом деле, навсегда.

Вот теперь о книге.

Разгон Л. *Непридуманное*. М.: Правда, 1988. (Б-ка «Огонек», № 44).

На титуле надпись автора: «Милому Виктору Конечному, — как доказательство того, что сказки существуют. С любовью. Л. Разгон. 25.1.89».

Все, что в ней написано, — без малейшего исключения! — идет в копилку исторической памяти народа. О немногих книгах можно высказать такое суждение. Оно, это похвальное суждение, тем более справедливо, что книга по праву носит название «Непридуманное»: в ней доподлинны все имена, все даты, вся топонимика и, разумеется, все события.

Но читая разгоновское «Непридуманное» страницу за страницей, начинаешь ощущать еще и второй смысл названия книги: то, что нам в ней поведано, придумать было нельзя. Попросту говоря — нельзя!.. Так же, как строго документальна история Екатерины Ивановны Калининой, так протокольно точна история ее солагерника — незадачливого афганского принца, самоотреченно и губительно для себя любившего русскую женщину. Так же, как в бутырской тюрьме 38-го года перед молодым историком Львом Разгоном въявь и на равных предстает историческая личность — друг последнего царя адмирал Михаил Рощаковский, так на лагпункте 41-го, тоже въявь и тоже на равных, предстает перед ним другая историческая личность — заместитель начальника нашего Генштаба комкор Николай Лисовский... Нет-нет, эдакие

Разгон Л. *Непридуманное: Повесть в рассказах.* М.: Книга, 1989.
(*Время и судьбы*).

На титуле книги надпись автора: «Дорогому Виктору Конецкому, который всегда старался не придумывать. Я — хуже, — но тоже старался. С любовью и дружбой. Л. Разгон. 1.05.89».

скрещения судеб могут быть только непридуманнными, как и само житье-бытье «политических заключенных».

«Повесть в рассказах» — начертано на титуле книги. Не совсем обычно, но очень точно. Нелепо было бы эти рассказы взять да и пронумеровать, как главы в традиционном повествовании. Они не связаны общим сюжетом, и герои не переходят из рассказа в рассказ. И время действия меняется от рассказа к рассказу вполне произвольно, и место действия — география — тоже. Но один герой присутствует на каждой странице книги — это автор. И у временного разнообразия есть все же четкие рамки — это 17 лет лагерей и ссылок, пережитых автором (1938 — 1955). И у географии есть своя принудительная особенность — это архипелаг Гулаг. Посему независимые рассказы все-таки выстраиваются в единую повесть — цельную, печальную и замечательно жизнелюбивую...

Иногда он читал свои рассказы близким друзьям. И должен был довольствоваться вниманием узкого круга современников, благодарных ему за обнажение исторической правды, чья терпкая горечь живительней для души, чем сладость утешающей неправды.

...Однажды друг Булгакова Сергей Ермолинский вспоминал, как говаривал Михаил Афанасьевич о книгах, написанных «в стол»:

— Мы живем в стране чудес! И верьте — придет день, когда вам позвонят из редакции и скажут, что они прослышали, будто у вас есть «опасная рукопись», так нельзя ли с ней познакомиться на предмет скорейшего опубликования?..

Лев Разгон дождался такого звонка...

Виктор Викторович не раз слышал и устные рассказы Льва Эммануиловича Разгона. Книгой «Непридуманное», подаренной им и Рикой Берг («женой и спутницей по описанным скитаниям») в нашем доме весной 1989 года дорожил.

ЕВГЕНИЯ КАЦЕВА

Из книги Виктора Конецкого «Кто смотрит на облака»: «... Он не мог слышать немецкую речь. Его не смирял даже Бетховен. Исключения подтверждают правила. Миллионы нормированных аккуратистов раз в триста лет рождают бунтаря космической

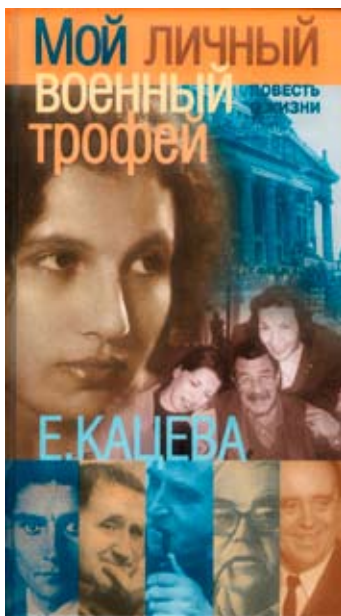
несдержанности. Бетховены появляются как протест самой природы, которая не может вечно терпеть посредственность.

Басаргин знал, что он не прав. Все народы одинаково нужны Земле — это не пропаганда, а правда. Но он ничего не мог с собой поделать, когда слышал немецкую речь».

И умирая, Виктор Викторович не простил фашистам блокады Ленинграда.

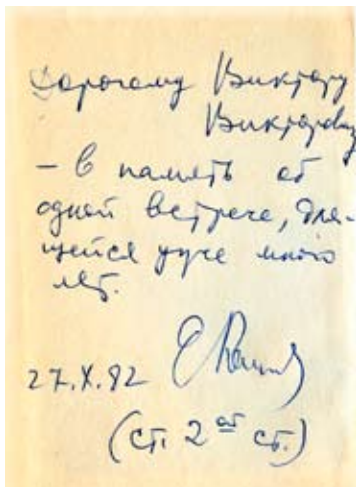
С немецким языком его примирила Евгения Александровна Кацева.

Кацева Евгения Александровна (1920 — 2005) — дочь солдата-кавалериста кавалера Георгиевского креста; блокадница, участник Великой Отечественной войны. Добровольцем она ушла на фронт, служила на Краснознаменном Балтийском флоте, затем до 1949 года — в советской военной администрации в Германии. Многолетний сотрудник журнала «Вопросы литературы», переводчик Ф. Кафки, М. Фриша, Г. Белля, составитель их собраний сочинений. Автор автобиографической книги «Мой личный военный трофей» (М.: Радуга, 2002).

ИЗ КНИГИ ЕВГЕНИИ КАЦЕВОЙ «МОЙ ЛИЧНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРОФЕЙ»

«Давным-давно, еще в 1967 году, Конецкий, отвечая на одну из многочисленных анкет «Вопросов литературы» на тему писательского мастерства, редакция журнала «Вопросы литературы», где я тогда работала, проводя одну из многочисленных анкет, написал строчки две о Солженицыне — строчки не бог весть какие значительные и не очень обязательные. И поскольку они были не очень обязательные, то лишний раз поминать почти все опальное имя было бы незначительно. Для автора же эти строки были знаковые, простое упоминание этого имени уже обозначало позицию. Пробовали связаться с Конецким по телефону — нерушимое правило «Воплей» было: без согласия автора не менять и запятой, — но наш капитан дальнего плавания как раз в плавании и находился. Рискнули самовольно вычеркнуть означенные строчки. Вычеркнули и забыли, но не забыли после выхода номера выслать гонорар — целых 21 рубль (тогда и это были деньги). Вернувшись из плавания и обнаружив денежный перевод, дотошный автор

Дорогому Виктору
Викторовичу
— в память об
одной встрече, дя-
лящейся уже много
лет.
27.X.82 Е. Кацева
(ст. 2-ой ст.)

На книге Макса Фриша «Монток. Человек появляется в эпоху голоцена» (М.: Прогресс, 1982) надпись переводчика: «Дорогому Виктору Викторовичу — в память об одной встрече, длящейся уже много лет. Е. Кацева (ст. 2-ой ст.) 27.10.82».

полез в присланный экземпляр журнала — и заветных слов не нашел. Он тут же отправил обратно перевод с гневным письмом, заканчивавшимся угрозой сообщить о происшедшем не только Солженицыну, но и всей мировой общественности. Меня срочно командировали в Ленинград — уладить дело и предотвратить скандал.

Знакомы мы не были. Но отправляясь «в гости» хоть и без предупреждения, я захватила никогда не бывающей лишней поллитру. Открывшему дверь хозяину я представилась своим фирменным «старшина второй статьи», и ему ничего не оставалось, как впустить меня в квартиру и поставить рюмки на стол. По мере понижения содержимого в бутылке — а я, как говорится, шла ноздря в ноздю, хозяину пришлось даже выставить домашний запасец, — уважение капитана ко мне росло. Но как только я, сочтя момент подходящим, заговорила о «деле» и он понял, кто я и откуда, уважение это сразу же испарилось. Разразился настоящий скандал — с криком, с «выражениями», на которые Виктор был превеликий мастер. Но в конце концов, он согласился на мое предложение — написать письмо в редакцию, и мы его напечатаем со своими извинениями. Согласился он скорее из желания покончить со всей этой историей, нисколько не веря в реальность предложенного, да у меня и полномочий таких не было! Тем не менее, мое обещание было выполнено. Вот этот текст («Вопросы литературы», 1968, № 3, с. 184):

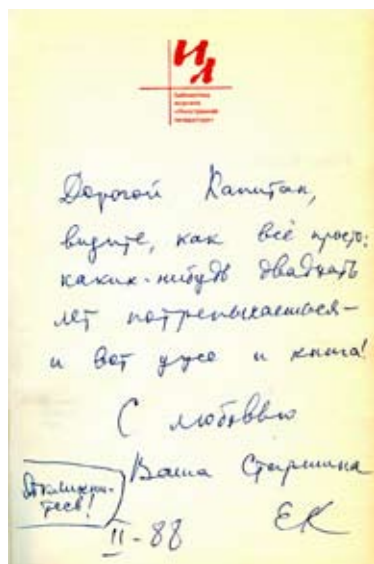
Письмо в редакцию

В № 11 журнала за 1967 год опубликованы мои ответы на литературную анкету «Художник и революция». В мой текст редакцией были внесены некоторые сокращения и поправки. Это произошло без согласования со мной. Прошу поставить ваших читателей в известность об этом.

*С уважением Виктор КОНЕЦКИЙ
г. Ленинград.*

От редакции. По техническим причинам редакции не удалось согласовать (как это обычно ею делается) с В. Конечким необходимые поправки и сокращения. Публикуя его письмо, редакция приносит ему свои извинения.

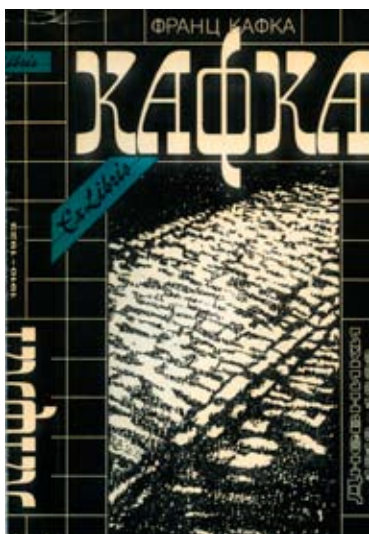
Кафка Ф. Из дневников. Письмо отцу. / Сост., пер. с нем., прим. Е. Кацевой. / Пред. Е. Книпович. М.: Известия, 1988. (Б-ка журнала «Ин. лит-ра»).

На правой стороне переднего форзаца надпись: «Дорогой Капитан, видите, как все просто: каких-нибудь двадцать лет потренихаешься — и вот уже и книга! С любовью Ваша Старшина Е. К. II. 88. Откликнитесь!».

Должна сказать, что эта крошечная публикация принесла нам столько дивидендов, как мало какая большая статья. Это теперь в прессе иногда печатаются извинения, да и то по решению суда, а тогда ничего подобного не случалось.

С тех пор у нас с Конечким установились дружеские отношения; поначалу мы даже переписывались, потом перешли на телефон. Не скажу, что так уж часто мы давали друг другу знать о себе, но две даты отмечались неукоснительно: Новый год и 9-е мая. Ну и, разумеется, я получала его книги, где в надписях на все лады обыгрывалась наша военная субординация».

В июне 2004 года на вечере, посвященном 75-летию Виктора Конечкого в Москве выступала Евгения Александровна. Представляя ее, я рассказала как тесно Кацева связана с флотом. Присутствующие

Кafka Ф. Дневники. 1910 — 1923. / Пер. с нем., сост., пред. и прим.
Е. А. Кацевой. СПб: Симпозиум, 1999.

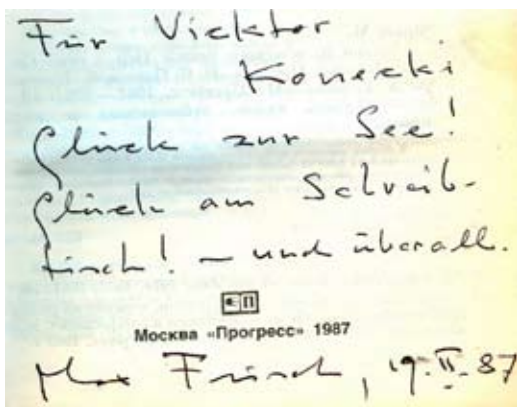
на вечера военно-морские офицеры были удивлены. Заместитель главкома ВМФ Ф. С. Смуглин не растерялся, быстро поднялся и вручил Е. А. Кацевой медаль «300 лет Российскому флоту».

«Умеют наши адмиралы быстро среагировать!» — смеялась потом довольная наградой Евгения Александровна.

Последняя ее встреча с Виктором Викторовичем состоялась в Москве. Ее точно датирует надпись на книге Макса Фриша «Дневники. 1910 — 1923.», подаренная Е. А. Кацевой: «Дорогим моим Танюше и Виктору с — видит Бог! — искренней любовью. Старшина второй статьи Женя. В замечательный день — награждения Капитана. 28 апреля 2000 г.»

В тот день в Московском Кремле В. В. Конецкому был вручен орден «За заслуги перед Отечеством», мы отмечали это событие в доме Евгении Александровны внятером — она, ее дочь Наташа, мы с Виктором Викторовичем и Алексей Кириллович Симонов.

«Одним из любимейших зарубежных писателей Виктора был Макс Фриш, — вспоминала Е. А. Кацева, — несколько книг которого я перевела и с которым была хорошо знакома. Узнав из «Литературной газеты», что Фриш приедет на намечаемый в феврале 1987

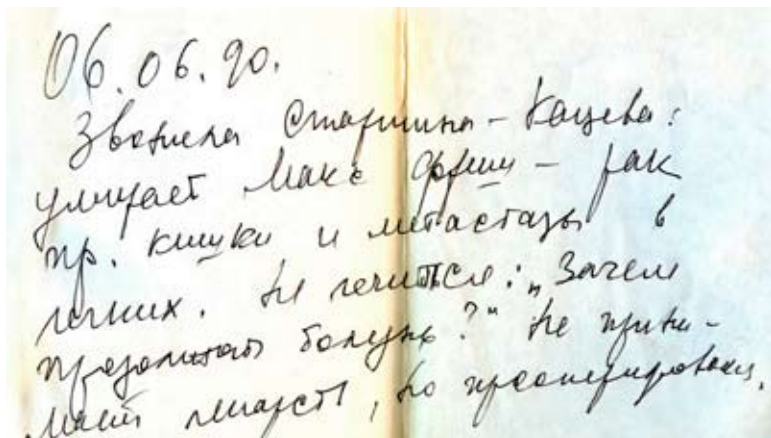
Фриш М. Листки из вещевого мешка. / Пер. с нем. и сост. Е. А. Кацевой. М.: Прогресс, 1987.

Автограф Макса Фриша на немецком языке (19.02.1987 г.).

года международного конгресса деятелей культуры против ядерного вооружения, Виктор умолял привести Фриша в Ленинград. От меня, разумеется, это не зависело. Но когда после конгресса участникам предложили трехдневную поездку на выбор — в Ленинград, Киев или Ригу, Фриш выбрал «мой» Ленинград.

Виктор был счастлив. Вместе со своим приятелем (Михаилом Глинкой — Т. А.) — владельцем автомобиля — он даже совершил чудо. Фришу очень хотелось побывать в Русском музее, где была новая экспозиция из запасников, но на беду в отведенный для этого день музей был закрыт. Виктора это не смутило: он поехал домой к директору, привез его и несколько часов музей был в полном нашем распоряжении.

Изрядно усталые, мы отправились по приглашению Виктора ужинать в «Асторию». Все было прекрасно, но вот оркестр... Он гремел так самозабвенно и оглушительно, что ни о какой беседе не могло быть и речи. Виктор направился к нему, долго и проникновенно уговаривал снизить тон, но успеха не добился. Тогда предприняла попытку я. И то, что не удалось капитан-лейтенанту, удалось старшине второй статьи: пока мы оставались в ресторане, оркестр играл *con sordino*!

В книге бумага с записью Виктора Конецкого: «06.06.90. Звонила старшина — Кацева: умирает Макс Фриш — рак пр. кишки и метастазы в легких. Не лечится: “Зачем продолжать болезнь?” Не принимает лекарств, но прооперировался»

В завершении вечера Фриш не остался в долгу и пригласил мужчин в валютный бар, окончательно покорив Виктора — уже не только как писатель, но и как близкий по духу человек».

ИЗ КНИГИ ГЕНРИХА БЁЛЛЯ «КАЖДЫЙ ДЕНЬ УМИРАЕТ ЧАСТИЦА СВОБОДЫ»

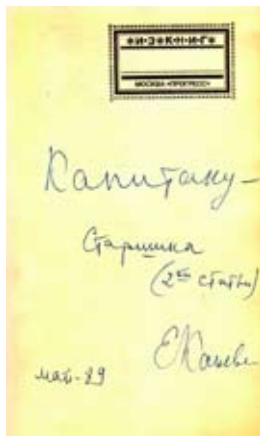
Подчеркнуто Конецким

Беседа Генриха Бёлля с Кристианом Линдером. День первый:
«Л.: ...Не будем сегодня говорить о комплексе проблем послевоенной литературы, об этом и без того много написано и сказано. Но один аспект хотелось бы затронуть, его, на мой взгляд, во всех дискуссиях касались как-то бегло и вскользь, — это вот какой вопрос: почему идейная платформа просвещенного гуманизма, сформированная в период с 1920 по 1945 год такими людьми, как, допустим, Томас Манн или Альфред Дёблин, не привилась и не получила дальнейшего развития после войны?»

Б.: Видимо, причина — в пренебрежении, которое нам дали почувствовать, и не только в смысле нашей коллективной вины, но и в том смысле, что, мол, ах, двадцатые годы — их уже никогда

не вернуть. Разумеется, их не вернуть, вместо них наступила сороковые, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые годы, — а кроме того, ведь никто, почти никто из великих эмигрантов не вернулся. Я их понимаю, но мы-то жили здесь, при нацизме, во время войны, после войны, — и обрели свой язык, свой гуманизм, уже не настолько насквозь буржуазный; а кроме того, поскольку большинству из нас великие немецкие эмигранты были почти неизвестны, мы попали в сферу совсем иных влияний; а еще я думаю, что мы, большинство из нас, все-таки до такой степени были и оставались немцами, что не могли просто так взять и «подстегнуться» к традиции, оборванной в 1933 году.

И именно в этом, в том, что они это не распознали, постоянно это извращали и подвергали наветам, не пожелали признать как данность, в том, что нашу сатиру, критику, иронию они путали с неприязнью, — во всем этом кроется главная ошибка ХДС (Христианско-демократический Союз Германии, политическая партия, основанная в 1946 году. — Т. А.), надеюсь, ее еще можно исправить. А ведь достаточно было минимума образованности, чтобы уяснить: литература испокон веку всегда выполняла эту функцию».

Бёлль Г. Каждый день умирает частица свободы: Худ. публицистика. / Пер. с нем. / Сост. Е. А. Кацева. Предисл. Т. Л. Мотылевой. Ком. А. А. Гугнина и А. В. Карельского. М.: Прогресс, 1989. (Зарубеж. худож. публицистика и докум. проза).

На форзаце автограф Е. А. Кацевой: «Капитану — Старшина (2-ой статьи). Е. Кацева. май — 89».

День второй:

«Б.: ... Самое опасное — и это, действительно, должно волновать каждого автора: он не ведает, какие силы приводит в движение каждой своей книгой, каждым фильмом, каждой пьесой; это ведь все неподконтрольно — и тут, действительно, возникает большая проблема. Например, у нас сейчас развернулась эта громкая и, как я считаю, демагогическая дискуссия о причинах эскалации насилия, в чем якобы мы, писатели, виноваты и к чему мы, возможно, и вправду причастны. Не прямо, не в том смысле, что мы кого-то призываем бросать бомбы, стрелять и похищать людей, — но, когда подумаешь, сколько у нас в стране доморощенных теоретиков и философов революции, к которым я себя не причисляю, но которых у нас предостаточно, и сколько они, возможно, всего натворили, — тогда становится немного жутко, потому что всякая написанная вещь, пусть даже это всего лишь социально-критический роман о браке, может вызвать у читателя, допустим у женатого мужчины или замужней женщины, такие мысли, которые затем, пройдя через третьи-четвертые или там пятые руки, повлекут за собой недоразумения или, скажем, просто будут искаженно выражены, — вот это, я считаю, куда серьезнее и важнее, чем вопрос, запачкаю или не запачкаю я себе руки какой-то акцией. Вот что надо бы как следует изучить. Конечно, я получаю домой письма от читателей, благодаря им я отчасти в курсе, но, странное дело, как правило, это пишут люди, у которых прочитанное вызвало положительный отклик, а вот читательские письма, публикуемые в прессе, наоборот, в большинстве своем отрицательные. Но литература в целом, — не каждый автор по отдельности, а вся литература, или, скажем так, современная литература, от Сартра до Артура Миллера, от Грасса до Солженицына, — какие силы она приводит в движение, что пробуждает в людях, внешне и внутренне, — это совершенно загадочно.

«Каждый день умирает частица свободы»:

«...Период между 1945-м и примерно серединой пятидесятых — это время отрезвления. Я думаю, многие публикации, журналы — назову «Франкфуртер хефте» как образец и как пример издания, до сих пор как придерживающегося той же линии, — носили как христианский, так и социалистический характер. Это были журналы, пользовавшиеся большой популярностью. Но в конечном итоге победил, так и хочется сказать, ужасный реализм истории».

«СВОБОДА ПОВЕСТВОВАНИЯ — ВОТ О ЧЕМ Я ВСЕГДА МЕЧТАЛ»

Геннадия Шпаликова не стало в 37 лет. Сын военного, суворовец, выпускник сценарного факультета ВГИКа, автор сценариев кинофильмов «Я шагаю по Москве» и «Застава Ильича». Покончил жизнь самоубийством в Переделкинском Доме творчества в 1974 году.

В последнюю свою ночь приходил к Конечкому — Виктор Викторович работал в Доме творчества над третьей книгой романа-странствия «ЗА ДОБРОЙ НАДЕЖДОЙ» «Морские сны». Конечкий вспоминал: «Никогда не видел такого страшного покойника. Повесился... Он ночью просил выпить, у меня ничего не было... Шпаликов — человек редкого дарования, особенно среди киношной братии...»

Друзьями они не были. Но и о Шпаликове слова Виктора Конечкого: «По поводу талантливых художников чаще всего чудится, что и все их жизненные трудности, несчастья, катастрофы хороши были и даже необходимы для развития и углубления их талантов.

Шпаликов Г. Избранное. Сценарии. Стихи и песни.
Разрозненные заметки. М.: Искусство, 1979.

И редко приходит потребителям их продукции в башку, что, вполне возможно, без тягот и потрясений их талант расцвел бы куда гуще, и глубже, и светлее» («Среди мифов и рифов»).

В 1979 году вышла книга Геннадия Шпаликова «Избранное». Сценарии. Стихи и песни. Разрозненные заметки» (М.: Искусство).

ИЗ «РАЗРОЗНЕННЫХ ЗАМЕТОК» ГЕННАДИЯ ШПАЛИКОВА

Подчеркнуто Конечким

«Свобода повествования — вот о чем я всегда мечтал».

«Я почти никогда не знал, как будет строиться то, что называется сюжетом. Более того, строить его мне неинтересно. Я не понимаю, к примеру, прелести внезапной развязки и еще много в этом роде. Смена настроений, чувств или, скажем, погоды — снег, дождь на закате, сумерки, летняя жара в городе — вот вам лучший сюжет. К примеру: «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...» — законченный сценарий большого фильма, со своим сюжетом, подробностями и проч..

Но каждый раз, когда все вроде бы и кончено и работа обрела стройность, мне приходит в голову одна и та же мысль: а «истинный» ли это рассказ? Может быть, все это чистописание, прикинувшееся рассказом? А настоящий сценарий — та, первая тетрадка, те первые записи — обрывочные, неясные, то слишком подробные, а то — намёком, дневником, началом строфы?.. Не знаю».

«...А кино — живое дело, пока в нем есть изобретатели. Это настолько общеизвестно, что даже лишенная изобретателей, их тоска по совершенству обрели классическую законность. Так было, так будет.

Отчетливо вижу перед собой человека. Вижу, — как говорил Маяковский, — «ясно до галлюцинаций».

Он произносит монолог.

О поиске. О тьме неизвестности. О потерях (неизбежных), о провалах (святых), о пропастях (священных).

Святые пропасти искусства.

Высокая логика этого человека требовала полета в пропасть.

10 первых, самых храбрых, расшибуются. Пускай.

11-й — взлетит.

А может, 15-й.

Точно не угадать.

Лучшего способа перебить всех изобретателей не придумаешь.

Перебить, сожалея.

Мне кажется, я придумал, как оберегать этих людей, редкостных. Их гораздо больше, чем может показаться. И не все имена известны.

Кто более всего заинтересован в них? Сейчас, позже, всегда?

Те, кто кормится сейчас и будет долго кормиться за их счет.

Кто живет на ошметках их достижений и неудач.

Все жулье от кинематографа, случайные люди, блатмейстеры, прилипалы.

Им следует объединиться. В бескорыстной помощи изобретателям и первопроходцам. Пока не поздно.

Исчезнут изобретатели — что тогда?

По миру пойдете».

«Великий Сценарий, если такой существует, — подвижен, вещественен, наделен цветом, музыкальной партитурой, он звучит,

работать подумал, что о
авыступая, вытесни.
коверят, перу босса иже
& вайсает кружку стипен
да. И править по делам.
Но разве вы бы не (ооу
море, когда идет в
ае? Давно, если у него
сидяка перья вилки?
И разве вы бы перу босса
белая?
Ваша книга о семье пришла,
то вы бы бы перебил.
27.10.1963. М.т., греб и мос. Та.
07³⁶
1963.

в конце концов, со всей присущей ему разноголосицей, сменой ритмов, оттенков, частностей, — он наиболее жизненный род современной литературы. Для всего этого требуется универсальная писательская техника, а точнее — полный отказ от нее. Что это значит — трудно сказать. Но вспомнить по этому поводу есть что — из русской литературы: «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина. Что это? Поэма? Роман? Исповедь? Разросшийся деревом черновик? Письмо к самому себе?».

На задней обложке книги Геннадия Шпаликова неожиданная запись рукой Виктора Конецкого:

«Гранин подумал, что я выступал выпивши. Говорят, перед боем люди хватают кружку спирта. И правильно делают. Но разве выпьет 100 гр моряк, когда идет в лед? Даже, если у него страха полные валенки? И разве пьет перед боем боксер?

Вот когда я домой пришел, то валерианы принял.

27.10. М[оск]ва, гост[иница] «Москва». 1983. 07 [ч.] 20».

Книга была куплена в Москве, если не ошибаюсь, во время очередного съезда писателей. Вероятно, читая книгу, думая о короткой жизни талантливого Шпаликова, Виктор Викторович вспомнил об одном эпизоде своей жизни.

Действительно, осторожный человек его понять не мог.

Из воспоминаний Геннадия Николаева:

«28 марта 1978 года, через день после отчетно-перевыборного собрания Ленинградской писательской организации, вновь избранный актив был принят в Смольном первым секретарем Ленинградского обкома партии Г. В. Романовым. Как новый член правления, на эту встречу попал и я.

Романов, вышедший первым в Шахматный зал, где уже сидели в ожидании писатели, выглядел молодо, даже молодецкато в безупречно сидящем костюме: седые виски, крепкий, чуть вздернутый подбородок, скользящий по залу холодный взгляд, спокойные точные жесты, птица высокого полета. В кратком слове он поприветствовал вновь избранное писательское «вече» и пожелал творческих и прочих успехов «на благо нашей великой Родины». После него, в строго отработанном порядке, стали выступать литературные начальники — секретари писательской организации, главные редакторы ленинградских журналов, в том числе и Г. К. Холопов — от «Звезды». Целью этого чисто

ритуального мероприятия было показать, кто здесь хозяин. Ну и заслушать самоотчеты о проделанной работе, своего рода рапорты о достижениях. И, конечно же, дать партийное напутствие, благословить писателей Ленинграда на новые творческие свершения.

Все шло чинно-гладко, и вдруг — незапланированный Конецкий: резко поднялся, словно катапультировался, и — с места в карьер — о главной беде, которая «достаёт» всех литераторов, о засилие цензуры. И так не блещущий румянцем, он как-то весь побелел, нос заострился, глаза — буравчиками. Звенящим голосом, сильно грассируя, он долбал цензуру вообще, а ленинградскую в особенности, заодно с ней и обкомовских стражей, работающих в одной упряжке с цензурой и, повернувшись к Холопову, сказал примерно следующее: вот только что выступал главный редактор «Звезды» и ни единым словом не обмолвился о самом больном, о том, что цензура ему жить не даёт, давит, душит. А почему не обмолвился? Да потому, что, скажи он про цензуру, вы его сегодня же снимете с работы. Я сейчас готовлю для «Звезды» новую повесть и не уверен, что её пропустят. Вот главное, о чем надо говорить!

И — сел. Лицо пошло красными пятнами. Он машинально достал сигарету, но она выпала из рук, пальцы плясали, осоловелый, какой-то загнанный взгляд провалью скользил по сторонам, ни на ком не задерживаясь.

В зале зависла гнетущая тишина. Празднично задуманное мероприятие дало сильный крен. У товарища Романова лицо сделалось мраморно-чугунным. Готовивший «вопрос» заведующий отделом культуры сидел багровый, на полтона ярче своего шефа. Никто из писателей, а тут были самые маститые, самые «смелые», не поддержал Конецкого. Растерянность в президиуме длилась, наверное, какие-то секунды, но это была РАСТЕРЯННОСТЬ ВЛАСТИ, и эти секунды стали СЕКУНДАМИ ПОБЕДЫ писателя Конецкого! Разумеется, последовал начальственный окрик, дескать, не надо обобщать, товарищ Конецкий, не надо выступать от имени товарища Холопова, товарищ Холопов не мальчик, если бы у него были подобные проблемы, он бы сам сказал... И т. д. и т. п...

Вот когда я узнал, каков он, писатель Конецкий, этот поджарый, подтянутый морячок с болезненно-желчным сухим лицом».

В последние свои годы Виктор Викторович часто вспоминал стихи Геннадия Шпаликова, читал их мне, особенно часто, эти:

*Не прикидаваясь, а прикидывая,
Не прикидывая ничего,
Покидаю вас и покидываю,
Дорогие мои, всего!*

*Всё прощание — в одиночку,
Напоследок — не верещать.
Завещаю вам только дочку —
Больше нечего завещать.*

КНИГА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Нынешним летом (2011 год) «морская» часть личной библиотеки Виктора Конецкого пополнила фонды научной библиотеки Центрального военно-морского музея.

В ЦВММ мною были переданы и личные вещи писателя, его награды, часть рукописей, документов и фотоархива.

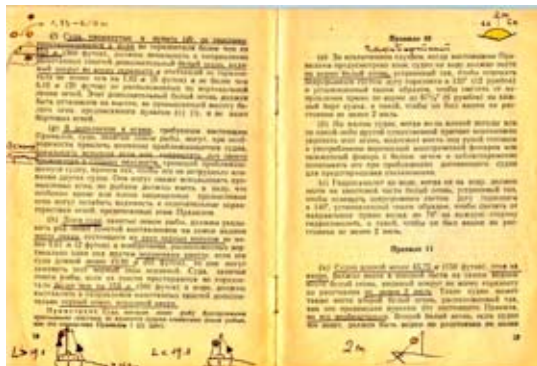
Надеюсь, что после переезда музея в новое здание на площади Труда (родные места для Виктора Викторовича) в экспозиции найдется место для представления писателя и моряка Виктора Конецкого.

Книги, которыми писатель дорожил, станут доступными для чтения и изучения специалистам, и это хороший повод для размышления о его морской и творческой судьбе.

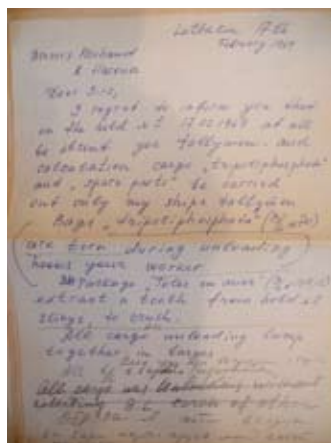

Книга Виктора Конецкого «Морские сны» (Л.: ЛО «Сов. писатель», 1975). Автограф писателя: «Юре Комару — от Вити КАПЕЦКОГО, который столько наврал в своих книгах. ВК. 01.09.78». На титуле книги запись, сделанная рукой Виктора Конецкого: «Ю. Комаров плавал радистом на т/х «Леваневский», когда мы с Данелией и Таланкиным осваивали остров Жохова. Он вернул мне эту книгу, ибо спас ее из огня во время судового пожара. В К».

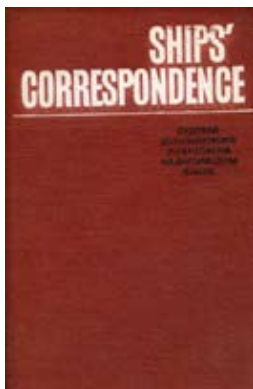
Простатривая книги для передачи их в научную библиотеку, я вновь переживала радость общения с Виктором Викторовичем: и в них его пометки, рисунки, фотографии, рабочие записи, сделанные в морских рейсах; они помнят его тепло (некоторые из них он хранил в шкафу, отдельно от других книг, и часто брал в руки, вспоминая свои рейсы).

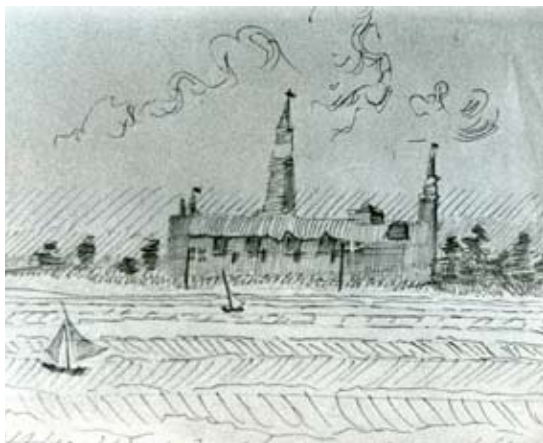
Правила для предупреждения столкновения судов в море (ППСС).
Л.: Управление гидрограф. службы ВМФ, 1963.
На обложке: «Т/х “Невель” кап. мостик».

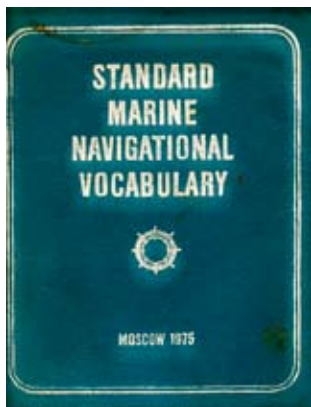
Рыбаков Н. Ф. Штурманский морской англо-русский словарь
(М.: Изд-во Гидрограф. упр-я ВМС, 1947).
Рабочие записи Виктора Конечкого на английском языке. 1969 г.

Бобровский В. И. Судовая документация и переписка на английском языке. М., 1967.
В книге рисунок: Виктор Конецкий. Латакия. 1969 г.

Виктор Конецкий. Дания. Эльсинор. Б/д.
Виктор Конецкий. Сирийские докеры. Порт Латакия (Сирия).
С борта т/х «Челюскинец». 1969 г.

*Стандартный морской навигационный словарь-разговорник. М.: Рекламинформбюро, 1975.
Рабочие записи Виктора Конецкого на английском языке.*

*Фотографии и рабочие записи в «Атласе Антарктики»
(Л.: Гидрометеоролог, 1969) — после рейса на т/х «Эстония» в 1979 г.
к берегам Антарктиды.*

Виктор Конецкий. Восход на рейде Рио-де-Жанейро. С борта т/х «Эстония». Акварель. 1979 г.

Виктор Конецкий. Станция Молодежная. С борта т/х «Эстония». Акварель. 1979 г.

Название к фотографии рукой Виктора Конецкого: «Не сердись на меня, пожалуйста!» 1979 г.

Графические и акварельные наброски Виктора Викторовича, сделанные в море, красноречивее слов. Вот еще два из них — фотографии этих работ (подлинники в РГАЛИ) — в книге адмирала Макарова.

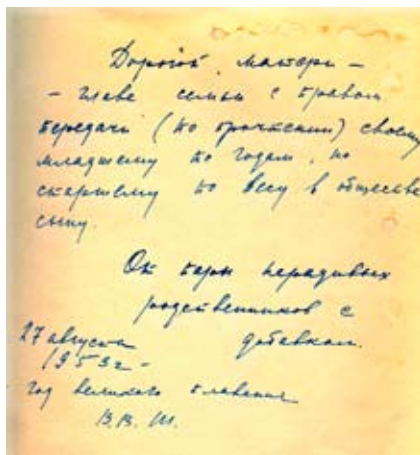
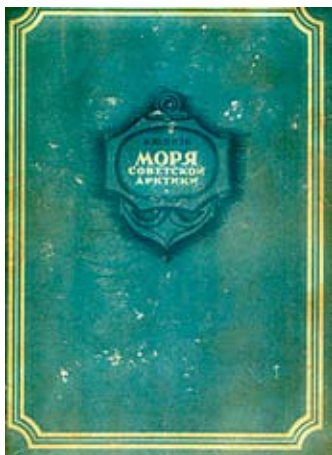

Макаров С. О. «Ермак» во льдах». СПб: Тип-я акц. общ-ва Е. Евдокимцева, 1901.

Виктор Конецкий. Озеро Кровавое. 1982 г.
На обороте фотографии надпись Виктора Конецкого: «Таежное озеро у Игарки». С борта т/х «Индига» В. К.».

Виктор Конецкий. «Букет». Б/д. Надпись на обороте фотографии Виктора Конецкого: «А эти цветочки я собрал между рельсовых путей в Монтевидео. В. К.»

А эта книга — «длиною в жизнь» — «Моря советской Арктики» В. Ю. Визе. На переднем форзаце книги надпись, сделанная Виктором Конецким матери Любови Дмитриевне Конецкой:

«Дорогой матери — главе семьи с правом передачи (по прочтении) своему младшему по годам, но старшему по весу в обществе сыну. От нерадивых родственников с добавками. 27 августа 1955 г. — год великого плавания. В. В. Ш.» (ошибочно указан 1953 г. — Т. А.).

Эта надпись сделана после серьезного знакомства с Арктикой — в мае 1955 года 26-летний капитан Конецкий участвовал в перегоне судов по Северному морскому пути на МРС-823 из Петрозаводска до Петропавловска-на-Камчатке.

Об этом перегоне есть запись в дневнике Виктора Викторовича:

«После демобилизации с Северного флота я ушел в Арктику на МРС. О рейсе на малых рыболовных траулерах из Петрозаводска на Камчатку я написал весьма романтическую повесть «Завтрашние заботы». На самом деле рейс этот был ужасающим, самым страшным за всю мою жизнь. Боже, что за сброд набрали в экипажи! А что мы жрали три месяца на этих малютках во льдах и штормах, где на камбузе плита топилась углем и в кубриках тоже. А какую воду мы пили из ржавых малюсеньких танков. Какие кровавые, с ножами, драки вспыхивали на стоянках! А как дурели от денатурата и одеколona. И представьте себе, все 34 суденышка в одну навигацию прошли СМП! Никому из капитанов не было тридцати лет, а мне 26. Американцы, конечно, следили за караваном,

ибо тогда через Арктику шли и наши подводные лодки. Им тоже было весело во льдах, хотя они и были обшиты в «шубы» — доски и бревна. Американцы писали в своих газетах, что большевики сошли с ума. Правильно писали. Но мы прошли, а не сошли.

В Петропавловске я напился и меня раздели, но документы, к счастью, были на судне, а часы я не отдал — из принципа. Есть в Петропавловске-Камчатском сопка с названием Сопка Любви. Вот на склоне этой сопки я и закемарил пьяный, когда меня раздели. А когда я явился на судно, застал там дикую драку: мои ребята столкнулись с ребяташками с соседнего МРСа. Я схватил единственное оружие — ракетный пистолет “Веря” и, спустившись в кубрик к соседям, увидел сгустки крови на переборках и рундуках, заорал: «Прекратить!» Но выстрелить, слава богу, не успел! — пистолет выбил и сунул себе за пазуху боцман с соседнего судна.

На Камчатке получили сумасшедшие деньги. И я, как старший капитан, набитый этими деньгами, летел с Петропавловска в Питер через Магадан. И видел Камчатку с птичьего полета. О, это зрелище! — дьявол придумал эти дымящиеся перекрученные горы и сопки! Да еще пересыпанные снегом. А когда прилетел в Питер, там было наводнение, крупное. Домой на канал Крунштейна к подъезду меня подвез шофер грузовика — вода стояла на уровне первых этажей. Английские боевые корабли, явившиеся в Питер с визитом дружбы, посрывало на Неве с якорей...»

Ледокольная проводка судов. 1955 г. Фотография передана мне Н. И. Гришиным.

Николай Иванович Гришин. На вечере, посвященном Виктору Конецкому. РНБ. 2004 г.

В книге Визе В. Ю. «Моря советской Арктики. Очерки по истории исследования» (М.—Л.: Изд-во Главсевморпути, 1948) автограф Валентина Аккуратова, датированный 11.03.1982 г. и запись Виктора Конецкого: «Автограф Аккуратова, сделан у меня дома на съемках фильма о нем. ВК»

«Это Витя на нас смотрел с позиций своего опыта службы на спасателях», — так прокомментировал мне эту страницу дневника мужа его соплаватель на МРС-823 Николай Иванович Гришин. — «Не было на перегоне никакого сброда! Были пацаны семнадцати-восемнадцати лет. Большинство — курсанты из мореходок, опыта никакого. Ну, хулиганили... Витя строгим капитаном был. Но и вкалывал наравне с нами, мальчишками. Нас удивляли его интеллигентность и начитанность, а его рассказы мы были готовы слушать часами. Вот только времени было в обрез...» (с диктофонной записи, сделанной мною в 2002 г. — Т. А.).

Книга В. Ю. Визе «Моря советской Арктики» побывала в руках Виктора Викторовича и в 1982 году:

«Автограф Аккуратова, сделан у меня дома на съемках фильма о нем. ВК.» (на странице 393, автограф датирован 11.03.1982 г.).

Валентин Иванович Аккуратов (1909 — 1993) — заслуженный штурман СССР, почти четверть века был главным штурманом Полярной авиации.

Аккуратов принимал участие в поисках самолета С. А. Леваневского. А в марте 1941 года достиг арктического Полюса относительно недоступности (с летчиком И. И. Черевичным).

Во время Великой Отечественной войны Валентин Иванович служил в арктической авиаразведке и в дальней бомбардировочной авиации.

Об этом шла речь в фильме, в котором принимал участие и Виктор Конецкий (фильм показывали дважды, но его название я не запомнила).

В полярной авиации служил и товарищ Аккуратова Герой Советского Союза Илья Павлович Мазурук (1906—1989). В 1937 году в качестве командира самолета ТБ-3 он участвовал в высадке первой дрейфующей полярной научной станции «Северный полюс — 1».

По воспоминаниям Ильи Кукулина И. П. Мазурук — внимательный читатель Конецкого — так говорил о Викторе Викторовиче: «Это не просто писатель, а настоящий моряк, который на хлеб зарабатывает не придумыванием сюжетов, а тяжелым моряцким трудом. Виктор Конецкий придерживается старого штурманского правила — пишет, что видит, а чего не видит, того не придумывает».

Почему я об этом вспомнила?

«Если бы я был у Вас вторым пилотом или штурманом, мы бы не подвели друг друга»... (В. Конецкий — М. Галлаю).

Прошли годы и книга «Моря советской Арктики» снова оказалась с Виктором Викторовичем в рейсе — его последнем плавании на т/х «Кингсепп» в 1986 году.

На титуле книги запись Виктора Конецкого:

«Эта книга прошла по всем морям советской Арктики в навигацию 1955 г. и по воздуху пересекла Россию с Востока на Запад (на СРТ-823) + п.Дудинка, 05.10.1986 г. т/х «Кингсепп»; РДО от нач. отд. кадров БМП Муштакова от 04.10 № ОК/2537 «Списать ДКМ КВВ в любом удобном ему порту». И так, эта книга совершила еще следующее путешествие — Л-д — Мурманск, Диксон, Тикси, Зел.Мыс, Певек — Зел.Мыс — Дудинка — Игарка (05.10 — 06.10) — Красноярск (?)»

«Итак, в Игарке распрощался с судном.

Третьи сутки сижу в аэропортовском бараке, жду самолет на Красноярск.

«Нет погоды».

Перестройка. Уже грохнул Чернобыль и утонул «Нахимов». Я уже в начале рейса рассказывал, как солдаты-пограничники размещивают сапожную ваксу вместе с дегтем в денатурате. Пьют и остаются живыми. Пуцай наши внутренние и внешние враги тешат себя надеждой на скорую гибель России. Долго им придется ждать...

В единственном продовольственном магазинчике аэропорта висит объявление: «Сухое молоко отпускается детям до 12 лет строго по справкам». На дверях камеры хранения мелом написано: «Мест нет и не будет».

Народ в бараке валяется в четыре яруса. Сижу верхом на чемодане, как король на именинах. Духота, мат, детские рыдания, но под потолком барака мерцает телевизор. Правда, экран размером с книжку начинающего писателя, а изображение вовсе чахоточное.

Плевать мне на СМИ. Прощаюсь с Арктикой. Первый раз прошел ее тридцать три года назад. **Быстро промелькнула жизнь.**

Объявляют посадку. Народ тянется на взлетное поле понуро и в молчании.

И вдруг знакомый голос Беллы [Ахмадулиной] из далекой Москвы, из-под притолоки аэропортовского барака:

*Та любит твердь за тернии пути,
Пыляню брызг предпочитает пыльность
И скажет: «Прочь! Мне надобно пройти».
И вот проходит — море расступилось...*

.....
*Раз так пройти, а дальше — можно
Стать прахом неизвестно где...»
Виктор Конецкий «Последний рейс».*

В Красноярске книга побывала в гостях у Виктора Петровича Астафьева, — к нему Виктор Конецкий заглянул перед возвращением в Ленинград.

«Никто пути пройденного у нас не отберет»...

